

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ЦЕНТР ПРЕВОСХОДСТВА ИМ. ЖАНА МОННЕ

МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ.
ЕВРОПА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

Материалы международной научной
конференции

Издательство Томского университета
2018

УДК 304
ББК 60.542.15
М 75

Молодежь Европы и России. Европа и Европейский союз
М 75 глазами ученых: матер. междунар. науч. конф. (17–19 мая
2018 г., г. Томск) / сост. И.В. Губарева; под ред. Л.В. Дериглазовой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. – 168 с.

ISBN 978-5-7511-2533-2

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Молодежь Европы и России. Европа и Европейский союз глазами ученых», организованной Центром превосходства им. Жана Монне / Центром европейских исследований: Фокус на молодежь.

Для студентов, преподавателей и специалистов, занимающихся изучением молодежи и молодежной политики в странах ЕС, европейскими исследованиями и изучением Европейского союза.

УДК 304
ББК 60.542.15

*Сборник опубликован за счет средств гранта Европейского союза –
Центра превосходства им. Жана Монне / Центра европейских
исследований: Фокус на молодежь, 2015 – 0860/071-001*

*Сборник подготовлен на основе оригинальных материалов,
предоставленных авторами. Европейский союз не несет ответственности
за выводы и мнения, высказанные авторами*

ISBN 978-5-7511-2533-2

© Авторы статей, 2018

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION
«NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY»

JEAN MONNET CENTER OF EXCELLENCE

**YOUTH IN EUROPE AND RUSSIA
EUROPE AND THE EU THROUGH THE
EYES OF SCHOLARS**

**Abstracts of the international
conference**

TSU Publishing House
2018

**Youth in Europe and Russia.
Europe and the EU through the Eyes of Scholars.
International Conference** / composed by Ilona Gubareva;
ed. by Larisa Deriglazova.

ISBN 978-5-7511-2533-2

The collection presents abstracts of papers presented by participants of International Conference “Youth in Europe and Russia. Europe and the EU Through the Eyes of Scholars”, organized by Jean Monnet Center of Excellence / Center for European Studies: Focus on Youth, at Tomsk State University.

Papers present original researches on youth in the EU countries and Russia, European studies and studies of the European Union.

*The collection of abstracts is published in the framework of the project
Jean Monnet Center of Excellence/ Center for European Studies:
Focus on Youth, 2015-0860/071-001*

*The publication is prepared on the basis of original materials submitted by
the authors. The European Union is not responsible for the conclusions
and viewpoints expressed by the authors*

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Молодежь Европы и России	9
<i>Васильева Н.В., Крупец Я.Н.</i> Молодежь в городе: повседневная мобильность и производство горожанина в метро	9
<i>Вольфсон С.В.</i> К вопросу о проблемах молодежи и молодежной политики	13
<i>Дериглазова Л.В.</i> Молодежь Европы и России: жизненные перспективы и доступные сценарии в мире безграничных возможностей и ограниченных ресурсов	16
<i>Катаман Д.О.</i> Специфика процесса социализации современной британской молодежи	21
<i>Кузнецова М.А.</i> Влияние Брексита на положение иностранных студентов в Великобритании	27
<i>Матвеева Е.А.</i> Итальянская молодежь как субъект и объект в процессе конструирования европейской идентичности	30
<i>Морозова А.Е.</i> Отношение молодежи Великобритании к Брекситу	36
<i>Олейников И.В.</i> Грани сотрудничества: особенности реализации молодежных обменов между Иркутском и европейскими партнерами	41
<i>Омельченко Е.Л.</i> Российская молодежь в сравнительной европейской перспективе: глобальные тренды и локальные идентичности	45
<i>Погорельская А.М.</i> Беларусь в Болонском процессе: трудности перевода	49
<i>Rouze L.</i> Reality of modernization of public administrations in the European Union member-states and in Russian Federation (Проблема модернизации органов государственной власти (администрации) в Европейском союзе и Российской Федерации)	54
<i>Саблина А.А.</i> Следуя за ловцами покемонов: городское пространство, комьюнити и российский контекст	59
<i>Самутина О.С., Юматов К.В.</i> Деятельность Миссии наблюдателей Европейского союза в Грузии в отношении молодежи	63
<i>Супрыгина Г.Г.</i> Вклад «новых левых» в общественно-политическое развитие ФРГ	67
<i>Ульянов П.В., Чернышов Ю.Г.</i> Степень распространения мигрантофобии среди молодежи Великобритании	72
<i>Фоменко С.В.</i> О процессе историзации «1968-го» и «долгих шестидесятых»	77
<i>Fransberg M.</i> Constructing graffiti masculinity in European metro context – A youth culture in the media city (Конструирование маскулинного граффити в европейском метро: молодежная культура в медиа-пространстве города)	84
<i>Хахалкина Е.В.</i> Фактор свободной мобильности в политике Великобритании в отношении Европейских сообществ / Европейского союза в прошлом и настоящем	85
Раздел 2. Европа и Европейский союз глазами ученых	90
<i>Вшивкова А.А.</i> Формирование региональной инновационной системы на основе модели «четверной спирали» в странах Европейского союза	90

<i>Губарева И.В.</i> Программы помощи Европейского союза России в области ядерного нераспространения 1991–2006 гг.	95
<i>Дмитриенко А.А.</i> Актуальные вопросы исследования сепаратизма в Европе	96
<i>Злобина Е.О.</i> Программа Восточного партнерства и ее влияние на реформы в Грузии: конституционная реформа	99
<i>Зуева Т.В., Лекаренко О.Г.</i> Тематика ЕС в проектных работах студентов-историков	102
<i>Лескина Н.В., Муратишина К.Г.</i> Европейское пространство высшего образования: сотрудничество и возможности адаптации на постсоветском пространстве, в Восточной Азии и в других регионах	107
<i>Мальшева Н.С.</i> Космическая политика ЕС в начале XXI века: аспекты безопасности	112
<i>Мирошников С.Н.</i> «Термидор» восточного расширения ЕС: реальность и ожидания	114
<i>Неупокоева Ю.А.</i> Европейский союз и проблемы урегулирования нагорно-карабахского конфликта	119
<i>Пакулин В.С.</i> Сотрудничество ЕС и Китая в рамках инициативы «Один пояс – один путь»	123
<i>Потапов П.А.</i> Двусторонние отношения России и Италии на фоне Украинского кризиса	127
<i>Саблин К.С.</i> Проблема имплементации механизма четверной спирали в ресурсных регионах России	134
<i>Смоленчук О.Ю.</i> Голландский опыт миротворчества в рамках миссий Европейского союза 1998–2017 гг.	139
<i>Троицкий Е.Ф.</i> Политика сплочения ЕС: от реформы 2013 г. к реформе 2020 г.	143
<i>Фоминых А.Е.</i> Программа «Темпус» в России (1994–2013): история и результаты	148
<i>Цибизова И.В.</i> Проблема исламофобии в Германии, 2015–2016 гг.	152
<i>Чугунова Н.Е.</i> Европейский союз и французское государство в официальных документах и публичном дискурсе Бретонской партии и Демократического бретонского союза	154
Сведения об авторах	160

TABLE OF CONTENTS

Section 1. Youth in Europe and Russia	9
<i>Vasileva Nadezhda V., Krupets Yana N.</i> Youth: in a city: everyday mobility and production of a citizen in metro	9
<i>Wolfson Savely V.</i> Problems of youth and youth policy	13
<i>Deriglazova Larisa V.</i> Youth in Europe and Russia: life perspectives in a world of unlimited possibilities and limited resources	16
<i>Kataman Dmitry O.</i> Particularities of socialization of British youth today	21
<i>Kuznetsova Maria A.</i> The impacts of 'Brexit' on a status of international students in Great Britain.....	27
<i>Matveeva Elizaveta A.</i> Italian youth as a subject and an object in construction of European identity.....	30
<i>Morozova Anna E.</i> The attitude of British youth on 'Brexit'.....	36
<i>Oleynikov Ilya V.</i> Facets of cooperation: particularities of realization of youth exchanges in Irkutsk with European partners	41
<i>Omelchenko Elena L.</i> Russian youth in comparative European perspective: global trends and local Identities	45
<i>Pogorelskaya Anastasia M.</i> Belarus in Bologna process: lost in translation	49
<i>Rouze Lola.</i> Reality of modernization of public administrations in the European Union member-states and in Russian Federation	54
<i>Sablina Anastasia A.</i> Following catchers of Pokémon: urban space, community and Russian context	59
<i>Samutina Olga S., Yumatov Konstantin V.</i> The youth policy of the EU Monitoring Mission in Georgia	63
<i>Suprygina Galina G.</i> New Left influence on social and political development of Federal Republic of Germany	67
<i>Ulyanov Pavel V., Chernyshov Yury G.</i> The Degree of the migrantophobia among young people in the Great Britain	72
<i>Fomenko Svetlana.</i> Writing a history of '1968' and 'long sixties'.....	77
<i>Fransberg Malin.</i> Constructing graffiti masculinity in European metro context – a youth culture in the media city.....	84
<i>Khakhalkina Elena V.</i> The factor of free mobility in UK policy towards the European Communities and European Union in past and present	85
Section 2. Europe and the European Union through the Eyes of Scholars	90
<i>Vshivkova Anastasia A.</i> The formation of a regional innovative system on the basis of "Fourth spiral" model in the European Union countries.....	90
<i>Gubareva Ilona V.</i> The European Union assistance program towards Russia in the area of nuclear nonproliferation	95
<i>Dmitrienko Aleksey A.</i> Studies of separatism in Europe	96
<i>Zlobina Elizaveta O.</i> Eastern Partnership and its impact on reforms in Georgia: constitutional reform.....	99
<i>Zueva Tatiana V., Lekarenko Oksana G.</i> EU topics in projects works of students of history.....	102

<i>Leskina Natalia V., Muratshina Ksenia G.</i> European Higher Education Area: cooperation and possibilities of adaptation in post-Soviet space, East Asia and other regions	107
<i>Malysheva Nina S.</i> The European Union Space policy at beginning of XXI century: security aspects	112
<i>Miroshnikov Sergey N.</i> A ‘Termidor’ of the EU Eastern Enlargement: reality and expectations.....	114
<i>Neupokoeva Julia A.</i> The European Union and resolution of Nagorny Karabakh conflict.....	119
<i>Pakulin Vitaly S.</i> The EU and China cooperation within an initiative “One Belt, One Road”	123
<i>Potapov Pavel A.</i> Italy and Russia bilateral relations in the context of Ukrainian crisis.....	127
<i>Sablin Kirill S.</i> The problem of Quadruple Helix mechanism implementation in Russian ‘resource’ regions	134
<i>Smolenchuk Olga Y.</i> The Dutch Peacekeeping Experience within the EU Missions, 1998–2017	139
<i>Troitsky Evgeny F.</i> The EU Cohesion Policy: from reforms of 2013 to reforms of 2020.....	143
<i>Fominykh Aleksey E.</i> The EU Tempus Programme in Russia (1994–2013): history and outcomes.....	148
<i>Tsibizova I.V.</i> The problem of islamophobia in Germany, 2015–2016.....	152
<i>Chugunova Nadezhda E.</i> The European Union and France in official documents and public discourse of Breton Party and Democratic Breton Union	154
Author information.....	160

Раздел 1

МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ

МОЛОДЕЖЬ В ГОРОДЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВО ГОРОЖАНИНА В МЕТРО

Н.В. Васильева, Я.Н. Крупец

В статье представлены первичные результаты анализа качественных интервью с молодежью, проживающей в настоящий момент в Санкт-Петербурге и имеющей опыт пользования городским метрополитеном. Данные интервью были собраны в рамках международного сравнительного исследования «DIGITAL YOUTH IN THE MEDIA CITY: Urban Ethnography in the Streets and Stations of Helsinki and St Petersburg», финансируемого Kone Foundation (2016–2018).

Одним из фокусов проекта было изучение повседневного использования метро молодежью Хельсинки и Санкт-Петербурга как одной из ключевых городских технологий, формирующих повседневную мобильность горожан и самого мобильного горожанина [1]. Как отмечает О.Н. Запорожец, «метро... приучило горожан к быстрому и практически непрерывному движению, создав эталон скоростной мобильности в городе, своеобразную предтечу перемещения “в один клик” на просторах Интернета» [Там же. С. 147]. Вместе с тем исследованию пассажиров метрополитена до сих пор уделяется недостаточно внимания.

Метро сегодня используют самые разные группы горожан, в том числе и молодежь, соответственно оно имеет различные функции, связанные с современной мобильностью, коммуникацией, наблюдением и контролем, оно становится местом встреч, общения, конфликтов, где необходимо поддерживать дистанцию. Метро задает наши телесные переживания, структурирует наш график и ритм, соединяет различные локации и соответственно делает видимыми раз-

личные дифференциации современного города, например между центром и периферией, между социальными классами, этническими, гендерными и возрастными группами. Метро – это транзитное общественное пространство, в котором виртуальные и материальные элементы медиа-города соединяются для создания новых форм социального существования. Одна из задач нашего исследования состояла в том, чтобы посмотреть, каким образом молодежь двух городов использует метро сегодня в условиях развития новых технологий, в том числе цифровых, и как осваивает данную технологию, которая, в свою очередь, формирует ее саму, производя ее гендер, возраст и другие социальные статусы через повседневные взаимодействия с технологией и другими горожанами.

В качестве основной стратегии исследования использовалось этнографическое кейс-стади (исследование случая) в двух городах (Хельсинки и Санкт-Петербург). Представлен анализ 24 качественных интервью с молодежью в возрасте от 16 до 31 года, из них 14 женщин, 10 мужчин, проживающих на данный момент в Санкт-Петербурге, однако имеющих разный опыт миграции и пользования метрополитеном (в частности, среди информантов было 6 «metro-natives» – пользователей метро с рождения, остальные «знакомились» с технологией уже в более зрелом возрасте). Интервью были собраны в 2017 г. Кроме того, в рамках кейса проводились наблюдения в метро, которые также использованы в анализе.

Метрополитен Санкт-Петербурга открыт в 1955 г., на данный момент – 5 линий, 67 станций; метрополитен Хельсинки – в 1982 г., на данный момент – 2 линии, 17 станций.

Говоря о современном метро, необходимо отметить множественность его функций. Метро – городской транспорт, технология и средство перемещения больших потоков пассажиров, но вместе с тем это еще и государственный стратегический объект, пространство сохранения советской истории и музейный объект, это эстетическое пространство, место встреч, место творчества и др. И в повседневном использовании пассажиры могут переключаться между форматами, выходя из роли «пассажира» и примеривая на себя, например, роль туриста, или героя фильма, или гражданина.

Метро, изначально создаваемое как транзитное пространство, и сегодня сохраняет данное значение как для профессионалов – работников метро, так и для многих пассажиров. Наши интервью показывают, что молодые люди воспринимают его вполне функциональ-

но (как транспорт) и не стремятся переопределить его функционал. На наши вопросы о том, хотели бы они больше времени проводить в метро (на станциях), развивать соответствующую инфраструктуру (кафе, магазины), многие отвечали: «не нужно, зачем». Вместе с тем внутри этого транзитного пространства могут происходить ситуативные переопределения, когда метро может становиться рабочим кабинетом, укрытием, пространством для игр и т.п.

Современный горожанин, особенно молодой, демонстрирует развитые навыки пользования подземкой [1], что также подтверждается нашими данными. И такие компетенции постоянно совершенствуются и дифференцируются, включая в себя не только умения по пользованию метро как технологией (умение ориентироваться в станциях, выстраивать маршруты, проходить в метро через контроль и турникеты, пользоваться эскалатором, выбирать лучший вагон, занимать место, лавировать в толпе и т.п.), но также и навыки по проведению времени в метро, по управлению своими эмоциями, по выстраиванию границ, по преодолению цифровой «пористости» города [2].

Особенно востребованным навыком оказывается умение выстраивать дистанцию и создавать приватность в публичном пространстве. Метро – это не просто публичное пространство, но и место, где большое количество людей находится определенное время в тесной физической близости. Большое количество людей путешествуют в закрытом пространстве вагонов метро, сидят / стоят рядом друг с другом или перед другими. Наше исследование показывает, насколько некомфортным может быть эта близость, с которой всячески пытаются справиться, прежде всего, за счет «правильного» выбора места и наличия помощников – гаджетов (телефонов, плееров, электронных книжек и др.), позволяющих увеличить дистанцию или построить «защитный заслон», используя наушники, или скрыться за экраном мобильного устройства. И это универсальные навыки, которые мы обнаружили в метро как Санкт-Петербурга, так и Хельсинки.

Конечно, существуют и отличия Санкт-Петербургского метро от метро Хельсинки, среди которых особенно можно выделить разницу в технологической и социальной инфраструктуре контроля (турникеты, рамки проверки, наличие охранников и полиции, аудиальная среда, насыщенная инструкциями и запретами, и т.п.). Такая структура задает, с одной стороны, гораздо более видимые, структурированные и «телесные» пути / маршруты для

пассажиров метро Санкт-Петербурга, с другой – производит ощущение постоянного контроля и задает восприятие опасности / безопасности пространства метрополитена.

Тенденция к секьюритизации является особенностью метрополитена многих городов, хотя и по-разному. Метро и станции Санкт-Петербурга являются одними из самых регулируемых и контролируемых общественных мест в городе, с технологическим контролем, полицией, охранниками и камерами наблюдения. Такие средства контроля, с одной стороны, нацелены на производство ощущения безопасности в метро, с другой – своим присутствием также напоминают и делают видимыми риски, с которыми пассажир может столкнуться в метро (например, теракт); таким образом, метро становится местом повышенной опасности. И эти средства контроля могут порождать страх и неуверенность, в том числе в связи с тем, что могут быть применены в отношении простых пассажиров, которые могут быть проверены, оштрафованы или изгнаны из метро охранником. Однако наблюдения и интервью показывают, что такой контроль чаще всего применяется не к любому пассажиру (более подвержены контролю молодые мужчины и люди, определяемые охраной / полицией как мигранты), тем самым производя социальную дифференциацию и представление об «особо опасных» пассажирах. Наши информанты также отмечали, что испытывали на себе подобный контроль, при этом многие проблематизировали не сам факт контроля (он оценивался как необходимый в условиях общества риска), а эффективной существующей системы (неработающие рамки, неэффективная работа охраны и т.п.). Таким образом, мы видим, как существующие структуры (технологические и социальные) производят не только пространства, но и самого человека – пассажира / пользователя метро [3].

Также и повседневное взаимодействие пассажиров в метро может производить те или иные идентичности: возрастные, гендерные, этнические и др. Например, практика уступания места, рутинизированная, может привести к проблематизации возраста человека или необходимости «разыгрывать» свой гендер («уступите женщине место»). Встреча молодых людей со взрослыми людьми, людьми разных этничностей, культур, социального статуса в ограниченном пространстве метро подчас актуализирует проблемы, которых удается не замечать на поверхности (расизм, сексизм, насилие и др.).

Таким образом, можно говорить о том, что метро представляет собой пространство, в котором сконцентрированно можно наблюдать социальные процессы, происходящие на поверхности, что делает его очень ценным объектом для изучения социологами.

Литература

1. *Запорожец О.Н.* «Настроить город на свою волну»: метрополитен и управление городскими опытами // Теория моды: одежда, тело, культура. 2014. Т. 33. С. 143–161.
2. *Запорожец О.Н.* Метрополитен и цифровая пористость города // Топос. Философско-культурологический журнал. 2017. № 1–2. С. 150–167.
3. *Zaporozhets O.* Becoming a Subway User: Managing Affects and Experiences / NRU Higher School of Economics. Series WP6 «Гуманитарные исследования». 2014. No. BRP 52.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

С.В. Вольфсон

2018 год для меня – это шестидесятый год моей работы в высших учебных заведениях, из них 56 лет отдано Томскому государственному университету.

Можно было подводить итоги, поделиться ими с уважаемой аудиторией – участниками данной конференции.

Но время диктует иное содержание моего сегодняшнего выступления.

В конце второго десятилетия двадцать первого века очевидно, что человечество вступает в новый переломный период.

Ровно пятьдесят лет тому назад, в 1968 г., мы здесь, в Томском госуниверситете, провели конференцию, посвященную молодежным движениям того времени.

Летом 1969 г. Госкомитет по науке и технике СССР принял решение, в соответствии с которым Томскому госуниверситету поручалось исследование молодежных движений в странах Запада, выделялось соответствующее финансирование. В процессе выполнения этого задания сформировался научный коллектив, выкристаллизовалась основная тема наших исследований – молодежная политика правящих партий и правительств таких стран, как США, Великобритания, Германия, Франция.

Мы в Советском Союзе были фактически единственным коллективом, который на постоянной основе изучал опыт молодежной политики ведущих стран Запада. Но в начале 90-х гг. ситуация изменилась. Финансирование наших исследований фактически сошло на нет. Коллектив «молодежников» стал одной из основ отделения международных отношений исторического факультета ТГУ.

Но интерес к молодежной тематике на факультете сохранился. Об этом свидетельствует деятельность Л.В. Дериглазовой, ее учеников.

Что касается меня, то я никогда не терял интереса к тому, что происходит в молодежной среде как у нас в стране, так и за рубежом. И многое из того, что происходит сейчас, у меня вызывает все более растущую тревогу.

Журнал «Форбс» является изданием, которое отражает мнения и взгляды российского бизнеса. Он внимательно относится к процессам, происходящим в высшем образовании как в нашей стране, так и в мире. Вот точка зрения одного из его постоянных авторов – Олега Соловьева. Характеризуя образование будущего, он пишет: «Очевидно, что большие вузы с аудиториями, лекциями уйдут в прошлое. Классическое фундаментальное образование, безусловно, сохранится и станет наконец по-настоящему элитарным... В остальном же за счет сверхбыстрой скорости появления и трансформации профессий сотрется грань между школой, колледжем и вузом» [1].

В другой статье о перспективах образования в обозримом будущем Олег Соловьев более категоричен: «Смерть университета. Большинство вузов мира попросту отомрут за ненужностью, в лучшем случае станут филиалами огромных корпораций, предоставляющих услуги образования полного цикла» [2]. Олег Соловьев не одинок в абсолютизации влияния информационных технологий на перспективы высшего образования. Конечно, процессы социально-экономического развития, происходящие в различных странах, намного сложнее, все оцифровать и роботизировать вряд ли возможно и целесообразно. Израиль – современная страна, если оценивать его достижения в науке и современных технологиях. В 2017 г. Израиль занял первое место в мире по затратам на науку, по их удельному весу в валовом внутреннем продукте. И в этом же году британский журнал «Экономист» отмечал, что только десять процентов израильской экономики можно назвать современной.

И все же к экспертам, подобным Олегу Соловьеву, надо при-слушаться. Если хотя бы часть их прогнозов справедлива, то надо представить, какая ломка привычных процессов нам предстоит, как она повлияет на положение молодежи, какие проблемы возникнут, какие решения предстоит принимать.

А ведь речь идет о перспективах, о будущем. В течение ряда лет мы на своих встречах говорим о необходимости решения актуальных проблем молодежи, проблем, которые необходимо решать сегодня, сейчас.

Рядовой случай. Спрашиваю студентку, где она живет. Отвечает: «На частной квартире». «Прописана?». «Нет». Весьма нередкое явление в Томске, хозяева частных квартир отказываются прописывать снимающих квартиру студентов. Это – часть сложной проблемы проживания молодых людей в частном секторе. Я не знаю, кто изучает эту проблему, кто и какие решения предлагает.

А ведь молодежных проблем много. В первую очередь – проблема соответствия образования, которое получает молодежь в вузах и колледжах, потребностям времени, а значит, и последующего трудоустройства. Проблемы прав молодежи в учебном заведении и на работе, их соблюдения, их защиты. Проблема достоинства молодого человека. Проблемы жилья, сравнительно дешевого и экономичного. И т.д., и т.п.

И что очень важно, как сама молодежь реагирует на эти проблемы. Умеет ли молодежь защищать себя, свои интересы, опираясь на закон? У меня по этому вопросу свое мнение. Не умеет, поскольку именно этому ее никто не учит. Это, конечно, субъективная оценка.

Я много раз в течение многих лет спрашивал студентов об их отношении к роли студенческих профсоюзов в защите интересов студенчества. В лучшем случае – нейтральное.

Чего же мы хотим? К чему стремимся? Да, нас, взрослых, может устраивать спокойствие российского студенчества, российской молодежи. Но те, кто изучает историю молодежных движений, знает, что это спокойствие может быть мнимым.

Нерешаемость возникающих проблем молодежи иногда имеет своим следствием возникновение взрывоопасных ситуаций. Отсюда необходимость постоянного мониторинга ситуации в молодежной среде. Конечно, социологи изучают настроения молодежи. Это необходимо, без этого – беда. Тем более, что когда речь идет о настроениях молодежи, заказчик обычно находится.

Иная ситуация, когда речь идет об исследованиях проблем молодежи. Я пытаюсь узнать, кто подобными исследованиями занимается у нас, в молодежном Томске. Пока не получается.

И особенно трудно, когда речь заходит об изучении содержания и результативности молодежной политики. Здесь – в Томске, в регионах Сибири, в Москве и Санкт-Петербурге, наконец. Наверное, где-то есть ученые, которые этими вопросами интересуются. За всем не уследишь, тем более в моем возрасте.

Но если уж речь зашла о возрасте, мне ведь есть что вспомнить. Был в Москве институт молодежи. Собирались в нем «молодежники» («юнологи»), делились результатами своих исследований, спорили, делали выводы, рассказывали о них молодежным лидерам. Молодежные лидеры есть и сейчас, есть комитеты по молодежной политике, в том числе даже в Томском госуниверситете. Но как встретиться с ними, поговорить, посоветоваться! Хотя бы на этой конференции.

Литература

1. *Забывтое* старое: персонализация в образовании была придумана Аристотелем / О. Соловьев // Электронный ресурс: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/358443-zabytoe-staroe-personalizaciya-v-obrazovanii-byla-privumana-aristotelem> (дата обращения: 16.04.2018).

2. *Босс* против профессора: почему выпускники престижных вузов не могут найти работу / О. Соловьев // Электронный ресурс: <http://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/357279-boss-protiv-professora-pochemu-vypuskniki-prestizhnyh-vuzov-ne-mogut> (дата обращения: 16.04.2018).

МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ: ЖИЗНЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ДОСТУПНЫЕ СЦЕНАРИИ В МИРЕ БЕЗГРАНИЧНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ОГРАНИЧЕННЫХ РЕСУРСОВ

Л.В. Дериглазова

В сегодняшнем мире два вектора определяют жизненные сценарии молодежи: растущая открытость мира и возможности выбора жизненных сценариев и постоянное ограничение материальных ресурсов для достижения «оптимального жизненного сценария». Оба вектора развития современных обществ связывают с усилением нео-

либеральной идеологии и ее реализацией в практике государств на глобальном и национальном уровне. Либеральная идея «минимального государства» открыто поддерживается политическими элитами либо принимает форму фактически реализуемой политики в сферах, связанных с социальным обеспечением и перераспределением ресурсов. Происходит усиление рыночных механизмов и конкуренции взамен государственного регулирования экономических и трудовых отношений. Несмотря на то, что в последнее десятилетие Россия на официальном уровне скорее противостоит (идеологически, политически и экономически) современной Европе, особенно Европе-28, исследования молодежи стран Европы и российской молодежи показывают схожесть проблем и способов их преодоления в молодежной среде. В работе сделана попытка проанализировать статистические данные о положении молодежи и те жизненные сценарии и ценностные предпочтения, которые выделяют исследователи для российской и европейской молодежи.

Исследователи молодежи в странах Европы выделяют несколько факторов, определяющих положение и проблемы молодежи: старение общества и появление новых социальных рисков. Старение населения означает не просто увеличение числа пожилых людей, а сокращение числа экономически активных людей, которые включены в сферу производства и соответственно вносят постоянный вклад в социальные и государственные фонды через систему прямых и косвенных налогов и социального страхования. Учитывая, что ожидаемая продолжительность жизни в странах ЕС превышает 83 года, после выхода на пенсию (в среднем в 65 лет по странам ЕС) пожилые европейцы становятся основными потребителями социальных расходов (согласно статистике).

Старение населения также отражает изменение пропорций социальных групп в общей численности населения: между детьми (0–14 лет) и молодежью (15–29 лет) – будущим экономически активным населением и пожилыми людьми (старше 65 лет) – получателями социальных отчислений. В ЕС в 1994 г. количество детей и молодежи превышало количество пожилых людей почти на 10 млн чел., в 2004 г. показатели сравнялись, а в 2014 г. количество пожилых людей было уже на 14,8 млн чел. больше (93,9 млн пожилых людей против 79,1 млн детей и молодежи) [1. Р. 19–21].

Концепция «новых социальных рисков» обращает внимание на трансформацию структуры занятости современных постиндустриальных обществ, к которым, без сомнения, относят страны ЕС и Россию. В постиндустриальной экономике происходит сокращение занятости на крупных производствах, где условия найма и трудовых гарантий отстаивают профсоюзы.

Работа на предприятиях мелкого и среднего бизнеса нередко сопряжена с кратковременной занятостью и работой на неполный день, с меньшими доходами и объемом социального обеспечения. Изменение структуры занятости усугубляет другие проблемы работающей молодежи, связанные с изменением структуры семьи и возможностью совмещения работы и семьи. Изменение структуры семьи становится заметно в 1970-е гг. с увеличением числа работающих и получающих образование женщин, уменьшением рождаемости, ростом числа неполных семей и одиноких родителей. В постиндустриальном обществе происходит переход от концепции «работы в течение жизни» к «обучению в течение жизни», постоянному поиску работы и необходимости менять квалификацию. Молодым людям трудно найти работу, не имея предыдущего опыта; из-за отсутствия постоянной работы трудно планировать семью и детей. Все эти факторы экономического, социального и демографического характера «накладываются» и приводят к ограничению ресурсов, доступных для молодежи, которая попадает в категорию «новых бедных» [2].

Статистика, предоставляемая службой Евростат, показывает, что среди молодых людей показатель «бедности» выше средних показателей от всего населения. Так, доля населения ЕС-28, находящегося в зоне «риска бедности и социального отторжения», составляет 23,5 %, а для молодых людей (16–29 лет) – выше на 5 % (28,8 %). Этот показатель для всего населения ЕС менялся в пределах одного процента в последние восемь лет, для молодежи изменения были более существенными – от 25,7 % в 2009 г. до 29,7 % в 2014 г. Ряд стран ЕС-28 выделяется значительным превышением этого показателя от среднего по ЕС-28, особенно для молодежи. Так, для Болгарии и Румынии высокий риск бедности характерен для всего населения, для Италии, Греции и Испании риск молодежной бедности значительно превышает средние данные по странам. Таблица иллюстрирует различия.

Доля населения и молодежи, находящейся в зоне риска бедности и социального отторжения, 2016 г., %

Страна / ЕС-28	Доля от всего населения	Доля от населения в возрасте 16–29 лет
ЕС-28	23,5	28,8
Болгария	40,4	41,9
Греция	35,6	47,6
Испания	27,9	37
Италия	30	36,5
Румыния	38,8	43,7

Источник: Составлено по данным Евростат:

People at risk of poverty or social exclusion by age and sex (16-29). Eurostat. Last update 15.02.2018. URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

People at risk of poverty or social exclusion. Eurostat. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=1&pcode=t2020_50&language=en

Социологи, характеризую современную европейскую молодежь, используют термин «прекариат» – образованный класс молодых бедных, не имеющих постоянной работы. Другим часто встречающимся термином является «нини» (NEET – неучащиеся, неработающие и не получающие профессиональную подготовку (Not in Education, Employment or Training) [3] и даже «неактивные «нини» [4. Р. 16]. К сожалению, трудно найти официальные данные о положении молодежи в России и уровне бедности в силу отличной методологии расчетов и нехватки точных данных [5]. Можно только опираться на данные, предоставляемые в отдельных публикациях о молодежной безработице в России, и на опросы общественного мнения, которые отражают самоощущение россиян. Согласно недавним исследованиям, в России существует также поколение «нини» численностью порядка 2 млн чел. [6, 7]. Согласно опросу Левада-центра, в августе 2017 г. в тройку самых острых проблем страны вошли «рост цен (61 %), бедность и обнищание населения (волнуют 45 % респондентов), а также рост безработицы (33 %)» [8].

Поколение «миллениума» нередко оценивается специалистами из разных стран как поколение «неудачников», поколение риска, которое может стать серьезной угрозой политическому и экономическому истеблишменту во многих странах мира. Страны ЕС реализуют разные программы оказания поддержки молодым людям – безработным, из семей с низким уровнем доходов, учащимся, одиноким родителям. Как правило, молодежь наиболее защищена от «новых социальных рисков» в странах, экономически развитых

и имеющих обширную социальную поддержку и государство, активно участвующее в социальном регулировании. Это страны, которые по-прежнему сохраняют принципы регулирования трудовых отношений и перераспределения в пользу малоимущих (Франция, Швеция, Финляндия, Нидерланды, Германия). Однако южные страны ЕС, наиболее пострадавшие от экономического кризиса, и восточные страны ЕС вынуждены следовать неолиберальной логике сокращения государственных расходов и выполнения принципов финансовой дисциплины в рамках Валютного союза ЕС.

Исследователи молодежи, использующие качественные методы исследования, указывают на несколько распространенных жизненных сценариев, характерных для молодежи как Европы, так и России: офисный планктон, карьеристы, маргиналы, националисты, моралисты, «ищущие себя» и т.д. Следуя типизации Р. Мертона, адаптационные практики молодежи можно определить как попытки приспособления (конформисты), попытки выйти за пределы предлагаемых обществом и обстоятельствами ограничений (новаторы), покорное или активное следование форме действия без принятия ее содержания (ритуалисты), отрицание существующих практик и попытки выйти за пределы предлагаемого революционным путем (бунтари) и изоляция.

Исследователи отмечают повышение у молодежи конформистских практик – заинтересованность в работе, повышение самодисциплины, стремление к самосовершенствованию и постоянному улучшению своих навыков и уменьшение «вредных привычек». К этому выводу пришли британские ученые [9], об этом свидетельствуют исследования российской молодежи [10, 11]. Ряд исследований показывает несомненный рост интереса молодежи к предпринимательству [12, 13]. Еще одним способом справиться с существующими проблемами является попытка покинуть свою страну и найти возможности и применение себя в других обстоятельствах [14].

Литература

1. *Being young in Europe today*. 2015 edition. Eurostat Statistical books. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.
2. *Bonoli G.* The politics of the new social policies: providing coverage against new social risks in mature welfare states // *Policy & Politics*. 2005. Vol. 33, No. 3. P. 431–449.
3. *OECD* (2018), Youth not in employment, education or training (NEET) (indicator). doi: 10.1787/72d1033a-en (Accessed on 09 April 2018).
4. *Carcillo, S. et al.* (2015). “NEET Youth in the Aftermath of the Crisis: Challenges and

Policies”, OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 164, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/5js6363503f6-en>

5. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/

6. Трушин А. Полная безработица // Огонек. 2018. № 11. 26 марта.

7. Молодежная безработица: современные тренды и последствия // Газета. 2017. 25 апр.

8. Россияне назвали бедность, цены и безработицу главными проблемами. Левада-центр. 31.08.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/31/rossiyane-nazvali-bednost-tseny-i-bezrobotitsu-glavnymi-problemami/print/>

9. *The onward march of the new young fogey*. BBC. 14.06.2016. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-36517857>.

10. Екатерина Шульман: Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить. Правмир. 13.12.2017. URL: <http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>

11. *Jarrett Zigon. Making the New Post-Soviet Person: Moral Experience in Contemporary Moscow*. Leiden; Boston: Brill, 2010. 257 p.

12. *Tine Anderson and Karsten Frøhlich Hougaard, Sigrid Nindl, Amanda Hill-Dixon* (2017). Taking the future into their own hands: Youth work and entrepreneurial learning. Final report. Case study reports European Commission. 158 p.

13. *Julie Hemment. Youth Politics in Putin’s Russia. Producing Patriots and Entrepreneurs*. Indiana University Press, 2015. 276 p.

14. *Acquisition of citizenship in the EU*. Eurostat. Newsrelease. 59/2018/ 09.04.2018.

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д.О. Катаман

В современном мире остро стоит проблема социализации подростков и молодежи – проблема обеспечения бесконфликтного их вхождения в систему общественных отношений. Кризисные ситуации в различных сферах общества осложняют данный процесс и активизируют его изучение. Отношение к проблеме как к всемирной предполагает исследование опыта зарубежных стран, в частности Великобритании как одной из наиболее успешных в Европе в этой области, хотя и не исключает того, что социализация британской молодежи имеет свою специфику, отражающую исторические, политико-культурные и другие особенности Соединенного Королевства.

За отправную точку нашего исследования, затрагивающего только один аспект проблемы социализации британской молодежи, связанный с так называемым мультикультурализмом, взяты данные

последней переписи населения Великобритании (2011 г.), опубликованные на официальном сайте Национальной статистической службы Великобритании. Интерес к переписи обусловлен появлением в анкетах новых вопросов, позволяющих выяснить, как респонденты описывают свою «национальную принадлежность», какой у них паспорт, религия и этническое окружение.

По данным переписи 2011 г., в Великобритании проживало 63 181 775 чел. Что касается возрастной структуры населения Великобритании, то она выглядела так: люди в возрасте до 14 лет составляли 17,7 %, 15–24-летние – 13,1 %, 25–54-летние – 41,2 %, 55–64-летние – 11,6 %, 65-летние и старше – 16,4%. Европейцев насчитывалось 87,2 % населения, африканцев, выходцев из Карибского бассейна – 3 %, индийцев – 2,3 %, пакистанцев – 1,9 %, смешанных – 2 %, «других» – 3,7 %. Среди жителей Англии и Уэльса христиане (англиканы, римско-католики, пресвитериане, методисты) составляли 59,1 %, не исповедующие религию – 25,7 %, не определившиеся в своём отношении к церквям – 7,2 %, мусульмане – 4,8 %; индуисты – 1,3 %; приверженцы всех других религий – 2 %. Таким образом, второй по численности конфессиональной группой населения являлось мусульманское население, увеличившееся в Англии и Уэльсе за 10 лет более чем на 1 млн: с 1,5 млн чел. в 2001 г. до 2,7 млн в 2011 г. При этом 25 % христиан Англии и Уэльса являлись людьми старше 60 лет. То есть христианское население страны старело. И наоборот, 50 % британских мусульман были в возрасте моложе 25 лет. В молодежной группе 15–24-летних безработица составляла 21 % [1].

По сравнению с предыдущей переписью 2001 г. население Великобритании выросло почти на 5 млн чел., что в 5 раз превышало показатели прироста численности населения за 1991–2001 гг. Это оказался «самый высокий прирост в современной истории – даже выше, чем в годы “бэби бума” после Второй мировой войны, когда прирост был обусловлен скачком рождаемости. В отличие от тех лет, этот современный прирост был обусловлен преимущественно беспрецедентным уровнем иммиграции, которая последовала за расширением Европейского союза в середине 1990-х гг., когда в среднем за год численность населения возрастала почти на 200 000 человек» [2].

Повышению уровня иммиграции в период 1997–2011 гг. способствовала и политика лейбористов, основанная на идеях мультикультурализма, т.е. сохранении культурных особенностей этнических

и религиозных меньшинств, равенстве прав, толерантности, политкорректности. При премьерах Тони Блэре и Гордоне Брауне в 1997–2010 гг. была сформирована огромная законодательная база в сфере борьбы с ксенофобией, национализмом и дискриминацией. Так, в силу вступили новые Закон о правах 1998 г.; Закон об иммиграции и гражданстве 2002 г.; постановление о равенстве по религиозным убеждениям при приёме на работу 2003 г.; Закон об иммиграции и гражданстве 2006 г.; Закон о расовой и религиозной неприязни 2006 г.; Закон о равенстве 2006 г., и ещё один Закон о равенстве 2010 г., получивший межпартийную поддержку, поэтапно вводился в действие уже при консерваторах [3]. Благодаря этим законодательным актам охватывались практически все аспекты равенства и защиты прав личности независимо от пола, возраста, религии, расы, национальности и пр., что предполагало высокую степень включённости мигрантов и их потомков в социально-экономическую и политическую жизнь страны, а также их приверженность общей британской культуре [4].

Но предоставленная «мультикультурализмом» возможность этническим и религиозным группам сохранять свои традиции и нормы поведения, даже если они не совпадали с традициями и нормами поведения принимающего общества, порождала этническую и религиозную обособленность мигрантов, о чём свидетельствовало появление исконно мусульманских городских районов со своими правилами, уставами и законами в Лондоне (Боро Тауэр-Хамлетс, Нью-хем, Редбридж, Уолтем-Форест, где мусульманское население составляло, по данным переписи населения Англии и Уэльса 2011 г., соответственно 34,5; 32; 20 и 20 %); по 20 % и более мусульман насчитывалось в Брэдфорде и Лутоне в восточной Англии; в Слау на юго-востоке; в Бирмингеме центральной Англии, 27 % – в Блэкберне на северо-западе Англии.

Согласно одному из опросов «Фонда Сороса» 2012 г., 86,4 % мусульман Британии ощущали себя британцами, 83 % гордились тем, что они британцы, 82 % хотели жить в поликонфессиональном обществе. Но при этом лишь 7 % называли в качестве своей главной идентичности британскую, а 81 % думали о себе, в первую очередь, как о мусульманах [5].

Расстановка мусульманским населением приоритетов в категориях идентичности в пользу своих религиозных убеждений породила активизацию двусторонней деятельности по решению вопросов

интеграции мусульманских институтов социализации молодежи, важнейшим из которых является образование. Обсуждение проблемы государственного финансирования мусульманских школ, регулярно поднимаемой мусульманскими общественными организациями с 1970-х гг., постепенно привело к осознанию британским государством и обществом необходимости адаптации британской образовательной системы к специфическому мусульманскому институту.

В британском образовательном законодательстве были предложены две формы получения правительственного финансирования, которыми могли воспользоваться и мусульманские общины. Первая – это частные мусульманские школы, а вторая – предоставленная общинам возможность брать на попечение государственную школу с большим количеством учеников-мусульман.

Вторая форма была удобна, в первую очередь, для городов Великобритании с многочисленной мусульманской диаспорой. Это, безусловно, могло стать положительным моментом, так как рост численности детей иммигрантов спровоцировал серьезный кризис системы образования, который выразился прежде всего в том, что «преподаватели столкнулись с плохим знанием детьми английского языка. Учителя же, в свою очередь, не знали родных языков таких учащихся. Еще одной проблемой было несовпадение учебных программ и уровня подготовки старшеклассников. В силу этих причин большинство детей иммигрантов объективно отставали в обучении от своих сверстников. Это заставляло преподавателей адаптировать учебный материал к их возможностям и уровню подготовки, что влекло понижение качества образования английских детей. Соответственно резко понижался и общий уровень образования» [6].

Понижение качества образования не могло не тревожить родителей-англичан, ведь его уровень является ключевым фактором, непосредственно влияющим на успех молодых людей на последующем этапе процесса социализации, связанном с нахождением в будущем достойного места работы, от которого будет зависеть дальнейшее улучшение качества жизни. Более того, с понижением качества и уровня образования пропадал интерес учащихся к учебе, что влекло за собой такие явления, как прогулы и правонарушения, которые приводили нередко и к исключению из школы.

Согласно возникшему законодательству, в случае отказа властей общинам в финансировании взятых ими на попечение государственных

школ с большим количеством учеников-мусульман мусульманские общины могли приобрести «школьную» автономию путём увеличения роли родителей и общин в управлении школами, вплоть до передачи под их контроль большей части школьного бюджета. При данном раскладе сил местные органы образования уже не могли не учитывать пожеланий родителей-мусульман, среди которых были: проведение в школах по пятницам служб с приглашением имама, закрытая одежда для девочек, наличие в школьном меню мяса-халаль. (Вряд ли в числе просьб мусульманских общин значилось включение в учебное расписание такого предмета, как «Религиозное образование», представляющего собой «одну из немногих областей, где всерьез находит отражение мультикультурный характер британского общества» [7. Р. 57]).

В результате решение проблем этнических меньшинств, которые в некоторых школах стали большинством, шло вразрез с интересами «белого» населения Великобритании, представители которого в подобных учебных заведениях оказались в меньшинстве. Это не могло не сказываться негативно на взаимоотношениях учащихся из разных этнических групп. Молодым людям, попавшим в такую беспокойную атмосферу, школа может показаться «чем-то оторванным от жизни и слишком авторитарным, а совсем не местом, где закладываются основы для благополучия будущего и продвижения вперед» [8. С. 454].

Те родители, которые не могли мириться с таким положением дел, старались найти альтернативный вариант для обучения своих детей. Как правило, им становились религиозные школы, которые находятся на государственном финансировании и в которых принадлежность к ведущей религии не является обязательным условием для обучения в них. Интерес к этому варианту обучения проявляли даже приверженцы ислама из числа тех, кого привлекала дисциплина, царящая в церковных школах. С каждым годом процент мусульман в таких учебных заведениях только увеличивался. Согласно церковному отчету Англиканской церкви за 2017 г., «численность учеников-мусульман превышала численность учеников-христиан уже в 20 ее школах, а в некоторых из них мусульмане и вовсе составляли не менее 90 % учащихся. В школе же Англиканской церкви города Олдем (графство Большой Манчестер) учились исключительно мусульмане» [9].

Считается, что при сложившейся ситуации полная ассимиляция мусульман стала практически невозможна. Остаётся лишь интеграция с сохранением религиозной идентичности. В связи с этим стали корректироваться программы обучения в церковных школах. На-

пример, начали вводить исламские богослужения, отмечать мусульманские праздники, организовывать продажу хиджабов для учениц.

Сторонники такого рода процессов отмечают: учащиеся таких школ, не теряя своей религиозной идентичности, имеют возможность получить всестороннее образование, знакомясь, помимо обязательных предметов, с духовными ценностями и принципами гуманизма, имея возможность заниматься общественно полезной деятельностью, содействовать развитию общественных и межличностных отношений, что в совокупности является важным каналом успешной социализации молодого поколения.

Но не все приветствуют эти процессы. Именно неготовность коренных британцев к развитию описанной выше ситуации привела к всплеску национализма. Принято говорить, что нарастающий уровень недовольства и страха в среде коренных британцев скрыт в их недостаточной идеологической подготовке, не дающей им возможность «добровольно приветствовать мультикультурализм и радоваться тому, что родная культура подвергается фатальным трансформациям» [5]. Но нам кажется, что всё намного сложнее.

За жёсткие иммиграционные ограничения и меры, стимулирующие активную ассимиляцию этнорелигиозных меньшинств, сегодня активно выступают не только сторонники оголтелого национализма. Значительная часть общества бьёт обоснованную тревогу по поводу того, что может настать день, когда придётся спасать потомков коренных британцев и, более того, саму европейскую культуру, в основе которой лежат иудео-христианские ценности. В 2011 г. о крахе политики мультикультурности официально было заявлено Д. Кэмероном. Мультикультурализм, похоже, оказался не тем средством, которое способно решить проблемы социализации молодёжи в многоэтничном и многоконфессиональном обществе.

Литература

1. *Официальный сайт Национальной статистической службы Великобритании.* URL: <https://www.ons.gov.uk/> (дата обращения: 01.02.2018).

2. *Йен Уайт.* Измерение международной миграции по переписи населения 2011 г. в Англии и Уэльсе. URL: <http://docplayer.ru/35643735-Izmerenie-mezhdunarodnoy-migracii-naseleniya-po-perepisi-naseleniya-2011-v-anglii-i-uelse.html> (дата обращения: 02.02.2018).

3. *UC legislation.* URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/31/contents> (дата обращения: 20.01.2018).

4. *Карпов Г.А.* Великобритания: демография против мигрантов и мультикультурализма. URL: <http://www.sov-europe.ru/2014/2/Karpov%20Great%20Britain%20Multiculturalism.pdf> (дата обращения: 02.02.2018).

5. *Бородай С.Ю.* Ислам в современной Европе: демография, интеграция, перспективы. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5479> (дата обращения: 02.02.2018).

6. *Плещунов Ф.О.* Мусульманские школы Великобритании; борьба за государственное финансирование. URL: <http://istorja.ru/articles.html/england/pleshhunov-f-o-musulmanskie-shkolyi-velikobritanii-borba-za-gosudarstvennoe-finansirovanie-r323/> (дата обращения: 02.02.2018).

7. *Nielsen Y.* Muslims in Western Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1995.

8. *Гидденс Э.* Социология. М., 2005.

9. *Muslims Outnumber Christians At Over 30 Church Schools In England.* URL: <https://www.christiantoday.com/article/muslims.outnumber.christians.at.over.30.church.schools.in.n.England/104465.htm> (дата обращения: 02.02.2018).

ВЛИЯНИЕ БРЕКСИТА НА ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

М.А. Кузнецова

XXI в. ознаменован углублением процессов глобализации, одним из признаков которой является интернационализация жизни мирового сообщества. Этот процесс неизбежно ведет к формированию единого всемирного рынка, состоящего из отдельных экономик, что, несомненно, касается и сферы образования [1. С. 118]. Создание и развитие успешно функционирующей системы международного образования и привлечение все большего числа студентов из других стран становится не просто одним из путей увеличения бюджета принимающего государства, но и способом продвижения его политических интересов, культурных ценностей и традиций, образа жизни в другие страны, откуда приезжают мигранты с целью получения образования [Там же].

Международная студенческая мобильность стала массовым явлением еще в 1970-х гг. и попала вслед за этим под пристальное внимание мирового исследовательского сообщества. В настоящее время интерес к ней только возрастает, поскольку этот вектор образовательного экспорта является одним из быстрорастущих в экономической сфере и динамично развивается во всем мире. Так, в 2013 г. глобальный спрос на высшее образование составлял 97 млн мест, а на международное – 1,8 млн мест. По прогнозам транснациональной образовательной корпорации, к 2025 г. спрос на международное образование значительно возрастет – до 262 млн мест [Там же. 118–119].

В 2012 г. пять «принимающих» стран составили почти половину от общего объема мобильных студентов: Соединенные Штаты (18 %), Соединенное Королевство (11 %), Франция (7 %), Австралия (6 %) и Германия (5 %) [2]. Великобритания традиционно входит в ряды государств-лидеров по предоставлению мест в вузах для иностранных студентов. Так, например, из 2,3 млн студентов, принятых в британские университеты в 2014–2015 гг., 436,6 тыс. (19 %) приехали на учебу из стран ЕС и других государств [3]. И если в 2008–2009 гг. иностранные студенты (в том числе студенты-европейцы) приносили около 8 млрд ф. ст. в год [4], то на 2015–2016 гг. чистая выгода от иностранных студентов составляла уже чуть более 20 млрд ф. ст. [5].

Интернационализация образования с ее акцентом на привлечение студентов со всего мира органично вписывалась в концепцию мультикультурализма, которой Великобритания придерживалась с 1960–1970-х гг. [6. С. 79]. Однако в 2011 г. на конференции в Мюнхене, посвященной вопросам безопасности, премьер-министр Коалиционного кабинета Великобритании Д. Кэмерон (2010–2015 гг.) одним из первых заявил о крахе мультикультурализма и тем самым вкупе с рядом инициированных правительством преобразований поставил под удар возможности страны по привлечению иностранных студентов. В 2012 г. вследствие реформ в системе высшего образования в Великобритании цены на обучение в вузах Соединенного Королевства выросли почти в 3 раза (до 9 тыс. ф. ст. в год), что, как и ужесточение визовой политики государства, привело к сокращению числа иностранных студентов (с 238 тыс. чел. в 2011 г. до 164 тыс. чел. в марте 2016 г.) [7. С. 30].

Следующий удар по британским позициям в сфере интернационализации был нанесен судьбоносным для истории Великобритании событием – 23 июня 2016 г. состоялся референдум о выходе страны из Европейского союза. Результаты голосования о Брексите (52 % – «за», 48 % – «против»), ставшие неожиданными для британских политиков и всего международного сообщества, поставили перед страной много сложных вопросов, среди которых важное место занимает будущее британских студентов. Первыми забили тревогу крупнейшие британские вузы, такие как Кембриджский, Оксфордский, Лондонская школа экономики и др. Администрации университетов выразили опасения по поводу возможного сокращения числа иностранных студентов. Некоторые учащиеся – неграждане Соеди-

ненного Королевства – также негативно отреагировали на итоги голосования [7. С. 30].

После референдума новый премьер-министр Великобритании Тереза Мэй призвала университеты к формированию честных и равных условий для всех поступающих и обучающихся в настоящее время [8]. В течение всего периода после оглашения результатов Брексита консервативное правительство стремилось успокоить волнения, происходившие как в британском академическом обществе, так и среди иностранных студентов [7. С. 32]. Министр образования Соединенного Королевства Джастин Грининг подчеркивала, что социальная мобильность очень важна в образовательном процессе и гражданство не должно стать препятствием в нем [9].

Среди студенческой молодежи из других стран по-прежнему царит негодование, непонимание, даже неприятие результатов голосования, а также страх и опасения относительно своего дальнейшего положения в Великобритании. Консерваторы во главе с Т. Мэй, как и ректораты британских вузов, пытаются урегулировать ситуацию, обещая, что до фактического выхода страны из Евросоюза для абитуриентов – граждан стран ЕС и для уже получающих образование условия обучения останутся прежними. Что касается права выпускников на последующее трудоустройство у британских работодателей, Т. Мэй четкого ответа не дает, подчеркивая в то же время о необходимости сокращения трудовых иммигрантов, в том числе из стран ЕС, после реализации итогов референдума [7. С. 32].

В настоящее время сделать точные прогнозы о будущем британского высшего образования, о положении в нем иностранных студентов, их количестве и о перспективах интернационализации в целом не представляется возможным. Однако очевидно уже сейчас, что Brexit осложнит не только положение и условия доступа в британские вузы студентам из ЕС, но и другие сферы взаимоотношений Великобритании со странами Евросоюза.

Литература

1. Пацукевич О.В. Состояние международного рынка образовательных услуг развитых стран // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2016. № 4. С. 118–120.

2. Основные тенденции развития образования в современном мире // Unipage. URL: https://www.unipage.net/ru/student_statistics (дата обращения: 01.04.2018).

3. Migration Statistics Quarterly Report: August 2016 // Office for National Statistics. URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/inter->

nationalmigration/bulletins/migrationstatisticsquarterlyreport/august2016 (access date: 14.01.2017).

4. *How much value do international students add to the UK economy?* // Full Fact, the UK's Independent Factchecking Charity. URL: <https://fullfact.org/immigration/how-much-value-do-international-students-add-uk-economy/> (access date: 05.04.2018).

5. *Overseas students 'worth 10 times the cost' to UK, says report.* // Times Higher Education. URL: <https://www.timeshighereducation.com/news/overseas-students-worth-10-times-cost-uk-says-report> (access date: 05.04.2018).

6. *Шульга Н.В.* Интернационализация учебного плана в университетах Великобритании: перспективы развития // Вестник Академии знаний. 2014. № 3(10). С. 77–82.

7. *Кузнецова М.А.* Студенты из Европейского союза в Великобритании: положение до и после референдума о Брексите (2010–2016 гг.). // Научно-практические исследования. 2017. № 5(5). С. 29–34.

8. *Britain, the great meritocracy: Prime Minister's speech.* // The Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/britain-the-great-meritocracy-prime-ministers-speech> (access date: 14.01.2017).

9. *Justine Greening.* Education at the core of social mobility // The Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/justine-greening-education-at-the-core-of-social-mobility> (access date: 14.01.2017).

ИТАЛЬЯНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.А. Матвеева

В весьма обширной на сегодняшний день литературе, посвященной вопросу формирования европейской идентичности, молодежи уделяется значительное внимание. С одной стороны, такой интерес можно объяснить распространенным и неоднократно подвергавшимся эмпирической проверке мнением о том, что молодые люди склонны к более положительной оценке процесса европейской интеграции и ощущают себя европейцами больше, нежели представители других возрастных групп [1. Р. 310–311; 2. Р. 425].

В большинстве случаев исследователи рассматривают молодежь в качестве объекта в процессе создания европейской идентичности. Например, множество исследований посвящено изучению факторов, воздействующих на развитие у молодых людей идентификации с Европой. Они включают, прежде всего, анализ воздействия на формирование их самоидентификации таких детерминант, как опыт путешествий или жизни в другой стране, а также наличие мигрантских корней. Поскольку международная студенческая мобильность,

очевидно, является одним из главных проявлений такого рода трансграничных процессов, программа студенческих обменов ERASMUS не может не привлекать исследователей в качестве тестовой модели для проверки этих идей. При этом на настоящий момент существуют эмпирические исследования, как подтверждающие, так и опровергающие положительное влияние участия молодых людей в обменных программах на развитие у них чувства европейского единства [3. Р. 261–262; 4. Р. 344–346].

Помимо указанных уже факторов, считается, что на формирование европейской идентичности влияет изучение иностранных языков, а также механизмы «когнитивной мобилизации»: обсуждение с семьей и друзьями вопросов, касающихся политических и социальных проблем, изучение в школе сюжетов, связанных с Европейским союзом [5. Р. 488–492]. Работы, посвященные развитию европейской идентичности у подростков, описывают воздействие таких дополнительных факторов, как пол и социально-экономический статус школьника, религия и этническое происхождение его семьи, социально-экономический статус учебного заведения, этническая пестрота или, напротив, однообразие обучающихся [6. Р. 208–210], а также политику учебного заведения и государства в отношении преподавания «европейской тематики» [7. Р. 178].

Исследование конструирования европейской идентичности в публичном онлайн-пространстве Италии, основанное на анализе электронных документов различного характера, собранных в 2014–2018 гг., позволяет по-иному посмотреть на участие молодежи в этом процессе. Изучение организаций, институтов и отдельных людей, вовлеченных в процесс формирования европейской идентичности, позволяет выделить различные группы акторов и установить взаимосвязи между ними. Кроме того, исследование предполагает анализ методов продвижения и выделение желаемых моделей европейской идентичности. Все это делает возможным рассмотрение молодежи в качестве не только объекта, но и активного действующего лица в построении чувства европейской идентификации.

Большая часть имеющихся в выборке материалов, в которых молодежь обозначена в качестве целевой аудитории, касается различных конкурсов и премий, призванных развить чувство общеевропейского единства. Конкурсы эти носят различный характер: перевода, такие как «Juvenes Translatores», эссе и рисунка, например «Diventiamo cittadini europei» («Станем европейскими гражданами»),

видеороликов («We are Europe. Every Day») и, наконец, Премия Карла Великого для молодежи, ориентированная на поддержку проектов, которые ставят своей целью продвижение знаний о Европе, способствуют развитию чувства общей идентичности и создают модели поведения для молодых людей, живущих в Европе.

Практически все они инициируются структурами Европейского союза: Европейской комиссией и ее подразделениями, например Генеральным директоратом по переводу, а также Представительством Европейской комиссии в Италии, иногда через специализированные программы, такие как «Generation awake» (основная цель – повышение сознательности молодежи в отношении использования природных ресурсов и минимизации воздействия на окружающую среду), или Европейским парламентом. Но организаторами (или коспонсорами) могут выступать также некоммерческие организации, такие как Cittadinanzaattiva («Активное гражданство»), молодежные культурные организации, например Scambieuropei (дословно «Европейские обмены»), благотворительные образовательные организации, такие как Fondazione della scuola della Compagnia di San Paolo di Torino, а также международные общественные структуры, например «Европейское федералистское движение» и «Итальянский совет Европейского движения», или даже ООН. Иногда организаторами являются сами школы.

Все эти проекты тем не менее предполагают создание сети акторов, привлекаемых к их реализации на разных уровнях. Задействованные локальные и региональные участники – это, прежде всего, средние школы, региональные органы власти, в том числе административные структуры в сфере образования, региональные агентства по поддержке научных исследований и технологических инноваций (например, Sardegna Ricerche). Официальные учреждения национального уровня представлены только службами итальянского электронного правительства (так называемые Linea Amica), выступающими в роли посредников, распространяющих информацию. В том же качестве выступают независимые средства массовой информации, такие как международный медиа-проект EurActiv.com или портал Eunews. Оба дислоцируются в Брюсселе, но первый представляет собой разветвленную сеть с партнерами в 12 странах и предоставляет информацию по вопросам, касающимся деятельности Евросоюза в разных сферах, второй также ориентирован на освещение информации, связанной с ЕС, но работает исключительно

на итальянскую аудиторию. Информационные агентства и порталы, вовлеченные в эту сеть, также весьма неоднородны. Например, портал Paese Italia press.it, создан одноименной некоммерческой культурной ассоциацией, специализирующейся на продвижении литературы и журналистики, а AGI – Agenzia Giornalistica Italia принадлежит крупнейшей итальянской нефтегазовой компании ENI. Университетские структуры могут выступать в качестве как спонсоров, так и посредников – обычно это студенческие журналы или блоги, распространяющие информацию о конкурсах и мероприятиях (например, CompasUnibo Blog).

Несмотря на использование разных информационных каналов, все эти сообщения объединяет одна модель европейской идентичности, предлагаемая итальянской молодежи. Эта модель строится на взаимосвязи «Европы» и «активного, информированного гражданства» с уже заданными характеристиками, включающими основные европейские ценности – демократию и права человека. Материалы о программе Erasmus, представленные официальными акторами через сайты партийных групп в Европарламенте и отдельных евродепутатов или же представителями академических кругов, сводятся к утверждению положительных ее аспектов. Последние должны сочетать достижение целей большей мобильности и приспособленности к требованиям общеевропейского рынка труда для молодых людей с созданием «нового поколения Erasmus, сознательного и все более европейского» [8]. Схожий характер носит информация о других инициативах, предлагаемых с целью повышения уровня мобильности молодежи, а значит, и конструирования ее европейской идентичности, таких как предложение предоставлять всем гражданам, достигшим восемнадцатилетнего возраста, бесплатный билет InterRail, который дает право проезда в поездах железнодорожных компаний Европы. Реализация проектов, исходящих от местных органов власти, также анонсируется как ориентированная на создание «образцового европейского гражданина», в том числе в смысле «формирования общественных компетенций» [9]. Примером может служить проект «Generazione 2001» («Поколение 2001»), запущенный властями южноитальянского города Матера, который был выбран европейской столицей культуры 2019 г. в преддверии этого события.

Однако если анализировать участие в процессе конструирования европейской идентичности самих молодых людей, картина представляется несколько иной. Во-первых, коренным образом меняется набор

действующих лиц. В качестве таковых здесь выступают многочисленные молодежные, в том числе студенческие, организации, такие как католические Gruppo universitari San Frediano («Группа университетских студентов Сан Фреддиано») и Giovani per la pace («Молодежь за мир»), молодежное отделение католического движения Comunità di Sant'Egidio («Сообщество Святого Эджидио») или левоориентированная общественная ассоциация Il Becco – Associazione di promozione sociale, культурные молодежные ассоциации BloGlobal – Lo sguardo sul mondo, ориентированная на продвижение знаний в области международной политики, и Khorakhanè и др.

Во-вторых, оценка европейских инициатив, описанных выше, может серьезно отличаться от распространенной официальной версии. Так, например, программа Erasmus может видеться как продолжение неолиберальной экономической политики ЕС, и, таким образом, как способствующая росту неравенства и дающая возможность мобильности только для тех немногих, кто может себе это позволить «в Европе, которой правит популизм, все менее и менее единой, солидарной и интернациональной» [10]. Представители молодежных федералистских организаций весьма скептически отзываются о проектах вроде бесплатного железнодорожного билета для путешествия по Европе для молодежи, призывая политиков сосредоточиться на осуществлении фундаментальных судьбоносных реформ ЕС [11].

В-третьих, оказывается, что представители итальянской молодежи несколько иначе представляют себе то, что на самом деле значит быть европейцем. Почти всегда рассуждения о европейской идентичности связаны с критикой в адрес Евросоюза или отдельных направлений его деятельности. В частности, переговоры с Соединенными Штатами о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, именуемом «НАТО в сфере торговли», представляются в качестве угрозы для европейской идентичности со стороны американского либерализма, поскольку для Европы характерна другая культурная матрица. Она основывается на идее, что «существуют права и услуги, которые не могут быть измерены в соответствии с параметрами, устанавливаемыми рынком» [12]. Хотя и в этом случае говорится о правах человека, но акцент делается, прежде всего, на правах социальных. Критикуются и действия ЕС в ходе миграционного кризиса прежде всего из-за недостатка солидарности по отношению к беженцам, поскольку европейская идентичность «строится не на ненависти между народами, войнах и борьбе за

автономию и за власть, а на разделяемых всеми общечеловеческих ценностях» [13].

Таким образом, оказывается, что те модели европейской идентичности, которые предлагаются итальянской молодежи, и те, которые она предлагает сама, имеют много общего. В обоих случаях речь идет о правах человека, гражданском активизме и солидарности. Только представители самой этой группы, когда именно они высказываются от первого лица, часто подвергают сомнению тот факт, что современный Европейский союз и его институты являются истинными носителями этих ценностей.

Литература

1. *Striessnig E., Lutz W.* Demographic Strengthening of European Identity // *Population and Development Review*. 2016. Vol. 42(2). P. 305–311.
2. *Lutz W., Kritzinger S., Skirbekk V.* The demography of growing European identity // *Science*. 2006. Vol. 314 (5798).
3. *Sigalas E.* Cross-border mobility and European identity: The effectiveness of intergroup contact during the Erasmus year abroad // *European Union Politics*. 2010. Vol. 11(2). P. 241–265.
4. *Mitchell K.* Rethinking the «Erasmus Effect» on European Identity // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2015. Vol. 53(2). P. 330–348.
5. *Spanning R., Wallace C., Datler G.* What Leads Young People to Identify with Europe? An Exploration of the Impact of Exposure to Europe and Political Engagement on European Identity among Young Europeans // *Perspectives on European Politics and Society*. 2008. Vol. 9(4). P. 480–498.
6. *Agirdag O., Huyst P., Van Houtte M.* Determinants of the Formation of a European Identity among Children: Individual- and School-Level Influences // *JCMS-Journal of Common Market Studies*. 2012. Vol. 50(2). P. 198–213.
7. *Faas D.* Youth, Europe and the Nation: The Political Knowledge, Interests and Identities of the New Generation of European Youth // *Journal of Youth Studies*. 2007. Vol. 10(2). P. 161–181.
8. *Il Programma Erasmus compie trent'anni: le celebrazioni dell'UE e la forte identità europea in Sardegna* [Electronic resource]. URL: <http://www.renatosoru.eu/il-programma-erasmus-compie-trentanni-le-celebrazioni-dellue-e-la-forse-identita-europea-in-sardegna/> (access date: 19.04.2018).
9. *Bruno O.* Cultura: Matera 2019 lancia nuova sfida, creare un'identità europea tra i giovani [Electronic resource]. URL: <http://www.altamurgia.it/index.php/articoli/turismo-cultura/31266-cultura-matera-2019-lancia-nuova-sfida-creare-un-identita-europeatra-i-giovani>. html (access date: 19.04.2018).
10. *Falconieri A.* L'Erasmus nell'Europa delle diseguaglianze [Electronic resource]. URL: <http://www.ilbarrito.com/erasmus-europa-delle-disuguaglianze/> (access date: 19.04.2018).
11. *Saputo G.* Per costruire una vera identità europea non basta un interrail [Electronic resource]. URL: <http://www.europainmovimento.eu/europa/per-costruire-una-vera-identita-europea-non-basta-un-interrail.html> (access date: 19.04.2018).
12. *Gasparo D.* Identità europea minacciata dalla NATO del commercio [Electronic resource]. URL: <http://www.ilbecco.it/politica/internazionale/item/501-identit%C3%A0-europea-minacciata-dalla-nato-del-commercio.html> (access date: 19.04.2018).

13. *Iannamorelli A.* Contro l'immigrazione = contro la complessità = idiozia ≠ etica della responsabilità [Electronic resource]. URL: <http://www.giovaniperlapace.it/2015/03/06/control-immigrazione-una-idiozia/> (access date: 19.04.2018).

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ К БРЕКСИТУ

А.Е. Морозова

В данной работе мы рассмотрим реакцию британской молодежи на процесс Брексита (выхода из Европейского союза (ЕС)). Логично предположить, что молодежь Великобритании, выросшая в ЕС, активно выступила за сохранение членства в этом союзе, так как он предлагал больше возможностей для учебы и работы не только в Соединенном Королевстве, но и за его пределами. Но в ходе исследования оказалось, что не всё так просто и однозначно.

Напомним, 7 мая 2015 г. партия консерваторов победила на выборах, и Д. Кэмерон был вынужден выполнить своё предвыборное обещание, данное в январе 2013 г. о том, что, если его партия победит на следующих парламентских выборах, он проведёт переговоры о более выгодных условиях британского членства в ЕС, а затем референдум о членстве Великобритании в ЕС или так называемом Брексите. 26 июня 2015 г. на заседании Европейского совета Д. Кэмерон представил свой вариант реформ, что ознаменовало начало официальных переговоров по требованиям Великобритании.

Опрос общественного мнения, проведенный в апреле 2016 г., показал, что в возрастной группе 18–34 лет – 53 % поддерживают решение «Остаться», за вариант «Выйти» высказались 29 % респондентов. Но только чуть более половины (52 %) в этой возрастной группе заявили, что примут участие в референдуме, т.е. фактически придут и проголосуют [1].

Зазвучали предостережения о «тревожном разрыве поколений», так как согласно данным ещё одного опроса только 21 % из группы 18–24-летних считают, что они очень заинтересованы в референдуме ЕС, по сравнению с 47 % из группы 65 лет [Ibid].

Отношение к нескольким другим вопросам также показало разрыв, хотя и не такой резкий: 24 % из 18–24-летних не согласились

с тем, что важно знать своих соседей, по сравнению с 11 % в группе 65 лет [1].

Иными словами, многое зависело от организаторов кампании «Остаться» в ЕС. Сторонники этой кампании, например министр по вопросам образования Н. Морган, стали указывать на то, что молодые люди пострадают больше всего, если Великобритания покинет ЕС. Нужно отметить, что эти слова относились также и к родителям молодых людей, которым во время референдума нужно было бы задуматься о будущем их детей.

Современная британская молодежь гораздо более космополитична, поэтому ее вряд ли интересуют местные проблемы, ещё меньше ее интересуют национальные границы, когда Интернет позволяет общаться с людьми по всему миру, что является типичной чертой поколения Z, которое часто называют ещё и «цифровым поколением» [2].

Сегодняшние молодые британцы чувствуют себя менее связанными с обществом, чем когда-то их родители. Данное поколение вряд ли сможет дать какой-либо коллективный отпор, потому что большую часть времени проводит в соцсетях, практически не смотрит ТВ, т.е. опять же ведет себя как типичное поколение Z.

Общенациональный референдум состоялся 23 июня 2016 г. В ходе него 51,9 % – большинство участников – проголосовали за прекращение членства. Если смотреть на отдельные части Великобритании: Англия проголосовала «за Брексит» – 53,4 %, Уэльс также проголосовал «за Брексит» – 46,6 %. Шотландия поддержала вариант «Остаться» в ЕС – 62 %, в то время как в Северной Ирландии 55,8 % проголосовали за «Остаться» [3].

Молодежь эмоционально отреагировала на результаты референдума. Согласно опросу, проведенному Лондонской школой экономики (LSE), почти половина избирателей в возрасте от 18 до 24 лет была в слезах или почувствовала себя плохо, когда услышала о результатах референдума 2016 г. [4].

24 июня 2016 г. опрос лорда Эшкрофта показал, что 73 % молодых людей в возрасте 18–24 лет проголосовали за то, чтобы «Остаться», в возрастной группе от 25–34 лет – 62 %, в то время как почти 60 % 55-летних проголосовали за решение «Выйти» [5].

Согласно другому исследованию, проведенному Яном Виброном, Симоном Вибертом и Джошуа Смитом, в референдуме приняли участие только 50 % молодежи, из их числа 69 % проголосовали за «Остаться» по сравнению с 31 % – за решение «Выйти» [6. Р. 34].

Ещё одним ключевым фактором при выборе варианта «Остаться» или «Выйти» (помимо возраста) было образование: люди с высшим образованием, как правило, хотели остаться в ЕС, в то время как те, у кого его нет, хотели «выйти». Так, среди молодых людей в возрасте до 30 лет, получивших послеуниверситетское образование в той или иной форме, 61 %, и 66 % из тех, кто все еще находится на дневном отделении, поддерживали вариант «Остаться», и только 35 % молодых людей этой возрастной группы, имеющих только среднее образование, поддерживали «Выйти» [7].

Большая часть молодежи говорит о том, что освещение в СМИ и политические выступления во время кампании «Брексит» подорвали доверие как к СМИ, так и к политическим партиям. Согласно исследованиям, поколение Z обычно полностью доверяет политикам и ТВ. Меньшая часть молодежи утверждает, что референдум и последующие события были «катализатором участия» для молодых людей и они стали более политически активными. Совсем небольшая доля респондентов настаивает на том, что Брексит было тем решением, которым можно гордиться, и этот шаг сделает молодых британцев более независимыми [8].

В октябре 2016 г. появилось несколько молодежных проектов, например Catch-EyoU – крупный проект о гражданстве и молодежи с участием НПО «Моя жизнь» и «Общепартийная парламентская группа по более благоприятному Брекситу для молодежи» (*All-Party Parliamentary Group on a Better Brexit for Young People*), которые провели серию фокус-групп по всей Великобритании, чтобы узнать, что молодые люди от 13 до 30 лет думают и чувствуют о Брексите и что хотят получить от этого процесса.

Согласно данным проекта Catch-EyoU, финансируемого программой ЕС «Горизонт 2020», более 50 % респондентов показали положительную идентификацию с ЕС – один из самых высоких показателей для государства-члена. Акцент делается на том, что интервью брали не только у выпускников среднего класса, но и во всех социально-экономических группах [9. Р. 3].

Исполняя решение референдума 2016 г., премьер-министр Т. Мэй 29 марта 2017 г. инициировала процедуру выхода, что означает, что Великобритания должна выйти из ЕС 29 марта 2019 г. Этот срок может быть продлён, если все 28 членов ЕС согласятся, но на данный момент все стороны сосредоточены на этой дате как на клю-

чевой, а Т. Мэй пытается провести его в британское законодательство, что может занять несколько лет.

В октябре 2017 г. «Общепартийная парламентская группа по более благоприятному Брекситу для молодежи» опубликовала отчет о проблемах и приоритетах для молодежи Великобритании во время переговоров по Брекситу. В отчете говорится, что хотя более 90 % участников отрицательно относились к Брекситу, 10 % – более оптимистично. Преобладающая причина, изложенная в докладе для их мировоззрения, заключалась в том, что Брексит «побудил молодых людей стать менее пассивными» [9. Р. 4].

После референдума произошел незначительный подъем участия молодежи в политической жизни страны, и на всеобщих парламентских выборах в 2017 г. участвовали уже 64 % избирателей возрастной группы от 18 до 24 лет. Эта явка внесла вклад в то, что партия консерваторов потеряла большинство в палате и оппозиция увеличила размеры [Ibid. Р. 6].

В сентябре 2017 г. была опрошена группа молодежи (2 000) в возрасте 18–30 лет для исследования межпартийного исследовательского центра Demos для Британского совета. Согласно опросу 68 % респондентов считают, что международный опыт и глобальные перспективы имеют важное значение для их будущего, 57 % позитивно относятся к последствиям глобализации в своей жизни, но почти четверть заявила, что они не смогли воспользоваться какой-либо международной деятельностью, будь то обучение иностранному языку или проживание и учеба за рубежом [10].

В 2018 г. начинаются настоящие переговоры в Брексите. Политическое соглашение первой фазы между Великобританией и ЕС – по финансовым обязательствам, правам экспатриантов и Ирландии – было преамбулой. Заключение официального договора, регулирующего выход Великобритании в марте 2019 г., является главной задачей.

Как результат тысячи протестующих против Брексита вышли на улицы Эдинбурга 24 апреля 2018 г. для про-ЕС марша, пообещав, что их «не заставят замолчать», и призывали провести еще один референдум. Организаторы Эдинбургского молодежного европейского движения (the Young European Movement Edinburgh) заявили, что участвуют в марше, чтобы показать Вестминстеру: «Брексит не желателен, и нас не заставят замолчать» [11].

В ходе нашего текущего исследования было обнаружено, что при подготовке референдума 2016 г. по Брекситу сторонники позиции «Остаться» не заручились поддержкой молодежи, не провели с ней активную работу, не учли особенностей поведения поколения Z. Помимо этого, не была проведена отдельная работа с молодежью в Шотландии и Северной Ирландии. После референдума 2016 г. молодежь незначительно проявила активность на парламентских выборах 2017 г., но опять же сторонники варианта «Остаться» не воспользовались этим шансом. Всё это говорит о том, что стратегия кампании «Остаться» не была тщательно продуманной.

Литература

1. *EU referendum: poll shows young voters could hold key in June vote* [Электронный ресурс] // Guardian 2 April 2016 . URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/apr/02/eu-referendum-young-voters-brexit-leave> (access date: 23.03.18).
2. *Generation X, Y, Z and the others* The WJSchroer Company. URL: <http://socialmarketing.org/archives/generations-xy-z-and-the-others/> (access date: 23.03.18).
3. *Results* BBC company. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (access date: 23.03.18).
4. *Helm T.* Poll reveals young remain voters reduced to tears by Brexit result // The Guardian, 2 July 2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jul/02/brexit-referendum-voters-survey> (access date: 23.03.18).
5. *Lord Ashcroft* How the United Kingdom voted on Thursday... and why. Friday, 24 June, 2016. URL: <http://lordashcroftpolls.com/2016/06/how-the-united-kingdom-voted-and-why/#more-14746> (access date: 23.03.18).
6. *Wybron I., Vibert S., Smith J.* NEXT GENERATION U K. L.: The British Council, 2017. 80 p.
7. *Youns J.* Young People and the EU Referendum: 5 Key Lessons from Polling Day. URL: <http://blogs.cardiff.ac.uk/wiserd/2016/06/27/young-people-and-the-eu-referendum-5-key-lessons-from-polling-day/> (access date: 30.03.18).
8. *Young people are highly critical of Brexit and fear the insularity it could bring.* URL: <http://blogs.lse.ac.uk/brexit/2018/01/10/young-people-are-highly-critical-of-brexit-and-fear-the-insularity-it-could-bring/> (access date: 30.03.18).
9. *Dr. Sam Mejias & Dr. Shakuntala Banaji.* UK Youth Perspectives and Priorities for Brexit Negotiations London London School of Economics and Political Science. 2017. 45 p.
10. *Burns J.* Young people fear for futures in Brexit Britain, says study BBC company. URL: <http://www.bbc.com/news/education-41165927> (access date: 30.03.18).
11. *Anti-Brexit* protestors claim they are 'fighting FOR DEMOCRACY' in Edinburgh march // Express. URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/936553/brexit-news-eu-uk-remain-march-edinburgh> (access date: 07.04.18).

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ ИРКУТСКОМ И ЕВРОПЕЙСКИМИ ПАРТНЕРАМИ

И.В. Олейников

Ключевой целью международного сотрудничества в сфере молодежных обменов является активизация контактов между объединениями различных стран, формирование тесных межличностных связей, которые могут быть востребованы в будущем. Молодежь воспринимается властью, в том числе и муниципальной, как активный ресурс, который может применяться для достижения нового качества сотрудничества. Сформированные транснациональные связи между представителями молодежи могут быть использованы для расширения вовлеченности в функциональное взаимодействие на различных уровнях. Интернационализация молодежных связей в долгосрочной перспективе работает на продвижение положительного имиджа как региона, так и города в международном пространстве, молодежные контакты играют роль своеобразного моста, действующего длительное время и оказывающего влияние на дальнейшую динамику контактов.

Фраза о необходимости развития молодежного сотрудничества и молодежных обменов в той или иной степени присутствует во всех соглашениях о сотрудничестве, которые подписаны между Иркутском и партнерами из Европы. Представляется необходимым сосредоточиться на анализе практического содержания молодежных контактов, рассмотреть уровень их развития, выявить проблемы и перспективы сотрудничества в сфере обменов в молодежной сфере.

Международное сотрудничество на муниципальном уровне относится к уровню «народной дипломатии». Ключевыми элементами международных связей между городами-побратимами и городами-партнерами являются экономическая сфера (туризм, ЖКХ, инвестиции) и административные контакты. Именно на эти области делается основной акцент в международном взаимодействии. Уровень сотрудничества на молодежном уровне не является ключевым, но тем не менее он, как и прочая гуманитарная составляющая, формирует основной объем реализуемых контактов. Отметим, что на общее финансирование международной деятельности органов местного само-

управления г. Иркутска на протяжении «тучных» нулевых годов выделялись суммы в размере 5–6 млн руб. [1]. Бюджет достаточно скромный, что влияло и на объемы выделяемой поддержки по линии международных молодежных обменов.

В настоящее время Иркутск сотрудничает и развивает контакты с девятью европейскими городами и территориями: г. Пфорцхаймом (ФРГ), департаментом Верхняя Савойя (Франция), г. Вильнюсом (Литовская Республика), Карловарским краем (Чехия), коммуной Стрёмсунд (Швеция), г. Приедором (Босния и Герцеговина), провинцией Порденоне (Италия), Приморско-Горанской жупанией (Республика Хорватия) и г. Ченстохова (Польша) [2]. Эти соглашения заключены в различное время, соответственно динамика сотрудничества зависит как от срока действия соглашения о партнерстве, так и от содержания партнерских контактов. Основные проекты в сфере международного сотрудничества, связанные с молодежными обменами и реализуемые на муниципальном уровне в г. Иркутске, можно разделить на несколько сфер: следует выделить сотрудничество в сфере спорта, сфере образования (школьные обмены, межвузовское сотрудничество), сотрудничество в области культуры. Традиционно в рамках взаимодействия г. Иркутска в сфере образования с европейскими городами-партнерами доминируют обмены с образовательными учреждениями Франции, Швеции и Германии [5–7]. Осуществляются международные мероприятия по социально-экономическим, экологическим вопросам, связи по вопросам культуры и науки, посещение научно-образовательных конференций, научных стажировок, организуются совместные молодежные лагеря. Иркутская сторона традиционно готовит программу по знакомству с туристическими достопримечательностями города, оз. Байкал, системой образования и воспитания школьников.

Так, к успешным практикам сотрудничества между муниципальными структурами Иркутска и немецкого города-партнера Пфорцхайма следует отнести школьные образовательные обмены и лингвострановедческие стажировки, осуществляемые на основе принципа «homestay» [3. С. 84]. На протяжении месяца немецкие и российские школьники посещают занятия, получают навыки взаимодействия в новой культурной среде, улучшают знание языка. Развивались и проекты по обмену учащимися начального профессионального образования (специализация плотник-строитель) между Профессиональным лицеем № 17 г. Иркутска и Профессиональной

школой им. Альфонса Керна. Ключевой задачей такого рода обменов было формирование профессиональной мотивации, развитие межкультурной коммуникации, расширение областей сотрудничества между Иркутском и Пфорцхаймом. В середине нулевых годов в Иркутске прошел российско-германский семинар молодых лидеров, в котором приняли участие молодые ученые, топ-менеджеры и ведущие специалисты крупных предприятий ФРГ и РФ. Задачей форума стало «формирование активной гражданской позиции молодежи и привлечение внимания общественности к проблемам охраны природы Прибайкалья» [4].

В 2010 г. между городами состоялись обмены молодежными рок-группами. Иркутская рок-группа выступила на германских концертных площадках, встретила студентство университета Пфорцхайма. Итогом визита стала запись нескольких песен на профессиональном звукозаписывающем оборудовании.

Поступательно развиваются контакты между Иркутском и городами французского департамента Верхняя Савойя. В 2012 г. Иркутск посетили учащиеся и преподаватели из г. Дувен с визитом в рамках экологического образовательного проекта «Водные ресурсы», с 2008 г. осуществляемого между гимназией № 3 Иркутска и французским колледжем Ба Шабле, реализующими экологические занятия, дискуссии, выставки, экспедиции. Иркутские школьники, принявшие активное участие в работе над проектами, получили приглашение на поездку во Францию. В том же году состоялась выставка рисунков учеников художественных школ г. Иркутска в галерее «Л'Артленжуа» коммуны Алленж. Учащиеся иркутских музыкальных школ по классу духовых инструментов на регулярной основе посещают летнюю Музыкальную академию французского г. Эвиан, что способствует знакомству с зарубежным уровнем исполнительского мастерства [3. С. 83–85].

Во взаимодействии между Иркутском и коммуной Стрёмсунд (Швеция) преобладают школьные обмены. Иркутские школьники знакомятся с системой шведского школьного образования, традициями и культурой страны, получают навыки общения на английском и шведском языках. Ключевыми задачами взаимных обменов являются изучение образовательного опыта, знакомство с достопримечательностями коммуны Стрёмсунд и Швеции. Помимо этого, на партнерской территории проводятся выставки детских художественных работ «Мой Иркутск».

Действительно, местные муниципалитеты, к которым относится и областной центр Иркутск, ограничены в выделении дополнительных средств на развитие международного сотрудничества, в том числе и в молодежной сфере. Происходит парадоксальная ситуация – муниципальная бюрократия вынуждена отчитываться о развитии международного сотрудничества с городами-партнерами, формировать имидж города за рубежом, но показатели роста необходимо обеспечивать зачастую в условиях дотационных бюджетов. Существенных же возможностей на увеличение объема выделяемых средств на активизацию международного сотрудничества с европейскими городами-партнерами у администрации Иркутска нет, так как приоритетными выступают сферы городского ЖКХ, транспорта, здравоохранения и образования. На развитие контактов влияет и некоторый диспаритет международных связей региона – ряд городов-побратимов и регионов стран Европы, с которыми сотрудничает Иркутск, существенно меньше как по численности населения, так и по объему производства, что не способствует эффективным контактам в силу отсутствия взаимодополняемости. Так, к примеру, население польского города-партнера Ченстохова составляет 242 тыс. чел., а боснийского города Приедоры – 32 тыс. чел. В последние годы определенный фон оказывает и федеральная риторика о необходимости «поворота на Восток» и развития устойчивых контактов с азиатскими партнерами, что не способствует активизации европейского вектора молодежного сотрудничества.

Таким образом, муниципальные власти Иркутска видят в международных контактах, в том числе и с европейскими партнерами, возможность выхода из «тени Байкала», которая не способствует развитию городской экономики, поскольку основной туристический поток направлен вне Иркутска. Но в то же время муниципальные власти не способны изменить сложившуюся ситуацию. В силу этого молодежное сотрудничество Иркутска с европейскими партнерами ограничивается сложившимся уровнем контактов, реализацией устоявшихся, проверенных программ, поэтому, на наш взгляд, не стоит ожидать качественного изменения ситуации в ближайшее время.

Литература

1. Дума города Иркутска. Решение от 1 марта 2007 г. № 004-20-350510/7. О выполнении Плана мероприятий международной деятельности органов городского самоуправления г. Иркутска на 2006 г. в рамках соглашений о сотрудничестве с муниципалитетами городов-побратимов и партнеров // Консорциум-кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/440519743> (дата обращения: 31.03.2018).

2. *Международные отношения* [Электронный ресурс] // Иркутск. Официальный портал города Иркутска. URL: <http://admirk.ru/pages/internationalrelationships.aspx> (дата обращения: 31.03.2018).

3. *Котельникова Н.А.* Иркутск в процессах международного сотрудничества в 2012 г.: анализ деятельности органов местного самоуправления в реализации побратимских связей // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 2 (11), ч. 1.

4. *Дума города Иркутска.* Решение от 28 февраля 2008 г. № 004-20-470731/8. О выполнении Плана мероприятий международной деятельности органов городского самоуправления г. Иркутска на 2007 г. в рамках соглашений о сотрудничестве с муниципалитетами городов-побратимов и партнеров // Консорциум-кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/440519945> (дата обращения: 31.03.2018).

5. *Соглашение о сотрудничестве между г. Иркутском и департаментом Верхняя Савойя* // Иркутск. Официальный портал города Иркутска. <http://admirk.ru/pages/Verhnyaya-Savoia.aspx> (дата обращения: 31.03.2018).

6. *Соглашение о сотрудничестве между городом Иркутск (Россия) и коммунной Стрёмсунд (Швеция)* // Иркутск. Официальный портал города Иркутска. URL: <http://admirk.ru/pages/Stremsund.aspx> (дата обращения: 31.03.2018).

7. *Соглашение о партнерстве Иркутск – Пфорцхайм* // Иркутск. Официальный портал города Иркутска. URL: <http://admirk.ru/DocLib30/pforchaim2.jpg> (дата обращения: 31.03.2018).

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.Л. Омельченко

В фокусе внимания особенности формирования и развития молодежных культурных пространств в России, начиная с позднесоветского периода и до последнего времени. Основной тезис – показать уникальность российского случая включения молодежи в глобальные культурные тренды.

Эта уникальность не определяется исключительно ситуацией кардинальных геополитических изменений последних 25 лет. Помимо общих черт трансформаций форм молодежной социальности и ее политических конструкторов, характерных для этого исторического периода, российский случай выделяется целым рядом значимых особенностей. Многие теоретические идеи и практические находки являются результатом более чем 20-летнего опыта исследования молодежных культурных практик постсоветской России. Результаты проекта, реализованного коллективом ЦМИ в течение последних трех лет (2015–2017), будут использованы для демонстрации совре-

менных ключевых трендов молодежных культурных практик. Анализ коренных изменений помогает понять, как, почему, в каких направлениях и под влиянием каких факторов происходили трансформации молодежных культурных практик, шли ли эти изменения вслед за глобальными (Европа, Северная Америка, Австралия) трендами, получившими широкое документирование в ключевых работах исследователей молодежи, или же российский случай является своего рода исключением, выпадающим из классической картины.

Вместе с изменениями молодежной реальности менялись ее теоретические конструкты и интерпретативные схемы. На смену классическим работам по субкультурному подходу [1–3] пришли идеи, вдохновленные резкими изменениями культурных молодежных ландшафтов, которые нашли выражение в работах теоретиков постсубкультурных подходов [4–9].

Периоды кризисов, переживаемые многими странами в конце 90-х и в середине 2000-х, и аккомпанирующие им осложнения неравенства и социального расслоения вместе с ростом молодежной безработицы спровоцировали ученых вновь обратиться к идеям субкультур, возрождению значимости классовых оснований неравенства и исключений. Очевидная недостаточность как субкультурного, так и постсубкультурных подходов и особенно затянувшиеся в западной и отечественной (в меньшей степени) академии дебаты вокруг их адекватности современным условиям жизни молодежи подтолкнули к поиску новых подходов и оснований для анализа меняющейся молодежной социальности. Ученые начинают исследовать молодежные транзисии, поколенческие различия, новые формы и типы гражданского участия и включенности и др. [10–13].

Молодежные активности «нового типа» (в той или иной степени соотносимые с глобальными молодежными формированиями в Европе) зарождались и развертывались в контексте непрекращающихся скачкообразных трансформаций, затрагивающих все стороны российской жизни: экономические, политические, социальные, культурные. Стремительные изменения в перестроечный период сменялись замедлением и стагнацией; бум неформальной молодежной активности – новыми пятилетками «молодежного строительства» вместе с маршами нацистов и русских националистов; стремление равняться на Запад и Европу – просоветским дискурсом «загнивающего Запада как угрозы нравственности»; политики гласности, отказа от цензуры и демократизация СМИ – возвратом к за-

претам оппозиционных или нелояльных власти культурных инициатив и просоветским практикам идеологических чисток. Молодежные активности «нового типа» практически с самого начала, пусть и в разных пропорциях, совмещали в себе идеи и практики молодежного субконтркультурного бунта вместе с остатками идей и лозунгов формальных молодежных объединений советского времени. Полного освобождения от родимых пятен советской социальности, несмотря на смену поколений, не произошло до сих пор.

Рассмотрение ключевых трансформаций молодежного пространства за 25 лет помогает понять роль и место изменений каждого этапа в формировании уникальности современной молодежной социальности России.

Первый этап (конец 80-х – 90-е гг.) стал временем рождения и признания культурного меньшинства и субкультурного агента в качестве значимого и включенного фактора социальных трансформаций не только в рамках молодежной жизни, но и общества в целом. Ключевыми понятиями того времени, с помощью которых концептуализируются изменения, становятся субкультуры, неформалы, продвинутые и нормальные группировки, гопники.

Одним из определяющих факторов второго этапа развития молодежного пространства (конец 1990-х – конец 2000-х) становится государственное молодежное партстроительство, патриотическое воспитание, операции «Неформал», движения «комиссаров» и их последователей. Это время отмечено фрагментацией классических субкультур, расширением пространства буфферных групп, появлением культурных миксов, политизацией молодежного пространства. Начинается отход субкультур на периферии городских пространств. Для понимания новых измерений молодежных социальностей нами начинает разрабатываться и вводиться в анализ понятие «солидарность» через выявление ключевых векторов ценностных союзов и противостояний внутри и между различными молодежными формированиями. Все более значимым становится растущее влияние властных дискурсов, которые проникают и влияют на типы молодежной социальности.

Третий – современный этап – вместе с широкой вовлеченностью молодежи отличает еще большая маргинализация субкультур. Разные типы молодежных формирований (протосубкультур, солидарностей, сцен, групп), с одной стороны, обладают значимой для включенных участников аутентичностью (через особые гендерные

режимы, разделяемую социальность, ценности и иерархии, формирующие границы сообществ). С другой – включают в себя модифицированные сущности (субстанции) субкультур.

Субкультурная идея классового неравенства и отвоевания социального статуса с помощью доступных культурных ресурсов «продолжает работать», поэтому мы можем обнаружить некую карту молодежных групп в этом измерении. Вариативность реакций разных молодежных групп на давление властного дискурса – от некритичного принятия через переработку до сопротивления. Ключевая роль в выборе «своей» группы и последующей разделенности групповых ценностей и смыслов принадлежит гендерным режимам компаний и уровню религиозности (в разных ипостасях: от полного принятия, имитации до атеизма). Коммерциализация потребительских рынков и практик формирует альтернативные пространства сопротивления массовизации и анонимизации (антикапитализм, антигламур, особые практики питания, DIY-рынки, аскетизм, практики заботы об исключенных). Отсутствие адекватного социального запроса на гражданственность вместе с тревогой и страхом политиков перед лицом рождения «нового гражданского субъекта» подталкивает молодежь к сопротивлению и развитию низовых инициатив и практик горожанства и локального патриотизма: волонтерство, особые типы поисковиков, реп-батлы, участие в акциях протеста, сетевая взаимопомощь.

Литература

1. *Hall S., Jefferson T.* (eds.). *Resistance through Rituals: Youth Cultures in Post-War Britain*, London: Hutchinson, 1976.
2. *Thornton S.* *Club Cultures: Music, Media, and Subcultural Capital*, Hanover: Wesleyan University Press, 1996.
3. *Hodkinson P.* *Goth. Identity, style and subculture*. Berg Publishers, 2002.
4. *Maffesoli M.* *The time of the tribes: The decline of individualism in mass society*. Vol. 41. Sage, 1995.
5. *Miles S.* *Youth lifestyles in a changing world*. UK: McGraw-Hill Education, 2000.
6. *Bennett A., Kahn-Harris K.* (eds.) *After subculture: Critical studies in contemporary youth culture*. Palgrave Macmillan Basingstoke, 2004.
7. *Bennett A.* *Introducing music scenes* // *Bennett A., Peterson R.A.* (eds.) *Music scenes: Local, translocal and virtual*. Vanderbilt University Press, 2004. P. 1–16.
8. *Pilkington H., Omel'chenko E.* *Regrounding Youth Cultural Theory (in Post - Socialist Youth Cultural Practice)* // *Sociology compass*, 2013. Vol. 7, № 3. P. 208–224.
9. *Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М.* *Глядя на Запад / пер. О.А. Оберемко*, У. Блюдина. СПб., 2004.
10. *Omelchenko E.L., Sabirova G.* *Youth cultures in contemporary Russia: memory, politics, solidarities*, in: *Eastern European Youth Cultures in a Global Context*. L.: Palgrave Macmillan, 2016. P. 253–270.

11. *Krupets Y. et al.* Imagining young adults citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // *Journal of Youth Studies*, 2017. Vol. 20, No. 2. P. 252–267.

12. *Krivos D.* And After That We All Became Like Brothers: Emotions, Affectivity and Communication in a Pro-governmental Youth Movement in Russia // *Young*. 2016. Vol. 24, No. 2. P. 102–117.

13. *Pilkington H., Omelchenko E., Perasović B.* One Big Family: Emotion, Affect and Solidarity in Young People's Activism in Radical and Patriotic Movements // *Understanding Youth Participation Across Europe*, Palgrave Macmillan. London, 2018. P. 123–152.

БЕЛАРУСЬ В БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

А.М. Погорельская

Болонский процесс, призванный содействовать созданию Европейского пространства высшего образования (ЕПВО), считается одним из самых успешных примеров интеграции в сфере высшего образования. Старт этому процессу был дан с подписанием сначала Сорбонской декларации в 1998 г., а затем Болонской декларации в 1999 г. Целью Болонского процесса было объявлено формирование конкурентоспособной в мировом образовательном пространстве системы высшего образования в странах-участницах, которая бы привлекала лучших абитуриентов со всего мира. Благодаря обеспечению академической мобильности и мониторинга качества образования, студенты вузов Европейского пространства высшего образования призваны были стать высококвалифицированными профессионалами, обладающими высокими адаптивными способностями; навыками межкультурной коммуникации; знанием нескольких языков; широким разнообразием личных и деловых связей в странах своего обучения; практико-ориентированными знаниями, навыками и умениями, а также возможностью учиться в течение всей жизни [1].

Подготовка таких специалистов позволила бы снабдить страны кадрами для перехода к экономике знаний. Основными характеристиками такой экономики служат повышение значимости информационных и коммуникационных технологий в производственном процессе, необходимость компаний быстро меняться, а их сотрудников – обучаться новому в условиях нестабильности и неопределенности мирового рынка. Она также характеризуется увеличением доли знания в конечной стоимости любой продукции, а значит, знания становятся главным неисчерпаемым ресурсом, обладатели которого должны так-

же уметь их применять и создавать новые, отвечая запросам рынка, работодателя или заказчика [2. С. 293–294].

Несомненно, что принципы Болонского процесса апеллировали к интересам многих государств, стремившихся успеть вступить в пост-индустриальную эпоху как можно скорее. Первыми участниками Болонского процесса стали 29 стран Европы, обязавшихся к 2010 г. гармонизировать свои системы высшего образования. Страны СНГ, получившие в наследство советскую систему высшего образования, когда-то ориентированную на запросы национального и регионального рынка, тоже обратили внимание на строительство Европейского пространства высшего образования. После того как России удалось более-менее стабилизировать социально-экономическую ситуацию, страна поспешила в 2003 г. подать заявку на присоединение к Болонскому процессу. Из стран СНГ в 2005 г. к Европейскому пространству высшего образования присоединились Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова и Украина. В 2010 г. в Процесс включился Казахстан, наконец, относительно недавно, в 2015 г., 48-й страной, подавшей заявку на присоединение к Европейскому пространству высшего образования, стала Беларусь.

Каждая страна, присоединяющаяся к Европейскому пространству высшего образования, брала на себя обязательства по внедрению в свою систему высшего образования определенных принципов, включая создание трехуровневой системы высшего образования (бакалавриата, магистратуры и докторантуры); установление кредитной системы, позволяющей сопоставлять знания и умения, полученные студентами из разных государств-участников ЕПВО; взаимное признание квалификаций и универсальных квалификационных требований; соблюдение автономии университетов [3].

С развитием Болонского процесса в ходе министерских конференций в городах Праге (2001 г.), Берлине (2003 г.), Бергене (2005 г.), Лондоне (2007 г.), Лёвене (2009 г.), Будапеште и Вене (2010 г.), Бухаресте (2012 г.) и Ереване (2015 г.) к указанным выше принципам добавились идеи о необходимости привлечения студентов и работодателей к планированию и реализации образовательного процесса; возможности получения образования в течение всей жизни; содействия доступности высшего образования; обеспечения исследовательской составляющей третьего уровня высшего образования – докторантуры [4]. Таким образом, планка участников ЕВПО поднималась все выше, а значит, потенциальным участникам становилось все

сложнее соответствовать новым требованиям и все больше времени требовалось для полноценного внедрения всех нововведений.

Идея присоединения Беларуси к Болонскому процессу вызревала давно, в частности, этот вопрос был поднят на повестке дня еще в 2000-х гг., однако его решение было отложено в преддверии президентских выборов 2006 г. Позже страна вернулась к нему, но в связи с постоянным развитием и дополнением принципов Болонского процесса, а также особенностями белорусской системы образования вступить в ЕПВО с первого раза Беларуси не удалось. Причиной тому стало значительное несоответствие белорусской системы высшего образования принципам ЕПВО. В частности, согласно альтернативному докладу о состоянии системы высшего образования Беларуси, подготовленному Общественным Болонским комитетом страны в 2012 г., в стране не обеспечивалась автономия и академическая свобода университетов по причине существования системы назначения ректоров вузов лично президентом (в государственных вузах) или министром образования (в частных вузах), а также запрета на деятельность в вузах общественных объединений. В дополнение к этому Комитет указывал на существование в Беларуси системы принудительного распределения выпускников, обучавшихся на бюджетной основе; случаев административного давления на студентов-участников независимых студенческих организаций, излишнюю бюрократизацию управления системой высшего образования и т.д. [5]. Таким образом, представители Общественного Болонского комитета констатировали формальный подход Министерства образования Беларуси к внедрению принципов ЕПВО. В результате Беларусь не была тогда принята в Болонский процесс.

Однако Беларусь была не единственной страной, отличавшейся формально-бюрократическим подходом к реализации целей Болонского процесса, что привело к активному обсуждению сложившейся ситуации министрами образования стран-участниц ЕПВО в ходе министерской конференции в г. Ереване (Армения) в мае 2015 г. Основываясь на опыте развития Болонского процесса, они обозначили его недостатки и ключевые сложности, осложняющие имплементацию принципов ЕПВО на национальном уровне. В частности, по их мнению, среди причин поверхностной реализации принципов Болонской декларации следует отметить недостаточную информированность и понимание всеми заинтересованными лицами концепции ЕПВО и связанную с этим вольную трактовку положений ключевых

документов Болонского процесса, приводящую к искажению принципов, целей и инструментов требуемых реформ в угоду формальным показателям.

На министерской конференции в Ереване обсуждались и другие причины неудач государств-членов ЕПВО в реализации его принципов, включая необходимость трансформации исторически сложившихся особенностей национальных систем образования путем структурных реформ; недостаточную поддержку общественного мнения; значительную продолжительность времени, необходимого на проведение реформ и работы с населением в целях выработки лояльности принципам и целям Болонского процесса [6].

Хотя к 2015 г. Беларусь и провела некоторые косметические реформы системы высшего образования, ее принятие с определенными условиями в ЕПВО считается скорее шагом политическим [7]. Тем не менее он поставил под сомнение принципы Болонского процесса, поскольку на тот момент Беларусь не удовлетворяла ключевым его требованиям, в связи с чем стране было дано три года на проведение полноценных структурных реформ.

В Дорожной карте, реализовать которую обязалась Беларусь, были указаны обязательные меры по введению действующей трехступенчатой системы высшего образования, учреждению национальной рамки квалификаций, выдаче бесплатного европейского приложения к диплому, отмене ограничений на выезд белорусских студентов для обучения за границей, созданию независимой службы по мониторингу качества высшего образования в стране, отмене системы принудительного распределения выпускников государственных вузов, обеспечению автономии университетов и т.п. И хотя формально итоги имплементации Дорожной карты Беларусь должны быть подведены на очередной конференции министров образования стран-участниц ЕПВО, намеченной на 24–25 мая 2018 г., белорусские исследователи, эксперты и общественность уже сейчас высказывают сомнения в том, что необходимые изменения будут внесены в срок. Например, по данным Общественного Болонского комитета, опубликованным в октябре 2017 г., законодательно еще не были оформлены Национальная рамка квалификаций, переход к трехступенчатой структуре системы высшего образования, создание независимого агентства контроля качества высшего образования. Частично реализуется бесплатная выдача европейского приложения к диплому и применяется система зачетных единиц. По данным Ко-

митета, все еще не обеспечена автономия университетов, а пересмотр Кодекса об образовании 2011 г. отложен на неопределенный срок [8]. Поверхностный обзор сайта Министерства образования Республики Беларусь свидетельствует, что в открытом доступе нет законодательно оформленных изменений системы высшего образования Республики Беларусь после 2015 г.

Таким образом, можно говорить о том, что на сегодня белорусская система высшего образования по большей части не соответствует принципам и целям ЕПВО. В этой связи следует отметить, что фактически у министров образования стран Болонского процесса нет механизмов принуждения белорусских властей к выполнению их обязательств, за исключением осуждения и угрозы исключения страны из Болонского процесса. Однако и принятие страны в Процесс со второго раза, и разрешение вступить в Процесс, не соответствуя полностью его требованиям, стали исключительными случаями в недолгой истории Болонского процесса. Случай вступления Беларуси в Болонский процесс был уникальным, поэтому можно ожидать, что и решение проблемы соответствия белорусской системы высшего образования принципам ЕПВО будет исключительным. Например, по мнению экспертов, Беларусь либо получит отсрочку еще на два-три года в имплементации всех указанных в Дорожной карте мер, либо будет исключена из ЕВПО, что кажется менее вероятным исходом [9].

Литература

1. *The Bologna Process and the European Higher Education Area* // European Commission, s.a. URL: http://ec.europa.eu/education/policy/higher-education/bologna-process_en (access date: 16.09.2017).
2. *Лебедева М.М.* Мировая политика: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
3. *History* // European Higher Education Area, s.a. URL: <https://www.ehea.info/pid34248/history.html> (дата обращения: 16.09.2017).
4. *Ministerial Conferences* // European Higher Education Area, s.a. URL: <http://www.ehea.info/pid34363/ministerial-declarations-and-communications.html> (access date: 07.04.2018).
5. *Готовность высшего образования Беларуси к вступлению в ЕПВО. Альтернативный доклад* // Общественный Болонский комитет. 10.12.2012. URL: <http://bolognaby.org/index.php/issledovanija-analitika/544-alternaty-d1-9eny-daklad-i-darozhnaya-karta-pa-d1-9eklyuchennyu-belarusi-d1-9e-epva-2> (дата обращения: 07.04.2018).
6. *The Bologna Process Revisited: The Future Of The European Higher Education Area* // Yerevan, 2015. URL: https://media.ehea.info/file/2015_Yerevan/71/1/ Bologna_Process_Revisited_Future_of_the_EHEA_Final_613711.pdf (access date: 16.09.2017).
7. *Можейко В.* Долгий и сложный путь Беларуси в Болонский процесс: каким он был и куда он нас привел? // Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб». URL:

<http://eclab.by/texts/article/dolgiy-i-slozhnyy-put-belarusi-v-bolonskiy-process-kakim-by-l-i-kuda-nas-privel> (дата обращения: 16.09.2017).

8. *Итоговый мониторинг имплементации Дорожной карты реформы высшего образования Беларуси* // Общественный Болонский комитет. 16.10.2017. URL: <http://bolognaby.org/index.php/issledovaniya-analitika/679-monitoring6> (дата обращения: 07.04.2018).

9. «*Мотивы* будут геополитическими». Останется ли Беларусь в Болонском процессе? // Белорусский портал TUT.BY. 11.01.2018. URL: <https://news.tut.by/society/576359.html> (дата обращения: 07.04.2018).

REALITY OF MODERNIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATIONS IN THE EUROPEAN UNION MEMBER-STATES AND IN RUSSIAN FEDERATION

L. Rouze

The purpose of this article is to assess whether Max Weber's ideal-type construction of a modern administration is a reality in EU (EU) Member States, especially in France, and in the Russian Federation. Moreover, do Tomsk State University (TSU) students, Europeans and Russians, conclude the same as official data in both the EU Member States and the Russian Federation about it? Thus, this article examines the proximity between Max Weber's definition of a modern bureaucracy through three of its main threats, namely efficiency, transparency and corruption. Official data is then compared to TSU students' perception of the application of those three principles in both the EU and in Russia.

According to Max Weber, a purely bureaucratic administration, based on the compliance with acts, the so-called bureaucratic-monocratic administration, is precise, permanent, disciplined and rigid. As it is predictable by the ones who hold power as well as by citizens, it inspires trust. Its aims is to achieve technical perfection and to be as performant as possible, especially because of the growing need of a mass administration of both people and goods. This rational-legal authority can be found in several institutions as the State, the Church, the army, economical companies, interest groups, associations or even foundations. Moreover, Max Weber asserts that the development of those modern groups goes together with the development and the continuous progression of the bureaucratic administration, and the raising of this last is typical of modern occidental States [1].

This question is of particular interest to the very purpose of the administration modernisation, which is to improve its organisation, operation, efficiency and the quality of its public management. Indeed, it could

balance the criticisms directed toward the administrative machinery, its slowness and cost. Additionally, it could help governments improve the relations between administrations and the administered, and therefore the services the former provide to the latter. Nonetheless, even if governments tend to establish reforms and to modernize the administration, this is not always efficient and breaches can be found, not just in its establishment but also in the will to put it in place. Finally, even if it has evolved, young people may not perceive any difference. As a result, the interest of this question lies in the fact that public administrations modernisation appears to be an important topic both for governments and citizens, nonetheless, these latter may not perceive its actual effect in their every day life.

For this reason, examining how students perceive public administrations in their countries of origin, and in countries they may have travelled to in the EU, allows a comparison with official data from the EU and Russia. In fact, in France for example, several projects and reforms have been initiated. The last most important are the “Public Service 2012” pact and the General Review of Public Policies (RGPP) to meet the challenges civil service includes. Likewise, in Russia, this appears to be particularly relevant as structural reforms to develop an administration and civil service of higher quality are more and more of a priority since 2000. Their aim was to to give a new impetus to reforms which have a few times been slowed down and restarted. Therefore, implementing new reforms imply that, to be successful, public administrations have to be transparent, efficient and non-corrupt. For this reason, these three criteria are examined in the article and comparisons are made between the EU Member States in general, France when examples are quoted, and the Russian Federation on these points.

For that, I use two major research strategies: (1) a quantitative analysis of country-level data and (2) a case study: Tomsk State University’s students’ opinion, through a questionnaire. Data have been collected from archives, surveys, published reports and articles. For example, origins of the official data are the OECD Economic Survey about Russian Federation, its Global Competitiveness Report of 2017–2018, Transparency International’s Corruption Perceptions Index of 2017, European Commission’s surveys, notably thanks to the Eurobarometer, but also World Bank analysis and survey results such as the EY and the Ifop ones. The Federal State Statistics Service of Russia has also been used, as well as Russian authors and newspapers. In regards to the case of study, two question-

naires have been launched on Google Forms. They ask the same questions in two different languages, the English and the Russian language. The target public is Tomsk State University's students from Russia and from EU Member Countries aged under twenty-five years old.

Both questionnaires are available online since the 25th of March 2018 and since then, forty- five students (thirty-two Russians and thirteen Europeans) filled it out and the results have been very varied. Indeed, on the theoretical level, the Russian Federation and EU Member States do not have the same level of modernisation, if talking about their public administrations. Indeed, in regards to their efficiency, Russia's public administrations quality is poor and does not allow the state to endorse the structural reforms the country needs. Russian social services employees themselves declared (that) the quality of their work does not affect their salary. Furthermore, the satisfaction with quality and efficiency of public service delivery decreases, except for the traffic police and official documents services. Moreover, Russian's policy-makers (have) repeatedly manifested their complaints against the performance of country's civil servants, especially because they could not secure the implementation of policies they enhanced [2]. At the same time, on average in France, administrative reforms goals are perceived as numerous. Moreover, senior executives tend to consider they have a low degree of autonomy with regard to managerial aspects, especially management practices transferable in the public sector. In addition, public sector downsizing appears to be very relevant, but the focus on outcomes and results much less important than in countries like the United Kingdom or The Netherlands [3]. If we compare it to the survey's results, all students have a rather negative view on the Russian public administrations' efficiency. Indeed, for almost half the Russian students, they are "slightly efficient", and for the European ones they are "moderately efficient". Nonetheless, almost twice more students from EU Member Countries think EU Member States public administrations are "very efficient", which shows they consider their own public administrations better with respect to their level of efficiency. As for Russian TSU students, almost half of them also consider that the EU Member Countries are "very efficient", while it is the case for the Russian ones only for 7 % of them. Therefore, Russian TSU students also think that EU Member Countries public administrations are more effective than theirs.

Concerning the level of corruption, Russia is the 135th most corrupt country out of 180 according to Transparency International [4]. Indeed, as meritocracy does not appear to be a rule, civil servants may complement

their wages with bonuses and supplements, which blurs the administrative hierarchy as defined by Max Weber. For two-thirds of the Europeans as well in 2012, corruption was a major problem in their country [4]. The questionnaires validate this, since the same amount of Russian students, that is to say 33,3 %, think that Russian public administrations are “very corrupt” and “extremely corrupt”. None of them think they are “not corrupt at all”, compared to 19,2 % percent for EU member countries. As for the students from EU Member States, the same percentage, that is 30 %, consider that Russian public administration are “very” and “extremely corrupt”. Finally, 60 % of them think the EU Member Countries public administrations are “slightly corrupt”, which reflects a more positive view on the public administrations of EU Member Countries than on the Russian ones regarding corruption.

Finally, the transparency issue can be a consequence of the first two. Indeed, according to Max Weber, a purely bureaucratic administration should be trusted by the citizens it serves, and countries’ governments on both sides are willing to do so, by using different means. However, Russia and OECD countries citizens’ trust in their national government is still not a rule. In fact almost half of them do not trust their institutions [5]. In France especially, a transparent and open government promoted by a digital or e-government, as well as collaboration and cooperation between public sector actors, appears to be less relevant even if it remains a rather important reform trend [3]. In the survey, more than one third of the Russian students consider that Russian public administrations are not transparent. Moreover, on the one side, only 20 % of TSU students from EU Member Countries think that public administrations of both countries are “very transparent”. Then, 30 % of them think Russian public administrations are “slightly transparent” and the same amount that they are “not transparent at all”. On the other side, 56 % of Russian students consider that EU Member Countries public administrations are “moderately transparent” and 12 % that they are “slightly transparent”. Therefore, they tend to think European public administrations are more transparent than the Russian ones, and Russian people as well. Indeed, no Russian student considered they were not transparent while 37 % did for the Russian ones. Finally, 32 % asserted that the European public administrations are transparent, while only 7,4 % of them did it for the Russian ones.

As asserted by Max Weber, a modern administration should be working as a company, that is to say, being efficient and productive. Nonetheless, Russian government is concerned about it at different levels and it

appears the EU and the Euro area as a whole did not manage to deliver a relative improvement in public sector performance. A decrease can even be noted according to the European Central Bank working paper [3]. At a political level also, especially for the fight against corruption, declarations are not necessarily followed by actions. Finally, on the level of transparency, EU and Russia's citizens do not feel they can trust their national administrations. The questionnaires confirm that as its results indicates that if 42,9 % of TSU students from EU Member Countries "very trust" their public administrations, the same amount only "slightly trust" Russian public administrations. 14,3% of them even "extremely trust" EU Member States public administrations, which shows that students from EU Member Countries tend, in practice and in comparison with Russian public administrations, to better consider public administrations from their country.

In conclusion, it is possible to say that even if 80% of the students from EU Member States positively see the EU and 50 % of them think that Russia's public administrations work is worse than the ones in EU Member States, both areas have to improve their public administrations. Indeed, the majority of them are dissatisfied with Russian public administrations. For example, it was said that "they are not willing to help and do the minimum they can". On the contrary, 88,9 % of them are satisfied with the EU Member Countries public administrations. As for Russian students, 63% of them see the EU positively as well, and one of them only negatively. Moreover, 32% of them "very trust" the public administrations of the EU Member Countries, while 7,4% do for the Russian ones. Therefore, even if this article challenges the argument that TSU students under twenty-five years old do not equally perceive the modernisation of public administrations the same way in the EU Member Countries and in the Russian Federation, this last appears to have more efforts to make according to the official data and the survey's results.

Bibliography

1. *Max Weber*. *Economie et Société*: Max Weber, 1921.
2. *OECD Economic Surveys*: Russian Federation: OECD, 2006.
3. *European Central Bank*: Antonio Afonso, Ludger Schuknecht, Vito Tanzi, Working paper no. 242, Public sector efficiency: an international comparison, July 2003.
4. *Transparency international*: Transparency international, Corruption risks in Europe, 2012 Special Eurobarometer 374: European Commission, Corruption, January 2012.
5. *OECD (2013)*: OECD, Government at a Glance, 2013.

СЛЕДУЯ ЗА ЛОВЦАМИ ПОКЕМОНОВ: ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, КОМЬЮНИТИ И РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

А.А. Саблина

Городское пространство значительно изменилось с прошлого века благодаря многообразным процессам дигитализации городской жизни. Несмотря на сохранение различных форм неравенств, например социальных, экономических, которые выражаются в разделении города на опасные / безопасные зоны, геттоизированные пространства, современные города во многом становятся «дисплеями» – медиа-городами [1]. Медиа-город, или цифровой город, создает новые пространства, практики и дополнительные культурные контексты, создает различные формы (не)включенности в город и городскую жизнь благодаря доступу к цифровым технологиям и практикам их использования [2. С. 44]. Исходя из подобного понимания городского пространства и места дигитализации в нем, важным кажется анализ медиа-города и его жителей-пользователей в уже сложившихся социальных реалиях – тех формах локальных порядков и неравенств, которые во многом продолжают существовать в цифровом городе, «наследуя» их от сложившихся форм отношений и институтов в «обычном» городе. Особый интерес представляет молодежь в контексте медиа-города с нескольких перспектив: с одной стороны, молодежь часто сталкивается с ограниченным доступом присутствия в физическом публичном пространстве [3], практиками контроля, с другой – именно молодежь является наиболее активным актором (субъектом) и пользователем медиа-города, виртуального города [4. Р. 272]. Однако данное исследование, как и предшествующие, отмечает, что гибридный город в значительной мере повторяет «очертания» и особенности физического города, в то время как цифровые технологии и виртуальная реальность не способны значительно изменять гибридный город, ведя к предполагаемой «дегуманизации» городской жизни [5. Р. 91].

В качестве «иллюстрации» и одного из кейсов исследования медиа-города была выбрана игра дополненной реальности Pokemon GO, которая предполагает ловлю покемонов (как и в оригинальном аниме) в гибридном городе – физическом и виртуальном одновременно. Дополненная реальность, или гибридная реальность, благо-

даря использованию различных гаджетов (приложений с использованием AR-технологий) активно используется в сферах благоустройства городских пространств, стрит-арта, а также в повседневном использовании и создании медиа-города с начала 2010-х гг. Игра Pokemon GO была выбрана в связи с ее популярностью в мировом и российском контексте среди всех приложений с дополненной реальностью, а также рядом в том числе юридических прецедентов в России. Метод исследования – кейс-стади, кейсы проводились как в Санкт-Петербурге, так и в Хельсинки. В рамках российского кейса было проведено 15 глубинных интервью с активными игроками Pokemon GO (занимающими различные позиции в сообществе) длительностью от одного до четырех часов, проведено около 60 ч включенного наблюдения, также был использован метод самоэтнографии исследователей как игроков Pokemon GO.

Как уже было отмечено выше, одним из основных элементов исследования стало определение национального контекста, учитывая, что исследование проводилось как в Санкт-Петербурге, так и в Хельсинки (Финляндия), что дает возможность сравнительного анализа. Российский контекст значительно отличается от финского и (общеевропейского), учитывая общий алармистский дискурс СМИ о многочисленных формах «опасностей» игры после ее выхода и судебное дело против Романа Соколовского, который получил условный срок и был внесен в список лиц, причастных к экстремистской деятельности за игру в Pokemon GO на территории православного храма Екатеринбурга. Большая часть опасений и причин моральных паник в отношении игры была связана, в первую очередь, с «безопасностью детей и молодежи» – например, возможность посещения ими закрытых и опасных территорий, снижения внимания и как следствие травматизации и т.д. Учитывая общую проблематизацию молодежи в публичном городском пространстве, игра Pokemon GO в России изначально была включена в ряд политизированных и криминализированных дискурсов – начиная от закона об оскорблении религиозных чувств и заканчивая моральными паниками о молодежи, которая благодаря игре массово присутствует в публичном пространстве.

Также важно отметить, что в отличие от игрового сообщества Pokemon GO в Хельсинки, игровое сообщество Санкт-Петербурга демонстрирует более высокий уровень профессионализации, большую гомогенность активных участников, формирование четкого ядра участников «комьюнити» и внутренних иерархий и коммерциа-

лизацию деятельности игроков. Игровое сообщество, представленное в основном виртуально – в мессенджере «Telegram», в реальности редко обладает тесными личными связями, за исключением «ядровых» участников. Поскольку игроки собираются для групповой деятельности исходя из доступа к определенным территориям, то оффлайн-коммуникация часто требует задействования значительного количества механизмов (само)регуляции сообщества через онлайн-деятельность игроков. Ядро сообщества (сцены) представляют собой «статусные» игроки – с большим опытом и уровнем игры, имеющие доступ к информационным ресурсам (владельцы Telegram-каналов) и занимающиеся рекрутингом, обучением «новичков» и менее опытных игроков, координацией деятельности сообщества. Данные характеристики становятся «ярлыками» внутреннего статуса в сообществе и накапливаемого (суб)культурного капитала, формируя барьеры и иерархии внутри сообщества.

Состав участников игрового сообщества Санкт-Петербурга более гомогенный, особенно «ядровых» участников. Это, в основном, молодые профессионалы 20–35 лет, обладающие сетью дружеских связей внутри сообщества вне зависимости от принадлежности к различным фракциям в рамках игры. Сообщество отличается достаточно «агрессивным» рекрутингом новых участников и сформированной системой внутреннего контроля и регуляции – несмотря на ограниченность обладания и применения санкций за «читерство» (игру, противоречащую правилам разработчиков: «вертолеты», использование мультиаккаунта, ботов и т.д.) из-за отсутствия официального релиза в России, «профессиональное» сообщество разрабатывает свои правила игры, следит за их выполнением и подвергает санкциям за их нарушение. Учитывая ограниченность ресурсов, сообщество обычно удаляет нарушившего правила игрока из всех групповых чатов, по сути накладывая запрет на групповую игру и деятельность, что в рамках новой системы рейдов становится затруднительным для любого игрока. В отличие от карт города, которые в Хельсинки распространяются бесплатно, карты гнезд и покмонов в Санкт-Петербурге создаются «ядровыми» игроками с помощью ботов, доступ к ним распространяется за определенную плату. Коммерциализация сообщества также происходит благодаря крафтовому созданию материальных вещей (футболки, значки и т.д.) с символикой игры, стикер-паков в Telegram участниками сообщества.

Еще одним важным тезисом является то, как игра взаимодействует с городским пространством, как она преобразует город. Стоит отметить, что одной из задач игры было изменение как гибридного, так и физического (реального) городского пространства через его присвоение пользователями игры – например, через освоение ранее не использовавшихся, в том числе заброшенных, или непопулярных территорий города. Однако игра продолжает и сохраняет те формы неравенств (использования) городского пространства, которые присутствуют в реальном городе. Помимо очевидного неравенства центра города и периферии (наиболее отдаленных от центра районов), которое только усугубляется рейдовой системой, заметными также становятся различия статусов исторических / новых районов и частей города из-за системы покестопов и гимов, находящихся обычно на месте исторических, архитектурных памятников, значимых мест Санкт-Петербурга – «города-музея». В таком случае доступность «домашних» гимов в ближайшем соседстве заметно уступает рейдам в центре города, несмотря на ограничения доступа и мобильности. Одна из идей «знакомства» игроков с городом, в том числе с новыми для игроков местами города, через наличие небольших исторических справок о местах покестопов и гимов (обычно памятников) также редко выполняется игроками в связи с укорененностью их игровых маршрутов с повседневными, рутинизированными. При этом основные опасения, высказываемые в рамках алармистского дискурса, о посещении заброшенных или закрытых территорий также оказывается неоправдавшимися – исходя из анализа посещаемых игроками мест, большинство территорий являются используемыми и открытыми, однако стоит отметить, что районы / территории, ранее считавшиеся небезопасными (крайние северные и южные районы города, которые маркируются как «неблагополучные»), начинают определяться игроками как более безопасные для игры и другого повседневного использования.

Российский кейс демонстрирует высокий уровень секьюритизации публичного городского пространства Санкт-Петербурга, что накладывает дополнительные ограничения доступа для более молодых горожан и пользователей медиа-города, проблематизируя их. Одним из механизмов ограничения и «защиты» становится родительский контроль как за онлайн-, так и за оффлайн-деятельностью молодых игроков Pokemon GO, который хоть и лишает молодежь субъектности в рамках алармистского дискурса «защиты от опасно-

стей», однако рационализирует и легитимизирует присутствие молодежи в публичном городском пространстве. Одним из последствий влияния особого контекста и секьюритизации публичного пространства становится формирование «профессионального сообщества», которое задействует мобилизационные механизмы для оптимизации оффлайн-активности на улицах города, формирует самоцензурирующие инструменты ограничений и наказания, берет на себя функции «родительского контроля» за новыми игроками, в том числе несовершеннолетними. В связи с этими важными становятся принадлежность к сообществу, существование вне которого почти невозможно, а также «встраивание» во внутренние иерархии и позиции, перенося таким образом существующие формы неравенств (статусных, социальных, территориальных) в игру. Дополненная реальность, гибридный город и его освоение, создание новых форм социальностей так и остаются невыполненными «задачами» игры.

Литература

1. *McQuire S.* The media city: Media, architecture and urban space. Sage, 2008.
2. *Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г.* Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41–54.
3. *McQuire S.* The politics of public space in the media city // First Monday. 2006.
4. *De Souza A.S.* From cyber to hybrid: Mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // Space and culture. 2006. Vol. 9, № 3. P. 261–278.
5. *De Souza A.S., Frith J.* Mobile interfaces in public spaces: Locational privacy, control, and urban sociability. Routledge, 2012.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИССИИ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ГРУЗИИ В ОТНОШЕНИИ МОЛОДЕЖИ

О.С. Самутина, К.В. Юматов

8 сентября 2008 г. в ходе переговорного процесса по урегулированию военного конфликта между Грузией, с одной стороны, и Россией, Южной Осетией и Абхазией – с другой, в Москве встретились Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев и Большая тройка Европейского союза: глава страны-председателя ЕС Николя Саркози, верховный представитель ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Хавьер Солана и председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу. В результате этих перего-

воров Европейский союз как гарант принципа неприменения силы должен был развернуть наблюдательную миссию в дополнение к уже существующим механизмам ООН и ОБСЕ [1].

Миссия наблюдателей Европейского союза (МНЕС) в зоне конфликтов между Грузией и бывшими автономиями действительно приступила к деятельности 1 октября 2008 г.

Главные приоритеты деятельности МНЕС сформулированы на сайте организации:

- 1) обеспечить невозобновление военных действий;
- 2) способствовать возобновлению безопасной и нормальной жизни для местного населения, проживающего по обе стороны административных границ с Абхазией и Южной Осетией;
- 3) укреплять доверие между сторонами конфликта;
- 4) информировать структуры ЕС, принимающие решения о формировании своей политики в Грузии и регионе в целом [2].

С точки зрения Европейского союза, «наш мандат действует на всей территории Грузии. Тем не менее де-факто власти Абхазии и Южной Осетии до сих пор отказывают нам в доступе к территориям, находящимся под их контролем» [2]. Действительно, власти Южной Осетии и Абхазии не считают необходимым обеспечивать доступ для европейских наблюдателей. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини считает, что «посредством Миссии наблюдателей ЕС Европейский союз предоставляет конкретную поддержку мира и стабильности в регионе. ЕС по-прежнему твердо поддерживает суверенитет и территориальную целостность Грузии в пределах ее международно-признанных границ» [3]. Деятельность МНЕС активно использовалась при мониторинге ситуации перед заключением договора об Ассоциации ЕС и Грузии. Докладчик в Европарламенте по грузинской проблематике Андрейс Мамикинс активно взаимодействовал с Миссией и даже участвовал в патрулировании вместе с ее сотрудниками [4].

Таким образом, Миссия наблюдателей Европейского союза за 10 лет стала одним из важнейших механизмов отказа от применения силы со стороны участников конфликта. Но анализ материалов сайта МНЕС позволяет видеть постепенное расширение функций Миссии. От сугубо миротворческой деятельности Миссия перешла к более широкому горизонту взаимодействия в рамках грузинского общества и государства.

Миссия проводит достаточно большую работу с местными СМИ и молодыми журналистами, в том числе из Абхазии и Южной Осетии [5], распространяет свои материалы и идеи. Маргарита Ахвледiani, руководитель Go Group Media, так объясняет эту работу: «Мы видим в выбранных участниках тех, кто будет формировать сущность средств массовой информации на Южном Кавказе через несколько лет, и от их выбора в качестве журналистов во многом будет зависеть будущее конфликтов в регионе» [Там же]. Эта работа должна способствовать «пониманию и подготовке репортажей о политике Европейского союза в регионе» [Там же]. С августа 2010 по декабрь 2014 г. действовало радио-шоу МНЕС. В настоящее время предполагается, что МНЕС «будет продолжать работу по осведомлению населения по обе стороны административной границы в режиме онлайн, умножив усилия в социальных медиа» [6].

Эволюция деятельности Миссии хорошо видна на мероприятиях, связанных с детской и молодежной средой. В 2008–2009 гг. на сайте МНЕС мы видим прежде всего информацию по работе с внутренне перемещенными детьми, которая включает в себя различные мероприятия адаптационного и психологического характера. Так, в 2009 г. было объявлено о создании под эгидой МНЕС фотовыставки «Фотографирование дома», с внутренне перемещенными детьми в качестве авторов. Эта фотовыставка открылась 7 мая в Тбилиси, потом была проведена в нескольких городах Грузии [7]. Для таких же детей организовывались театральные представления с их участием в роли как зрителей, так и артистов. Эти мероприятия проводились при активном сотрудничестве с творческими и неправительственными организациями, бизнес-структурами, муниципальными властями, Министерством по вопросам беженцев и расселению [8]. Подобные культурные мероприятия проводились при участии Миссии и в последующие периоды. Последнее упоминание на сайте Миссии о приглашении детей внутренне перемещенных лиц на цирковое представление и программу развлечений встречается в 2011 г. [9].

Миссия на протяжении нескольких лет мониторила условия проживания внутренне перемещенных лиц, особенно детей [10].

Большое внимание в концепте деятельности Миссии, особенно в первые годы существования, уделялось проблемам грузинских детей, проживающих в пограничных районах, в частности в Гальском районе Абхазии. Так, в 2009 г. в рамках механизма по предотвращению инцидентов и реагированию представители МНЕС поднимали

вопросы доступности образования, возможности изучения родного языка и т.п. [11]. Кроме того, в пограничных районах на протяжении всех этих лет происходили инциденты с пересечением границ, в том числе несовершеннолетними жителями. Миссия выступала в качестве посредника и инициатора освобождения детей и молодежи [12].

С течением времени МНЕС стала проводить очень большую работу по формированию у грузинского населения позитивного взгляда на деятельность Миссии. Стали проводиться специальные встречи со школьниками и студентами с объяснением роли и функций миротворцев. Студенты включались в патрули и деятельность Миссии.

Миссия проводила определенные мероприятия, которые должны были донести до грузинской аудитории ценности и достижения Европейского союза. Так, была проведена большая информационная и просветительская кампания против гендерного насилия, направленного на девочек и женщин. Ежегодно с 2009 г. в мае проводятся так называемые Дни Европы, которые направлены на продвижение идей европейской интеграции и европейской цивилизации.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что материалы сайта Миссии наблюдателей Европейского союза показывают эволюцию деятельности ЕС от сугубо миротворческой к идеологической и направленной на продвижение интересов ЕС в Грузии и южнокавказском регионе. С нашей точки зрения, деятельность Миссии стала одним из ключевых элементов «мягкой силы» и инструментом внешней политики и безопасности Европейского союза.

Литература

1. *Медведев* и Саркози проговорили несколько часов: к их плану добавились пункты, вступающие в силу немедленно / Сайт NEWSru.com в России [сайт] <https://www.newsru.com/russia/08sep2008/peregovory.html#5> (дата обращения: 8.04.2018).

2. *Наш мандат* // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM) [сайт]. Режим доступа: https://eumm.eu/ru/about_eumm/mandate (дата обращения: 8.04.2018).

3. *Мандат* Миссии наблюдателей ЕС в Грузии продлен на два года. 17.12.2014 // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM) [сайт]. Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/5012/?year=2014&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

4. *Член* Европейского парламента и докладчик по Грузии принял участие в патрулировании МНЕС. 12.12.2014 // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/4688/?year=2014&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

5. *Семинар* для молодых журналистов из Южного Кавказа проходит в Лондоне. 12.12.2014 // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим досту-

па: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5016/?year=2014&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

6. *Радио-шоу* МНЕС завершилось. 30.01.2015 // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: http://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/5058/?year=2015&month=3 (дата обращения: 8.04.2018).

7. *Внутренне* перемещённые дети получают награды за участие в фотовыставке МНЕС // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/1516/?year=2009&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

8. МНЕС организует театральное представление для внутренне перемещённых детей // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/1606/?year=2009&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

9. *Полевой* офис Мхета посетил детей в поселке ВПЛ в Церовани с цирковым представлением и другими видами деятельности // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/2726/?year=2011&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

10. *Социально* уязвимые семьи в центре внимания // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/3583/?year=2012&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

11. *Обсуждения* относительно морских инцидентов и доступа к образованию грузинским детям, проживающим в Гальском районе, продолжаются на пятой встрече в рамках механизма по предотвращению инцидентов // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/features/1674/?year=2009&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

12. МНЕС выражает чрезвычайную озабоченность в связи с задержанием властями де-факто Южной Осетии четырёх несовершеннолетних граждан Грузии // Миссия наблюдателей Европейского союза в Грузии (EUMM). Режим доступа: https://www.eumm.eu/ru/press_and_public_information/press_releases/1726/?year=2009&month=12 (дата обращения: 8.04.2018).

ВКЛАД «НОВЫХ ЛЕВЫХ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРГ

Г.Г. Супрыгина

Во второй половине 1960-х гг. в ФРГ, как и во многих развитых странах мира, произошел подъем массового молодежного движения, пик которого пришелся на 1967–1968 гг. Его ядро составили так называемые «новые левые». Ведущую роль в нем сыграло студенчество, создавшее самые крупные в Европе организации. Их лидером выступил Союз немецких студентов, порвавший с Социал-демократической партией Германии за ее оппортунизм и забвение интересов трудящихся. Его лидером был харизматичный Руди Дуч-

ке, левак, но категорически отвергавший терроризм. Феномен этого нового социального движения связан со вступлением в общественную жизнь ФРГ первого послевоенного поколения. В отличие от современной ситуации, отмеченной низкой рождаемостью, это было поколение «бэби-бума»: молодые люди в возрасте до 25 лет составляли в ФРГ половину ее населения [1. С. 8].

Название движения отражало неприятие его участниками «старых левых», которыми являлись коммунисты и социалисты, не выполнившие, по мнению молодых людей, свои обещания. Идеология «новых левых» была эклектичной и, как отмечают многие исследователи, утопической. Она состояла из заимствований из критической теории индустриального общества – разновидности неомарксизма, разработанной Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Горкхаймером, Ю. Хабермасом и др., которых исследователи объединили во Франкфуртскую школу. Эти философы, особенно Г. Маркузе, стали мессиями студенческой молодежи ФРГ [2]. «Новые левые» проявляли также интерес к аналитической социальной психологии, психоанализу, освободительным теориям стран третьего мира, троцкизму, популярному тогда маоизму.

«Новые левые» начали с критики системы образования, особенно высшего, которое устарело и не давало качественной подготовки в условиях развернувшейся второй научно-технической революции. Затем усвоенные ими идеи были использованы для тотальной критики других сфер общественно-политической жизни ФРГ. Сами они так и не представили модели реформирования западногерманского общества, однако, опираясь на теории критики капитализма, империализма и классового общества, обрушили на него свою тотальную критику [3]. Высказывания и выступления студенчества порой принимали столь радикальный характер, что движение называли «мятежом», «бунтом», «революцией» молодежи.

Вслед за представителями Франкфуртской школы студенчество критиковало современное им буржуазное общество, называя его «монолитной тоталитарной системой». Антиавторитаризм стал одним из знамен студенческого бунта. Критике подвергались и СССР, и ГДР, не сумевшие, по их мнению, справиться с постсталинизмом. (Со временем, однако, критика левых студенческих групп с акцентирования на тоталитаризме сместилась в сторону разоблачения фашизма) [Ibid]. Они с энтузиазмом восприняли утверждение, что ввиду отсутствия пролетариата (в марксистском понимании) роль

преобразователя общества переходит к интеллигенции (к ней они и причисляли себя) и аутсайдерам. «Новые левые» клеймили западногерманское общество за технократизм, фиксацию на культе потребления, жажду прибылей, за бюрократизацию управления, ложное сознание, формируемое СМИ и массовой культурой.

Студенческое и молодежное движение выступило против «чрезвычайных законов», которые были приняты бундестагом 30 мая 1968 г. и облегчили властям в случае необходимости введение чрезвычайного положения и ограничение прав граждан [4]. Студенческая молодежь стала ядром массовой Внепарламентской оппозиции, требовавшей отменить чрезвычайное законодательство. Вышедшие на улицу молодые люди требовали сломать «заскорузлые структуры», называли западногерманскую либеральную демократию «повседневным фашизмом» и призывали сокрушить ее. В движении выделилось несколько течений – от умеренного до экстремистского, представленного организацией «Фракция Красной армии».

Поддержка молодежи и студентов, оказанная Социал-демократической партией на выборах в бундестаг в 1969 г., позволила ей впервые за послевоенный период возглавить правительство. Канцлер Вилли Брандт (впоследствии лауреат Нобелевской премии), несмотря на ожесточенное сопротивление правых в парламенте и в обществе, получил возможность реализовывать «новую восточную политику». Она вывела ФРГ из изоляции на международной арене, обеспечила ей членство в ООН, содействовала политике разрядки международной напряженности в 1970-е гг.

Одним из канонов приобретенного студентами и молодежью мировоззрения стал антифашизм. Он явился реакцией на активизацию неонацизма в Западной Германии и успех Национал-демократической партии Германии на земельных выборах начала 1960-х гг. Студенты рассматривали эту партию как преемницу гитлеровской НСДАП. Они стали устраивать выставки и проводить другие мероприятия, разоблачающие политику гитлеровского режима. В ФРГ нацистское прошлое обострило проблему «отцов и детей» в большей степени, чем в других западных странах. Выросшая в послевоенный период молодежь стала задавать родителям, особенно отцам, вопросы о том, что они делали в эпоху национал-социализма. Не все из них были готовы дать откровенные ответы на эти вопросы. Следствием этого был уход многих молодых людей из родительского дома.

Студенческое и молодежное движение содействовало становлению политики «проработки (нацистского) прошлого» в ФРГ, поскольку старшее поколение два послевоенных десятилетия упорно замалчивало его, нередко отвергало реальность концлагерей, уничтожение европейского еврейства, зверств эсэсовцев на оккупированных территориях и пр. Представители старшего поколения снимали с себя вину, прикрываясь незнанием или тем, что «выполняли приказы сверху». Молодые немцы критиковали взрослых за нежелание «вступить в конфронтацию с нацистским прошлым». Критика бунтующей молодежи ускорила обращение прогрессивных ученых во второй половине 1960-х гг. к детальному исследованию национал-социализма и утверждению в обществе таких устойчивых установок, как «противостояние прошлому», «преодоление прошлого». В значительной степени благодаря студентам и молодежи Западной Германии они стали составной частью ее политической культуры [5].

«Поколение 1968 г.» возродило традицию антивоенного движения. Его эпицентром стал протест молодежи против войны США во Вьетнаме. Совокупные усилия молодежи многих стран Запада и Востока приблизили окончание этой варварской войны. Молодежь Германии, как и сверстники в других странах, стала первым в истории поколением, которое осмыслило новую реальность – реальность Апокалипсиса, вероятность которого связана с появлением ядерного оружия [6. С. 20]. Антивоенная направленность движения проявилась в борьбе против американских баз на территории ФРГ.

Движение «новых левых» хронологически почти совпало с подъемом национально-освободительных движений и процессом деколонизации стран Азии, Африки и Латинской Америки. Они резко критиковали эксплуатацию и социальную несправедливость в этих странах, связывая их с экономическим строем, который явился наследием эпохи колониализма или неоколониализма. Молодежь напрямую связывала их порабощение с политикой империалистических стран и даже стран социализма. С государствами этих континентов, получивших суверенитет в 1960-е гг., молодые немцы, как и их западные сверстники, связывали надежды на построение в них новых обществ, способных избежать пороков, присущих странам Запада. Притягательным им казался лозунг Мао Цзэдуна «Великий

поход», который они намеревались провести по государственным институтам для их завоевания и оздоровления.

Молодые бунтари проявили большую изобретательность, выбирая нетрадиционные методы протеста, в том числе использовали опыт освободительных движений стран третьего мира. Так, в Западной Германии распространение получили сидячие и лежачие забастовки, скандирования, «театры улиц», пикеты и захваты учебных и административных аудиторий университетов, пустующих жилых домов, долговременные блокады американских военных баз. Леворадикальные группы использовали методы провоцирования полиции, судебной власти, руководства университетов и пр. с целью выявления их «истинного лица» – скрыто авторитарного, подавляющего. Экстремистские группы применяли методы городской герильи (партизанской войны), практикуемой в латиноамериканских странах. Многие акции были сознательно направлены на эпатаж обывателей с целью привлечения властей и общества к актуальным проблемам ФРГ. Нередко акции протеста принимали карнавальный характер с целью привлечения молодежи и эпатажа буржуазных слоев общества.

Стремление к эмансипации от догм буржуазного общества вылилось в критику «новыми левыми» ханжества традиционной семьи, лицемерной сексуальной морали, что вскоре логично привело их к сексуальной революции. Западногерманская молодежь много экспериментировала в поисках «альтернативного образа жизни», что вылилось в создание коммун, бегство от цивилизации на природу, отказ от чрезмерного материального потребления, фиксацию на нематериальных ценностях. Движение «новых левых» способствовало оформлению в последующее десятилетие «нового женского движения», которое требовало реального равноправия женщин. Критика ими процессов урбанизации, хищнического отношения к природе, загрязнения окружающей среды содействовала подъему экологического движения, включению экологических показателей в критерии «качества жизни». Дальнейшее развитие этого движения в итоге привело к созданию довольно влиятельной партии зеленых в ФРГ, ныне занимающей стабильные позиции в бундестаге. Устойчива и антивоенная традиция, заложенная «поколением 1968», она зримо проявилась в 1980-е гг., когда в ФРГ были размещены американские ракеты средней дальности.

В целом, несмотря на идеализм, утопизм, спонтанность, неспособность этого движения создать действенные преобразовательные концепции, оно, бесспорно, оздоровило западногерманское общество и его влияние оказалось долговременным (хотя и часто скрытым). Это касается и принципов демократии, за которую они боролись. Без признания ее приоритета и обещания ей защиты в настоящее время на выборы не может выйти ни одна немецкая партия. Большинство участников этого «очаровывающего» (*faszinierende*) движения со временем поуспокоились, обуржуазились, но время, проведенное на баррикадах их молодости, наложило отпечаток на их жизнь и последующую деятельность. «Великий поход» в стиле Мао им не удалось осуществить, но их труд в университетах, в СМИ, в политике, в органах управления и в учреждениях культуры содействовал становлению новой ФРГ, которая пользуется уважением и вызывает доверие в Европе и в мире.

Литература

1. ФРГ: молодежь и молодежная политика / отв. ред. Н.С. Черкасов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 196 с.
2. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. М., 1994. 340 с.
3. Wolfgang Kraushaar. <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/68er-bewegung/51820/denkmodelle?p=all>
4. <http://pravoteka.ru/encyclopedia13392>.
5. Frei N. Vergangenheitspolitik: Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996.
6. Мяло К.Г. Под знаменем бунта. М.: Молодая гвардия, 1985.

СТЕПЕНЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МИГРАНТОФОБИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

П.В. Ульянов, Ю.Г. Чернышов

Тема распространения мигрантофобии на фоне кризиса политики мультикультурализма в Западной Европе уже нашла освещение во многих исследованиях (см., напр., [1, 2]). Однако при изучении этой темы, на наш взгляд, далеко не всегда в полной мере учитывается соотношение общих и особенных факторов, действующих в разных странах. Мы хотели бы рассмотреть этот вопрос на приме-

ре такой самобытной и «дистанцирующей» от континентальной Европы страны, как Великобритания.

Нужно сразу отметить, что саму по себе мигрантофобию вряд ли было бы правильно считать прямым порождением политики мультикультурализма. Скорее она является лишь одним из проявлений ксенофобии – неприязненного и настороженного отношения к «чужим», которое в той или иной степени всегда присутствовало в общественном сознании во все эпохи и во всех странах. «Чужие» (и мигранты из других стран в том числе) задолго до появления политики мультикультурализма по целому ряду причин вызывали негативные ассоциации в принимающем обществе, причем эти негативные стереотипы проявлялись во всех основных сферах жизни:

1) в сфере экономики это было связано с торговыми войнами, безработицей и конкуренцией на рынке труда, с необходимостью нести дополнительные социальные расходы на содержание беженцев и т.д.;

2) в сфере политики приезжих нередко рассматривали как неблагонадежный и криминогенный элемент, как несоциализированных людей, которым чужды политические порядки страны пребывания, как «агентов влияния» или даже «шпионов» иностранных государств;

3) наконец, в культурно-религиозной сфере особенно наглядно проявляется принадлежность к разным цивилизациям и разным традициям, многие из которых рассматриваются как плохо совместимые с европейскими, как угрожающие местным сообществам потерей их идентичности и т.д.

Все эти общие факторы действуют практически во всех странах, в том числе и в тех, которые вообще не испытали на себе политику мультикультурализма (например, в России). Политика мультикультурализма, слишком широко распахнувшая европейские двери для инокультурных мигрантов и не предусматривавшая достаточных «предохранительных» мер, лишь ускорила распространение мигрантофобии среди европейцев. Однако в каждой стране этот процесс происходил со своими особенностями, на которые влияли сложившиеся национальные традиции, конкретные политические события и т.д. Достаточно отчетливо эти особенности прослеживаются и в отношении к мигрантам молодежи Великобритании.

Страна-остров, пережившая период колониального владычества, накопила в своем опыте самые разные модели отношения к «дру-

гим». Однако достаточно давние и прочные демократические традиции не позволили в свое время Великобритании, в отличие от нацистской Германии и многих подчиненных ею стран, попасть под диктат сторонников расистских идеологий. Весьма характерно, что, согласно современным исследованиям, антисемитизм и расизм и сейчас не пользуются большой популярностью среди британской молодежи. Вместе с тем сама по себе ксенофобия не исчезла: на место классических неофашистских объединений приходят теперь антиджихадистские организации правого крыла, разделяющие идеологию White Power и нацеленные на прямое действие [3. С. 87]. Для Великобритании, решившей покинуть Евросоюз, «мигрантский» вопрос оказался особенно актуальным еще и потому, что он интерпретируется через призму «островного» менталитета жителей Туманного Альбиона. Правительство считает, что набирающая популярность среди молодежных группировок политика Brexit позволит стране «отдельно от континента» решить проблемы с наплывом мигрантов.

Серьезным поводом для усиления мигрантофобии стал террористический акт 7 июля 2005 г. Именно он, несмотря на положительный отзыв премьер-министра Т. Блэра о развитии в Великобритании мультикультурализма, спровоцировал рост ультрарадикальных настроений, особенно среди молодежных уличных группировок. Среди молодежи, относящейся к низшим слоям общества, росла популярность уличных движений ультраправого характера, например «Лиги защиты Англии», которая выступала против исламского экстремизма. После ее распада молодежь привлекала группировка «Неверные» (Союз правых патриотических и националистических групп), поддерживающая политику Brexit. Несмотря на относительно спокойную картину межнациональных взаимоотношений, наблюдавшуюся до 2005 г., в британском обществе иммиграция воспринимается как негативное явление. Это подтверждается результатами опроса, проведенного журналистами газеты «Daily Mail» в 2008 г. [4]. Согласно этим данным, 84 % жителей Великобритании, включая молодежь, выступили за сокращение притока иммигрантов, объяснив это тем, что мигранты получали большие привилегии (69 %), отнимали у коренных британцев рабочие места (66 %) и способствовали росту преступности в стране (60 %).

В контексте противодействия распространению экстремизма среди молодежи правительство Великобритании приняло ряд законодательных мер [5. С. 132]. В 2006 г. была издана директива по

борьбе с пропагандой и распространением экстремизма в университетах и колледжах. В образовательных учреждениях был введен предмет «Гражданское образование» с целью формирования национального и гражданского самосознания у подростков. В следующем году принята программа о предупреждении насильственного экстремизма, которая была основана на принципе «4 П»: 1) предупреждение о возможной угрозе терроризма; 2) преследование лиц, подозреваемых или уличенных в экстремизме; 3) протекция населения от влияния экстремистской пропаганды и 4) подготовка комплекса мер по обеспечению безопасности. Но на этом уровне подавить проявления экстремизма в молодежной среде было сложно, так как уголовное законодательство Великобритании содержит более 80 тыс. «прецедентных» норм, среди которых нет специальной нормы об ответственности за экстремизм, как и определения самого понятия. Эта особенность британского законодательства серьезно влияет на осуществление контрэкстремистских и антитеррористических мер.

В начале периода своего руководства премьер-министр Д. Кэмерон раскритиковал мультикультурализм и поставил задачу по его пересмотру. Крайние проявления враждебности по отношению к мигрантам все еще были – например, в массовых беспорядках в иммигрантских кварталах Лондона и других крупнейших районах страны в 2011 г. Однако о снижении степени влияния этих радикальных веяний на молодежь говорят результаты опросов, проведенных исследовательской организацией Великобритании «Ipsos MORI». В 2015 г. она подготовила обзор опроса [6. Р. 79–80], показавшего, что при ответе респондентов на вопрос о совместимости ислама с британским обществом большинство коренных британцев ответили отрицательно (56 %) и подчеркнули, что между ними идет борьба (55 %). Однако при этом, в отличие от тех, кто был старше 65 лет, лица в возрасте от 18 до 24 лет в большинстве дали положительный ответ и даже отрицали столкновение между исламом и ценностями британского общества.

Другие результаты представлены международной интернет-компанией «YouGov». Она провела несколько опросов среди населения страны. Опрос 22–23 марта 2015 г. [7] показал, что 55 % респондентов считают, что существует столкновение между исламом и ценностями британского общества, среди них люди в возрасте 18–24 лет составили 36 % и в возрасте 25–39 лет – 46 %. Кроме того, эта же организация проводила опрос 16–17 ноября 2015 г. и сравнивала

полученные показатели с результатами опроса 20–27 октября того же года [8. Р. 1–2]. Респондентов спрашивали о допуске на территорию страны беженцев / мигрантов следующих категорий: 1) беженцы из Сирии; 2) беженцы из Ливии, Ирака или Эритреи; 3) трудовые мигранты. Октябрьский опрос показал, что первые две категории нашли поддержку у британцев (36 и 20 % выступили за прибытие их в страну), а третья категория получила отторжение (37 % были против их прибытия). Ноябрьский опрос показывает иную ситуацию. Все три категории беженцев и мигрантов не нашли поддержки у местного населения Великобритании (26, 28, 44 % респондентов выступили против их прибытия в страну). Среди опрошенных в ноябре 2015 г. молодежь в возрасте 18–24 лет проголосовала большинством за прибытие сирийцев в страну в качестве беженцев (36 %), а респонденты в возрасте 25–39 лет поддержали пропорциональное соотношение сирийских беженцев с населением Великобритании (27 %). При этом обе группы молодежи выступили против прибытия в страну мигрантов из Ливии и Ирака (31 и 25 %), зато выступили за ограниченное число прибытия в Великобританию трудовых мигрантов (32 и 35 %).

Итак, можно констатировать сохранение определенной популярности мигрантофобии не только у людей старшего поколения, но и среди молодежи. Однако опрос, проведенный «YouGov» среди молодежи 26 октября 2017 г., говорит о «смягчении» этой тенденции [9]. При ответе на вопрос: *«Сообщалось, что все иммигранты из ЕС, которые прибудут в Великобританию к марту 2019 года, когда официально начинается Brexit, будут иметь право оставаться в Великобритании на постоянной основе. Вы одобряете или не одобряете?»* – 55 % молодых респондентов в возрасте 18–39 лет ответили положительно. Таким образом, опросы показывают, что после определенного «всплеска», вызванного во многом издержками политики мультикультурализма, происходит постепенное снижение степени влияния мигрантофобии на молодежь.

Таким образом, степень влияния мигрантофобии на молодежь Великобритании носит неустойчивый характер и во многом зависит от субъективного восприятия людьми результатов проводившейся политики мультикультурализма, а также разного рода резонансных событий (подготовка к Brexit, сообщения о преступлениях и терактах с участием мигрантов и т.д.). Определенному снижению мигрантофобии способствуют просветительская деятельность и борьба с

экстремизмом в молодежной среде на законодательном уровне. Перед правительством Великобритании стоят задачи нормализации ситуации в сфере миграции и повышения уровня политической культуры молодежи с целью не допустить широкого распространения в этой среде экстремистских настроений.

Литература

1. Харитонов И.Н. Кризис политики мультикультурализма и ксенофобия в странах Европы // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 186–195.
2. Романова К.В. Мультикультурная политика Великобритании: проблема интеграции мигрантов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 5. С. 154–158.
3. Мязин Н.А. Уличные праворадикальные группировки Великобритании // Современная Европа. 2014. № 2.
4. Slack J. Four in Five Say Britain is Facing a Crisis over Immigration // The Daily Mail. L., 2008. 5 apr. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-557380/Four-say-Britain-facing-crisis-immigration.html> (дата обращения: 13.03.2018).
5. Терешина Е.А. Опыт зарубежных государств в области противодействия молодежному экстремизму (на примере опыта Великобритании и США) // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1 (108). С. 130–136.
6. Обзор исследовательского опроса мусульман Великобритании // Ipsos MORI. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk> (дата обращения: 13.03.2018).
7. YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2015/06/05/european-attitudes-minorities/> (дата обращения: 13.03.2018).
8. The Times – Leaders, Syria, Refugees, ISIS, Terrorism and Jihadi John // YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/opi/search/?q=migrants> (дата обращения: 13.03.2018).
9. YouGov. URL: <https://yougov.co.uk/news/2017/10/26/eu-migrants-uk-anti-terrorism-legislation-kennedy-/> (дата обращения: 13.03.2018).

О ПРОЦЕССЕ ИСТОРИЗАЦИИ «1968-го» И «ДОЛГИХ ШЕСТИДЕСЯТЫХ»

С.В. Фоменко

События «красного мая» 1968 г. во Франции принято считать не только апогеем студенческой активности 1960-х гг., но и квинтэссенцией всего происходившего в молодёжном движении тех лет. Поэтому одни – в силу этой причины, а другие – потому, что 1968 г., по их мнению, подвёл черту под определённым этапом развития Запада (многовековым – «модерновым», как у И. Валлерстайна; пятилетним, закончившимся сменой «оптимистичного состояния разума ... на разочарование и утрату иллюзий» [1. Р. 7 и др.]) стали считать 1968 г. своего рода маркером. Год «часто выступает в концепциях в качестве стержня всего того десятилетия» [1. Р. 7], а то и

«как шифр к политическим и социальным изменениям всей второй половины XX в.» [2].

В 1989 г. американцы Д. Арриги, Т. Хопкинс и И. Валлерстайн написали: «Были только две мировые революции. Одна из них состоялась в 1848 г., вторая – в 1968 г. Обе явились историческими неудачами. И обе перевернули мир». 20 лет спустя известный британский историк Герд-Райнер Хорн подчеркнул: «1968 г. стал главной цезурой в истории современной Европы – как и 1905, 1917, 1934, 1945 или 1989 гг.» [3].

Поскольку сегодня термин «водораздельный 1968 год» все больше уступает место понятию «долгие 60-е гг.» [2], коснёмся проблемы эволюции историографии «1968-го».

Чуть ли не до конца XX в. академическая работа по воссозданию истории бурных 1960-х проводилась в основном «бывшими участниками студенческого движения» [2] и сосредоточивалась почти исключительно на США: 1960-е гг. привязывались к существовавшей в 1960–1969 гг. американской организации «Студенты за демократическое общество». В итоге историки склонялись к утверждению, что активизм 1960-х родился в начале десятилетия как очень слабый и относительно консервативный, затем стал, особенно после 1968 г., более мощным, радикальным и конфронтационным, однако в конечном счете вскоре растворился из-за идеологических разногласий, неразрешимых противоречий и роста новых движений, базирующихся на политике идентичности [4].

Но к концу 1990-х гг. в архивы устремились историки, которые родились в конце 1960-х гг. или были слишком молоды, чтобы помнить это «решающее десятилетие». Осмыслением «1968-го» занялись также маститые исследователи. В 1998 г. вышла в свет, например, ставшая классической монография крупного британского историка Артура Марвика «Шестидесятые: культурная революция в Британии, Франции, Италии и Соединённых Штатах» [5]. Немецкий профессор Филипп Гассерт (P. Gassert), известный сегодня как автор многочисленных публикаций на затрагиваемую тему, выступил в 1998 г. соредактором известного издания «1968: мир преображённый», а под редакцией Ингрид Гилчер-Холти (I. Gilcher-Holtey), успешно продолжающей заниматься «1968-м» и в XXI в., был издан сборник «1968 г. От события к предмету исторической науки».

Если 30-летие «1968-го» лишь всколыхнуло научное сообщество, в преддверии его 40-летия «поезд памяти под названием “1968-й” даже переутомил» [6. Р. 183]. Состоялось беспрецедентное количество конференций и лекций, посвященных «1968-му». Заговорили и о «публицистической оргии», охватившей Европу, в первую очередь Германию. Только у Гилчер-Холти и под её редактированием в 2008 г. в ФРГ вышло 3 крупных работы о «движении 1968 г.»: сборник «1968. От события к мифу», а также монографии «1968: путешествие во времени» и «Движение 68-го (Die 68er Bewegung). Германия – Западная Европа – США». Цифровой проект Института Гёте и серия мероприятий, проведённых последним совместно с Германским институтом истории в Вашингтоне, вылились в работу Ф. Гассерта и Мартина Климке (Martin Klimke) «1968. Воспоминания и наследие глобального протеста». М. Климке и Йоахим Шарлот (Joachim Scharloth) откликнулись на 40-летний юбилей исследованием «1968-й в Европе: история протеста и активизма 1956–1977 гг.», дополненным в 2009 г. монографией Климке «Другой альянс: протест студентов Западной Германии и Соединенных Штатов в глобальные шестидесятые», и т.д. и т.п.

Своим появлением термин «глобальные шестидесятые» обязан А. Марвику.

В отличие от Георгия Дерлугьяна, ставшего профессором социологии одного из университетов Чикаго, который сделал вывод, что «в 1968 г., безусловно, произошла глобальная революция», хотя «её трудно назвать вполне политической» [7], солидные европейские учёные не столь категоричны. А. Марвик, например, писал, что в 1960-х гг. не произошло «никакой экономической революции, никакой политической революции... не было разрушения господствующей культуры, не было уничтожения языка» [5. Р. 805], хотя в сфере культуры в период примерно с 1958 по 1973 г. и наблюдались разительные изменения, позволяющие говорить о «культурной революции». Историк выделял 16 характеристик этой уникальной эры – «долгих 1960-х», полагая, что критические перемены произошли в 1958–1959 гг. с появлением молодежного культурного рынка и ростом движения за гражданские права в США [ibid. Р. 41–111, 194–228]. И хотя многие из тенденций 1960-х продолжают, период закончился в 1973–1974 гг. с окончанием эпохи экономической стабильности и оптимизма: проявились разрушительные последствия нефтяного кризиса, многие требования 1960-х были удовлетворены,

а движение за прекращение американской войны во Вьетнаме приблизилось к победе.

Герд-Райнер Хорн в своей монографии 2007 г. «Дух 68-го: восстание (Rebellion) в Западной Европе и Северной Америке в 1956–1976 гг.», следуя Марвику, писал о «значительном эффекте 1968-го в качестве культурной революции, подрывающей почтение ко всему и зажигающей искру индивидуального и коллективного освобождения» [8]. Как и Марвик, Хорн опирался больше на чисто политические, а не на экономические факторы, также открывал свое исследование о 1960-х не началом десятилетия, а «двойным кризисом» Суэца и Венгрии 1956 г. и заканчивал его 1976 г. – апогеем движения за рабочий контроль в Италии и свертыванием революции в Португалии. В целом же использование термина «глобальные 60-е гг.», компенсирующего временную неточность понятия «1968-й», стало доминирующим в европейской историографии.

Произошло это прежде всего благодаря тому, что историки обратились к активному изучению социального контекста «1968-го». В результате проявился всё явственнее прорывающий «консенсус в отношении того, что движения 1960-х гг. необходимо изучать как неотъемлемую часть глубинных послевоенных сдвигов» [9. P. 9].

Вообще же, по мнению Гассерта и Климке, видны ещё 4 основных направления, по которым движутся профессионалы с тех пор, как примерно с рубежа XX–XXI вв. всерьез началась историзация «1960-х» [Ibid. P. 8].

Так, при изучении «1968-го» все большее значение приобретает термин «транснациональный» [2] с сохранением дистанции науки от публицистики. Журналисты любят писать о «глобальном 1968-м», когда «произошло самовозгорание мятежного духа по всему миру», когда людей объединяло «только желание бунта, ...ощущение отчуждения от официального порядка...» [10. С. 8]. Историки тоже то и дело подчёркивают, что «1968-й» как гуманистический, антиавторитарный, радикально-демократический подъем молодежи имел место по обе стороны «железного занавеса» [2]. Но понимая, что антиавторитарные движения на Западе, в странах социализма и третьем мире были обусловлены всё же несколько разными причинами, они стараются анализировать студенческое движение конкретно в каком-то одном из трёх тогдашних «миров». В отличие от ситуации 15–20-летней давности, большинство из них признаёт: «"1968-й" обладал

глобальным качеством» в том смысле, что возникло реальное сотрудничество «антисистемных» сил по разные стороны национальных границ; активисты молодёжного движения «знали, что происходит за границей. Хотя мотивы протестов и варьировались от страны к стране», людей «вдохновляли “Тет” и “французский май”». Они возмущались покушением на Руди Дучке в Берлине и советским вторжением в Чехословакию» и т.п. [9. Р. 6; 2].

В отличие от прошлого, когда немногие пытались воссоздать события того «решающего десятилетия» в какой-нибудь «незначительной» стране, сегодня имеются исследования уже о многих странах, включающих в Европе Данию, Нидерланды, север Ирландии, Швецию и т.д. Благодаря этому родилось понимание особенностей каждого национально-государственного «1968-го» и того, чем каждый из них напоминал другие.

Поскольку из «местных» исследований совершенно очевидно огромное значение для молодёжных протестов «другой» стороны, в дополнение к помещению «1968-го» в долгий послевоенный период и его транснациональный контекст историки все чаще анализируют влияние на процесс формирования студенческого протеста «реакции государств и их элит», взаимодействия представителей кампусов с представителями истеблишмента [2].

Наконец, примерно с конца 1980-х гг. в качестве настоящего историографического мейнстрима начали выступать подходы «истории культуры». Исследование «1968-го» стало одним из проявлений «вторжения этой “конструктивистской” парадигмы в некогда сильно охраняемое традиционалистское пространство современной истории» [9. Р. 15–16].

При этом данная сторона историографической реальности обернулась потерей внимания к идеологическому содержанию студенческого протеста. Более того, «внимание к культурным изменениям грозило полностью деполитизировать – и тем самым деисторизировать 1960-е гг.» [2]. Понимая, по-видимому, это, незадолго до своей кончины А. Марвик (1936–2006) посчитал необходимым в сжатом виде изложить свою концепцию, уточнив её.

Культурная революция 1960-х, писал Марвик, «состоялась из-за уникального схождения в одной точке структурных... и идеологических обстоятельств». Первыми были «главным образом изобилие, ориентированная на потребление технология и бэби-

бум 1940-х гг., породивший в каждом из западных обществ высокую пропорцию молодых людей, которые заполучили благодаря избытку беспрецедентный уровень безопасности и уверенности». Что касается «идеологических обстоятельств, то, «с одной стороны, марксизм объединился с фрейдизмом, создав единый фронт против всех форм «угнетения», а с другой – «произошёл отлив маккартизма и консерватизма времён “холодной войны”, возродив веру в надлежащий процесс и демократическую подотчётность». Сдвиги на международной арене, продолжал учёный: тупик ядерного противостояния, события в Алжире, Центральной Африке и Южной Америке и более всего война во Вьетнаме также «достаточно наглядно свидетельствовали об обличаемых пороках капитализма и империализма, создавая и подкрепляя уникальную культуру протеста» [11. Р. 782].

Автор писал и о том, что в «долгие 1960-е» «тесно переплелись 2 типа протеста... один из которых почти невозможен без другого»: «Общества 1960-х годов представляли собой гобелен переплетающихся движений, бросающих вызов существующим властям и условностям (например, движений в защиту бездомных, стариков, потребителей, окружающей среды, архитектурных форм), и таких потенциально мощных, но беззубых организаций, как Amnesty International, выступающих в защиту политических заключённых или молодых нарушителей законов о наркотиках» [Ibid].

В связи с этим Марвик обращал внимание на различие двух понятий: «плодотворный протест» и «тщетный протест». Первый, «ненасильственный и нацеленный на устранение специфических искажений, вообще является центральным для культурной революции как непрерывной трансформации отношений между мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, чёрными и белыми, провинциями и метрополиями, трансформации стилей жизни и отбрасывания покровов тайны и вины, окружавших секс в 1940–1950-х гг.». Но «центральным для “долгих 1960-х” как законченного периода великой драмы и возбуждения», подчёркивал историк, был «тщетный протест», «явно нацеленный на изменение «системы», ...и иногда крайне насильственный». А далее Марвик конкретизировал: «В протестах в пользу гражданских прав чёрных или за их освобождение, прав женщин и геев, за права басков

и католиков Северной Ирландии были и плодотворные и тщетные элементы. Что же касается “контркультуры”, то она была глубоко вплетена в ткань коммерческого, антрепренёрского общества» [11. P. 782].

С концепцией Марвика отчасти созвучны идеи Кристин Росс (Kristin Ross), которая в 2002 г. характеризовала «жизнь после Мая» во Франции как «один из рождавшихся консенсусов по поводу “1968-го”, трактуемого в качестве культурной революции, погубленной в 1980–1990-х гг.» [9. P. 17]. Что же касается уроков «1968-го», то одним из главных среди них считается то, что «когда одни люди пытаются изменить мир, другие, кровно заинтересованные в том, чтобы мир остался прежним, не остановятся ни перед чем, чтобы заставить реформаторов замолчать» [10. С. 535].

Литература

1. Mitchell S.P. You say you want a revolution?: Popular music and revolt in France, the United States, and Britain during the late 1960s // *Historia Actual On Line*(HAOL), núm. 8 (Oтоño, 2005). P. 7–18.
2. Brown T.S. (1968). *Transnational and Global Perspectives*. Version: 1.0 // *Docupedia-Zeitgeschichte*, 11.6.2012. URL: <http://docupedia.de/zg/1968?oldid=125618>.
3. Horn, Gerd-Rainer. The Legacy of 1968 // *ATC 136*, September-October 2008. URL: <http://schemas.openxmlformats.org/officeDocument/2006/bibliography>
4. Rossinow D.C. *The Politics of Authenticity: Liberalism, Christianity, and the New Left in America*. New York: Columbia University Press, 1998. 498 p.
5. Marwick A. *The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy, and the United States, c.1958–1974*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998. 805 p.
6. Lexier R. Do You Remember the Sixties?: The Scholarship of Resistance and Rebellion // *Labour / Le Travail*, 66. Fall 2010. P. 183–193.
7. Бурмистров П., Жутаев Д., Великовский Д. и др. 1968: год великого перелома // Эксперт online. 12/2/2018. URL: http://expert.ru/rus-sian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/
8. Hughes M.L. Review of Horn, Gerd-Rainer // *The Spirit of '68: Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976*. H-German, H-Net Reviews. January, 2008. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=14110>.
9. Gassert P., Klimke M. Introduction. 1968 from revolt to research / M. Klimke, J. Scharloth (eds.). *1968 in Europe: a history of protest and activism, 1956–1977*, New York: Palgrave Macmillan, 2008. P. 5–24.
10. Курлански М. (1968). Год, который потряс мир / пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семёновой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА; Владимир: ВКТ, 2008. 541 с.
11. Marwick A. The Cultural Revolution of the Long Sixties: Voices of Reaction, Protest, and Permeation // *The International History Review*. Vol. 27, No. 4. December 2005. P. 780–806.

COMSTRUCTING GRAFFITI MASCULINITY IN EUROPEAN METRO CONTEXT – A YOUTH CULTURE IN THE MEDIA CITY

M. Fransberg

Painting subways has always been globally understood as the 'top object' within the graffiti subculture, ever since its origins as a youth culture in Philadelphia and New York during 1970's. In Helsinki, graffiti painting begun during 1980's and is still a lively lived youth culture, despite the city's controversial anti-graffiti politics during 1998–2008. In presence, the municipal of Helsinki City is more liberal towards graffiti, promoting a domestication of the urban youth culture through engagement in art projects and by offering legal walls for the graffiti painters.

However, graffiti seems to be rooted in its untamed character, where illicitly is profound for the creativity of the subculture. Graffiti writers still desire to paint on the city's metro. According to the transportation company, graffiti painting on metro has slightly increased during 2012. Helsinki metro has been globally viewed by graffiti writers as one of the most controlled system, making it hard to paint and thus seen as attractive and as challenging. Helsinki metro has surely lived up to its reputation, as many graffiti writers from aboard has been prosecuted for vandalism only after leaving the nation boards.

Graffiti subculture has been confirmed to be a very male centered youth culture, making it a lucrative space for constructing diverse masculine identities. In the era of medialization, graffiti subculture has been moving on to a digitalized form, where sharing video clips and pictures of painted metros can reach everyone despite one's geographical location. In this process, the locally produced graffiti knowledge is less controllable and is no longer a resource only for local identities, but for global identities. How does this adapt to the locally constructed graffiti masculinity? What does the increasing transnationalism in the subculture mean for the graffiti writer? Through ethnographic edgework and netnographic methodology, this paper aims to find out the meanings of constructing graffiti masculinity in the field of Helsinki metro and how this identity adapts to the digitalization of graffiti knowledge globally.

ФАКТОР СВОБОДНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ / ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ¹

Е.В. Хахалкина

Британский министр иностранных дел в первом послевоенном правительстве лейбористов Э. Бевин как-то сказал, что цель его внешней политики состоит в том, чтобы справиться с проблемой паспортов и виз таким образом, чтобы «я мог доехать до станции Виктория», откуда поезда отправляются на континент, купить билет и «ехать, куда я хочу, без паспортов или чего-то подобного» [1. Р. 92]. В реальности именно лейбористы первыми, а вслед за ними и консерваторы упустили шанс на воплощение этой мечты. Британия, выразив поддержку первым наднациональным проектам, отказалась принимать в них участие и идти по пути ликвидации торговых и физических границ.

После долгожданного присоединения в 1973 г. к Европейским сообществам Великобритания предпочитала занимать в них «особую позицию», выражавшуюся в скептическом отношении к темпам углубления интеграции и «неполном» членстве в создаваемых интеграционных механизмах. Британия не вошла в Шенгенскую зону, отвергла единую валюту и скептически отнеслась к идее свободной мобильности людей, хотя поддерживала принцип свободного передвижения товаров, услуг и капитала.

Свободное передвижение людей внутри Европейских сообществ изначально было ограничено рабочими. В 1950-е гг., когда Европа начала восстанавливаться после Второй мировой войны и переживала период интенсивного экономического роста, свободная мобильность рабочей силы приобрела особо важное значение и была включена в договор о создании Общего рынка в 1957 г. Постепенно само определение «рабочий» расширилось и стало включать в себя не только промышленных работников, но также и сезонных или крат-

¹ Выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018–2019 гг. (МД-4122.2018.6).

косрочных рабочих и лиц, проходивших стажировки в государствах-членах Европейских сообществ.

В 1990 г. свобода передвижения была гарантирована для студентов, пенсионеров и безработных, а также для их семей. Маастрихтский договор 1992 г., учреждавший Европейский союз (ЕС), вводил концепцию общего европейского гражданства. Граждане ЕС получили возможность беспрепятственно пересекать внутривосточные границы в поисках возможностей для работы и образования, более высокого уровня жизни или даже более желательного климата. Как результат, немцы работают в финансовом секторе Лондона и Люксембурга, молодые литовцы работают в ресторанах быстрого питания в Ирландии, итальянцы учатся в британских университетах, а шведы уходят на пенсию в солнечной Испании [2].

В условиях эйфории населения после падения Берлинской стены в Брюсселе выражали надежду, что европейское гражданство придаст европейскому проекту новое дыхание: «Люди рассматривают [свободное движение] как главный элемент мечты о всеобщей Европе». В определенном смысле произошедшее открытие границ стало возвратом к прошлому. До начала Первой мировой войны в 1914 г. практически не было пограничного контроля или ограничений на мобильность рабочей силы по всему континенту. Однако во время войны пересечение границ иностранцами стало рассматриваться с точки зрения вопросов безопасности, и именно в это время в Европе были введены паспорта и визы.

Свободное передвижение рабочей силы было поставлено под сомнение в начале 1970-х гг. в условиях мирового энергетического кризиса. «Нефтяной шок», начавшийся в 1973 г., привел к попыткам западноевропейских стран положить конец политике открытых дверей в отношении трудящихся-мигрантов из стран вне европейского континента. Однако большая часть приезжих, преимущественно из колоний и освободившихся государств, пыталась всеми возможными средствами закрепиться в своей новой родине. Швейцарский автор Макс Фриш так обрисовал эту дилемму: «Мы просили рабочих, но приехали люди» [2].

Великобритания, как и другие ведущие страны ЕЭС, испытывала подобные опасения в связи с ростом иностранцев с другим цветом кожи, религией и культурой. В 1990-е гг. с вынесением в политическую повестку дня в качестве приоритетной миграционной тематики фактор свободной мобильности и «открытых границ» стал вызывать

особую тревогу британских правительств и населения, усилившуюся в начале 2000-х гг. с вхождением в состав союза стран ЦВЕ, граждане которых получили возможность свободного доступа в другие государства ЕС.

Следует также иметь в виду, что многие формы трансграничного движения внутри ЕС остаются без учета официальной статистики. Европейские граждане пересекают границы, незарегистрированные часто остаются практически «невидимыми» в своих странах назначения и учитываются по-разному в зависимости от страны происхождения и назначения. Например, в Соединенном Королевстве измерение иммиграции зависит главным образом от численности жителей, родившихся за границей, тогда как в других странах, таких как Германия, оно определяется числом жителей, которые не являются гражданами страны.

Резкое увеличение беженцев в 2015 г. в ЕС привело к острой реакции во многих странах Евросоюза, в том числе и в Великобритании, и принятию на уровне отдельных государств мер, ограничивающих действие Шенгенского механизма. В 2016 г. контроль на границах ужесточили Австрия, Германия, Дания, Швеция, Франция и Норвегия. Ряд восточноевропейских стран возвели заграждения вдоль границ. На фоне этих событий председатель Европейской комиссии контроля Жан-Клод Юнкер заявил, что «границы – самое страшное изобретение, когда-либо сделанное политиками» [3]. Председатель Европейского парламента М. Шульц вторил этим словам, заявив, что «четыре свободы ЕС – люди, услуги, товары и капитал – неотделимы друг от друга»: «Я отказываюсь представить себе Европу, где грузовики и хедж-фонды могут свободно пересекать границы, но граждане – нет» [Ibid].

Именно свободное передвижение лиц внутри ЕС и общая иммиграционная политика Брюсселя, о которой можно говорить только с определенной долей условности, вызвали особое неприятие у населения Великобритании на фоне миграционного кризиса 2015–2016 гг. Осенью 2016 г. премьер-министр Т. Мэй высказала своему польскому коллеге мысль о том, что голосование по Брекситу было «очень четким посланием» властям сократить миграцию из ЕС. Позиция Т. Мэй вызвала болезненную реакцию не только в Польше, но также в Венгрии, Чехии и Словакии, выходцы из которых активно едут в Великобританию. Эти страны, известные как Вышеградская четверка, даже

пообещали заблокировать любую будущую сделку с Великобританией, которая ограничивает свободное передвижение их граждан [3].

Следует отметить, что результаты Брексита уже привели к спаду приезжих из восточноевропейских стран в Великобританию. В 2016 г. от общей численности иммигрантов, прибывших в страну, 49 % составили граждане стран ЕС. Причем на выходцев из так называемой «старой Европы» (в британской классификации – ЕС-14 – страны, вступившие в Европейский союз до 2004 г., за исключением самого Соединенного Королевства) приходится 26 %. И, наоборот, из восточноевропейских государств (ЕС-8 – страны региона, вступившие в 2004 г.) только 9 % – с 2004 г. это самый низкий показатель (самый высокий был отмечен в 2007 г. – 22 %). Приток иммигрантов из Болгарии и Румынии (ЕС-2) и других стран (Кипр и Мальта) увеличился с 3 % в 2012 г. до 14 % в 2016 г. [4].

Согласно опросам общественного мнения, мобильность без границ воспринимается населением Британии двояко – наплыв иммигрантов из бедных стран ЦВЕ не приветствуется, в то время как возможность «свободно получить работу в других странах ЕС» в 2014 г. 76 % опрошенных назвали «очень важной» по сравнению с 67 % в 1997 г. [5]. По данным Евробарометра, спустя почти год после референдума о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза весной 2017 г. 46 % населения Британии назвали «свободу путешествовать, учиться и работать где-либо в Европейском союзе» самой важной чертой Европейского союза «для себя лично», отдав меньшее предпочтение другим характеристикам объединения – «культурное разнообразие» поддержали 25 %, «более сильный голос в мире» – 21 % и «евро» – 12 % [6. Р. 50].

В условиях продолжающихся переговоров о выходе Великобритании из Европейского союза одним из важнейших пунктов в повестке дня остается гарантия свободного передвижения, особенно для студенческой молодежи, ученых и других лиц. Например, для специалистов, связанных международными коллаборациями, свободная мобильность имеет особое значение, поскольку современная наука в своей основе – профессия мигрантов [7]. В середине декабря 2017 г. правительство Т. Мэй объявило, что граждане ЕС, проживающие в Великобритании, смогут остаться после того, как в 2019 г. произойдет Брексит, что является ключевым требованием британского научного сообщества. Что же касается отдельных деталей и итоговых

соглашений, то прогнозы пока делать рано, хотя очевидно, что ограничения в принципе свободной мобильности нанесут урон двум сторонам – и Великобритании, и Европейскому союзу.

Таким образом, Соединенное Королевство вновь отдаляется от воплощения мечты Э. Бевина о неограниченном передвижении граждан между Британскими островами и континентальной Европой, пытаясь оставить для себя хотя бы шанс в перспективе на возвращение прежних привилегий.

Литература

1. *Pinder J., Usherwood S.* The European Union. A Very Short Introduction. Oxford, 2013.
2. *Free Movement in Europe: Past and Present.* URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/free-movement-europe-past-and-present>
3. *Freedom of Movement: the wedge that will split Britain from Europe.* URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/oct/06/freedom-of-movement-eu-uk-brexite-negotiations-theresa-may>
4. *EU Migration to and from the UK.* URL: <http://www.migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/eu-migration-to-and-from-the-uk/>
5. *Britain and Europe: Are We all Eurosceptics now? British Social Attitudes 32.* URL: http://www.bsa.natcen.ac.uk/media/38975/bsa32_eu.pdf
6. *Standard Eurobarometer 87. Public Opinion in the European Union. Spring 2017.* URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/eb87_annex_en%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/eb87_annex_en%20(1).pdf)
7. *Brexit agreement would allow EU scientists to stay in United Kingdom.* URL: <http://www.sciencemag.org/news/2017/12/brexit-agreement-would-allow-eu-scientists-stay-united-kingdom> (дата обращения: 08.12.2017).

Раздел 2

ЕВРОПА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ЧЕТВЕРНОЙ СПИРАЛИ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА¹

А.А. Вишкова

Актуальность рассмотрения международного опыта формирования региональной инновационной системы (РИС) определена общемировыми тенденциями создания пускового механизма экономического развития регионов нового типа, основанного на концепции четверной спирали (Quadruple Helix Model). Анализ международного опыта (в частности, опыта стран Европейского союза (ЕС)) в выстраивании системы взаимодействия четырёх ключевых акторов в процессе создания РИС преследует своей целью поиск и применение мировых практик в российской экономике.

Формирование РИС – актуальная задача для Российской Федерации. В новой экономической парадигме, когда знания и научно-технический прогресс выступают в качестве главных факторов роста экономики, именно конкурентоспособные региональные экономики составят основу инновационного развития национальной экономики.

Инновационная модель развития экономики видится важнейшим средством повышения эффективности функционирования хозяйственных систем. Партнерство государства, науки, бизнеса и гражданского общества, известное как четверная спираль, представляет собой гибкую социальную конструкцию, сложную сетевую систему, обладающую повышенной адаптивностью к изменениям внешней среды.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Erasmus+ Programme, Jean Monnet Chairs 575545-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR «Quadruple Helix in the Context of the Russian Regions Development: EU Experience Implementation».

При наличии существенных различий в экономиках России и стран ЕС у них есть и общие черты, например: участие в интеграционных организациях, сильные региональные различия, значительная бюрократизация управления [1. С. 5]. Однако страны Европейского союза демонстрируют более высокие показатели инновационного развития, чем Российская Федерация. Анализ опыта европейских стран показывает, что смещение в сторону четверной спирали при построении динамичных региональных связей позитивно сказывается на инновационном ландшафте регионов. Поэтому изучение региональных инновационных систем стран Европейского союза сможет помочь российским ученым и экспертам осознать важную роль стимулирования взаимодействия государства, бизнеса, научно-образовательного сообщества и гражданского общества в региональном инновационном развитии.

В состав ЕС входят самые разные страны, каждая из которых обладает уникальным экономическим контекстом, индустриальной инфраструктурой и специфической экосистемой науки и инноваций. Для того чтобы стимулировать развитие регионов, в ЕС разработан программный документ «Стратегия Европы 2020» (The Europe 2020 strategy), определяющий перспективные направления развития в долгосрочном периоде, в том числе в области исследований и инноваций; активно поощряется разработка региональных стратегий «умной специализации». Опыт ЕС показывает, что такие стратегии и РИС в целом формируются индивидуально, с учетом специфики конкретного региона, с участием всех заинтересованных сторон, роль которых заключается в достижении общей цели и принятии синергетических мер. Инновации не могут осуществляться дискретно, они должны воплощаться в сотрудничестве между субъектами инновационной деятельности, т.е. в основе инновационной системы – сетевой принцип взаимодействия [2. P. 152].

Выстраивание инновационного процесса от идеи до коммерциализации, воплощение научных открытий в инновационный продукт требуют создания интерактивно-рыночной среды [3. С. 222], что предполагает построение эффективной инновационной инфраструктуры, создание механизмов защиты интеллектуальной собственности, поддержание эффективных взаимоотношений с ключевыми стейкхолдерами. При этом между всеми звеньями РИС (т.е. цепочки создания и коммерциализации инновационного продукта) должна быть выстроена свободная среда для интеракций. Широта коммуникации обеспечивает

ся сетевой организацией взаимодействия участников региональных инновационных систем. Все участники коммуникации выступают равными партнерами. Кто же участвует в создании инновационного равноправного партнерства? До недавнего времени ключевыми партнерами виделись государство, бизнес и научное сообщество. Такую модель инновационной инфраструктуры Генри Ицковиц определил как тройную спираль – сетевой механизм, основанный на принципе сотрудничества трех равноправных субъектов, координации их действий вне иерархии. Спираль означает развитие, в процессе которого действия участников инновационной деятельности плавно, недискретно перетекают друг в друга. В последнее же десятилетие в экономических исследованиях добавляется четвертый участник, потребитель результатов инновационной деятельности – институты гражданского общества. Такую расширенную спираль инновационных интеракций определяют как четверную. Общество, как носитель локальных знаний, как один из субъектов знаниевого пространства все чаще выводится на первый план при реализации региональных политик. Формируется понятие «умное управление», которое предполагает вовлечение знаний общества в процесс выработки, принятия и мониторинга исполнения решений [4. С. 96].

Предложенная в 2009 г. Ю. Караяннисом и Д. Кэмпбэлл модификация тройной спирали расширила сетевое взаимодействие до уровня всего общества, а не только между тремя институтами. Сегодня общественное участие играет важную роль в сетевом взаимодействии в процессе инновационной деятельности, а гражданское общество становится четвертым институциональным сектором. Условленная модель рассматривается как более действенный инструмент повышения эффективности и результативности инновационных процессов. Вовлечение потребителей результатов инновационной деятельности, повышение качества общественного участия позволяют сделать инновации более системными и адаптивными к динамичным изменениям среды.

Формирование РИС на основе модели четверной спирали характеризуется сотрудничеством для создания инноваций и в первую очередь динамически взаимосвязанными процессами коэволюции, со-конкуренции и ко-специализации как в пределах РИС, так и вне их [5. Р. 37]. Но если в традиционной, тройной, спирали политика сотрудничества инициируется «сверху вниз» (определяется государством), то в расширенной, четверной, эффективное взаимодействие

всех акторов региональной инновационной системы инициируется гражданским обществом, а окружающая среда обеспечивает максимальную устойчивость и инклюзивность процесса [6. С. 85]. В соответствии с этим подходом новые инновационные продукты, услуги и решения разрабатываются с участием граждан в качестве ведущих пользователей, соразработчиков и сотворцов [7. Р. 150].

Опыт стран ЕС показывает, что формирование моделей РИС осуществляется на основе комплексного подхода через связи четверной (ранее тройной) спирали инноваций.

В случае с Апулией (восточная область Италии) целью создания сетей объявлено содействие конкурентоспособности и занятости. В 2007–2013 гг. регион запустил инновационные инструменты, такие как *living lab* (экосистема, функционирующая на базе государственно-общественно-частного партнерства, в которой ведущая роль создания инноваций принадлежит пользователям посредством их участия в исследовании, разработке и создании нового продукта / услуги), способствовал использованию государственных закупок в качестве стимула для создания инновационных компаний или хотя бы небольших проектов. Эти инструменты сопровождалось укреплением кластеров и технологических парков международного значения. Таким образом, введением инновационной модели вмешательства со стороны пользователей инноваций регион предвосхитил логику четверной спирали [8. С. 35].

Существует другой взгляд на четвертый элемент спирали, выходящий за пределы населения, граждан. Существующие исследования РИС и тройной спирали расширяются до международного измерения, подчеркивая взаимодополняющую роль международных связей в рамках РИС, отражая тем самым сдвиг в сторону четверной спирали, но с акцентом на международные связи: обеспечение инновационных и интернационализационных условий для РИС, развитие научных знаний в РИС, использование результатов инновационной деятельности РИС осуществляется через международные связи [9]. Роль государства при этом обеспечивает благоприятные условия для инновационной деятельности и интернационализации РИС, которые влияют на поведение научно-исследовательских учреждений и фирм, в частности, в целях установления международных связей.

На современном этапе интенсивного развития экономики знаний большой интерес как ученых, так и политиков всех стран вызывает опыт Европейского союза в области формирования региональных

инновационных систем. Существующие связи Российской Федерации со странами-членами ЕС, территориальная близость, а также значительные успехи этих государств в области технологий и инноваций делают опыт этих стран особенно актуальным для Российской Федерации.

В работе была предпринята попытка проанализировать специфику формирования региональных инновационных систем в странах ЕС. Взятая за основу модель четверной спирали представляет собой инструмент именно регионального экономического развития, а не национальной политики в области инноваций в целом. Сетевой формат позволяет продвинуть на новый уровень взаимодействие всех участников инновационного процесса. Модель четверной спирали приобретает всё большее значение в региональном развитии, и использование опыта стран ЕС может помочь создать эффективный механизм выстраивания взаимоотношений четырех основных субъектов с целью интенсивного развития РИС в РФ.

Литература

1. *Захарова Н. В.* Формирование инновационной экономики и инновационных систем стран Европейского союза : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010.
2. *Sri Herliana.* Regional innovation cluster for small and medium-sized enterprises (SME): a triple helix concept // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* Elsevier Ltd. 2015. Vol. 169.
3. *Шмидт А.Н., Гибелев И.В., Банников А.Ю.* Опыт государственной поддержки инновационной деятельности стран-членов ЕС на региональном уровне // *Инновационная наука.* 2016. № 1-1 (13).
4. *Комаров В.М., Сутырина Т.А.* Векторы региональной инновационной политики: роль общественного участия // *Инновации.* 2016. № 9 (215).
5. *Carayannis E., Grigoroudis E.* Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness // *Foresight and STI Governance.* 2016. Vol. 10, No. 1.
6. *Бредихин С., Ширяев А., Вишневецкий К. и др.* Международная научная конференция «Форсайт и научно-техническая и инновационная политика» // *Форсайт.* 2014. № 4.
7. *Carayannis E., Grigoroudis E., Campbell D. et al.* The Ecosystem as Helix: An Exploratory Theory – Building Study of Regional Co – Opetitive Entrepreneurial Ecosystems as Quadruple / Quintuple Helix Innovation Models // *R&D Management.* 2018. Vol. 48 (1).
8. *Massimo Arnonea, Chiara Cavallaro.* The Challenge of a Place-and Network-based Approach to Development in Italian Regions // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2016. Vol. 223.
9. *Lew Y.K., Khan Z., Cozzio S.* Gravitating Towards the Quadruple Helix: International Connections for the Enhancement of a Regional Innovation System in Northeast Italy // *R & D Management.* 2018. Vol. 48 (1).

ПРОГРАММЫ ПОМОЩИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА РОССИИ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ 1991–2006 гг.

И.В. Губарева

Начало серьезного сотрудничества по уменьшению угрозы ядерного оружия между Западом и Россией положил Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) 1991 г. Согласно Договору, Россия и США взяли на себя обязательство существенно сократить свои ядерные арсеналы [1]. Реализация договоренностей была затруднена из-за распада СССР и вследствие этого сложившейся сложной экономической ситуации в России и в постсоветских государствах. В связи с этим американские сенаторы Сэм Нанн и Ричард Лугар разработали «Программу совместного уменьшения угрозы» (Cooperative Threat Reduction Program), в 1991 г. Программа предполагала финансовую и техническую помощь в ликвидации запасов ядерного, химического и биологического оружия на территории России [2]. Позднее к программе присоединился ЕС [3].

Европейский союз оказал существенную помощь России в области нераспространения. В период с 1991 по 2000 г. Россия получила 2 281 млрд евро в рамках различных программ и проектов. Основными из них являются программа «Технической помощи для содружества независимых государств» (TACIS) и «Программа совместного уменьшения угрозы» (CTR) [4]. В 2002 г. Европейский союз присоединился к программе «Глобальное партнерство против распространения оружия массового уничтожения», в рамках которой планировалось выделить еще около 10 млн евро в течение последующих 10 лет. Техническая и финансовая помощь, была направлена на укрепление контроля за делящимися материалами, системы безопасности для ядерных объектов, хранения и ликвидации химического оружия и координации в предотвращении ядерного терроризма [3].

Наряду с позитивными отзывами, данные программы, неоднократно, подвергались критике как со стороны получателя, так и со стороны реципиента. Задача данной работы – проанализировать цель программ, положительные и отрицательные стороны, сколько средств было затрачено в период с 1991 по 2006 г., оценить результаты и их эффективность в отношении России.

Литература

1. *Clara Portela*. The Role of the EU in the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: The Way to Thessaloniki and Beyond. Peace Research Institute. Frankfurt. PRFI Reports No. 65. URL: https://www.hsfk.de/fileadmin/HSFK/hsfk_downloads/prif65.pdf
2. *Promoting* Disarmament, Non-Proliferation in Russia, NIS. IAEA. URL: <https://www.iaea.org/newscenter/news/promoting-disarmament-non-proliferation-russia-nis>
3. *Charles L. Thornton*, The G8 Global Partnership against the spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. - Report. URL: <https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/93thorn.pdf>
4. *Chaillot Papers* EU Cooperative Threat Reduction Activities in Russia. Institute for Security Studies. № 61. June, 2003. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp061e.pdf>
5. *Программа* технического содействия Европейского союза ТАСИС (справочная информация). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/591192.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕ

А.А. Дмитриенко

Проблема сепаратизма на сегодняшний день обострилась в Испании, активное обсуждение и решение данной проблемы затронуло как испанское правительство, так и международное сообщество. Проблема сепаратизма для государств не является новой, в настоящее время ярким примером сепаратизма и борьбы за автономию могут служить несколько сепаратистских движений, существующих в таких странах Европы, как Великобритания, Испания, Италия, Бельгия. В этих государствах борются за независимость регионы, которые в большинстве своем населены национальными меньшинствами. Например, в Великобритании борется за независимость Шотландия, населенная преимущественно шотландцами, и Северная Ирландия, населенная ирландцами, а в Испании ведут борьбу баски и каталонцы. Лидеры движений за независимость ссылаются на то, что в составе этих государств ущемляются права коренных народов и поэтому им необходимо обрести независимость, реализовав свое право на самоопределение.

Автономные или сепаратистские настроения появляются либо усиливаются и в других европейских странах в связи с экономическими и миграционными проблемами. В Германии на сегодняшний день существует движение за приобретение большей автономии Ба-

варией. Бавария считается богатым регионом Германии, местное население недовольно тем, что налоги, которые они платят, уходят либо в другие земли Германии, либо на помощь другим странам Европейского союза. Получив автономию, они тем самым хотят направить денежные средства на развитие своей территории.

Прошедший первого октября 2017 г. референдум в Каталонии указывает на высокую степень актуальности данного вопроса. Более близким примером является ситуация на востоке Украины, где созданы фактически не зависящие от Киева республики – Луганская и Донецкая. Само явление не является новым и достаточно распространено в мире, встречается в Европе, Азии, Африке, на Ближнем Востоке.

Подготовка и реализация права на отделение в Каталонии в очередной раз затронули такие аспекты этого вопроса, как правовая оценка референдума и историко-культурные особенности Испании как государства. Как известно, официальное правительство Испании не признает итогов референдума, так как оно не одобрило его проведение, более того, сам факт референдума об отсоединении региона противоречит испанской конституции. В свою очередь, каталонское правительство ссылается на право на самоопределение народов, закрепленное в Уставе ООН, а референдум был организован согласно международным правовым актам.

В связи с этим наиболее активные исследования ведутся в правовой области, а также изучаются история и культура каждого проблемного региона, чтобы найти коренные причины возникновения сепаратизма.

В отечественной практике правовой аспект сепаратизма был рассмотрен Н.В. Остроуховым [1. С. 131–136]. В своей работе он раскрывает суть сепаратизма, дает его основные трактовки, а также рассматривает пути противодействия ему на основе международного права. По итогу работы он пришел к выводу, что для эффективного противодействия сепаратизму международное сообщество должно усилить сотрудничество в сфере безопасности. Еще одно исследование в этой области провела К.К. Аленова [2. С. 93]. Она обосновала высокую актуальность проблемы сепаратизма, проанализировала существующую нормативно-правовую базу и сделала вывод о том, что на сегодняшний день международное сообщество идет по пути максимального обеспечения

прав национальных меньшинств вместо создания отдельных государств для каждого этноса.

Историко-культурный аспект сепаратизма освещен более подробно, так как все существующие конфликты подобного рода достаточно изучены. Н. Фонсека [3. С. 170–173] в своей статье излагает исторические факты о тех или иных сепаратистских движениях и анализирует их развитие. Как и многие другие авторы, она дает обоснование актуальности подобных исследований и приходит к выводу о том, что каждый конкретный случай сепаратизма имеет свои характерные черты. Еще одним важным исследованием в области европейского сепаратизма является работа Л.А. Маренич «Особенности сепаратизма в Западной Европе» [4. С. 226–228]. Автор рассматривает основные региональные разновидности сепаратистских движений и предпосылки их возникновения. Приводится характеристика западноевропейского типа сепаратизма.

Подводя итог, можно сказать: несмотря на то, что исследовательская работа ведется активно по всем аспектам сепаратизма, следует уделить большее внимание правовым вопросам из-за ряда нерешенных проблем в этой области, а также в активном проявлении данного явления на сегодняшний день. Примером могут служить как географически близкие нам регионы, так и вариант «Европы народов», который реализуется в провозглашенной 27 октября 2017 г. Каталонской Республике.

Литература

1. *Остроухов Н.В.* Сепаратизм и противодействие ему: международно-правовые аспекты и основные направления международного сотрудничества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/separatizm-i-protivodeystvie-emu-mezhdunarodno-pravovye-aspekty-i-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva>
2. *Аленова К.К.* Историко-правовой аспект проблемы сепаратизма и формирование полиэтничности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_25055829_58121163.pdf
3. *Фонсека Н.* Проблемы сепаратизма в современной Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/25759560.pdf>
4. *Маренич Л.А.* Особенности сепаратизма в Западной Европе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.ru/download/44960915.pdf>

ПРОГРАММА ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕФОРМЫ В ГРУЗИИ: КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА

Е.О. Злобина

Европейская политика соседства, начатая в 2003 г., и инициированная в 2009 г. программа Восточного партнерства представляют собой беспрецедентные попытки Европейского союза оказывать влияние на события в странах Восточного и Южного Кавказа в целях укрепления стабильности, безопасности на его границах. Более того, Восточное партнерство предлагает партнерам «ускорить политическую ассоциацию и дальнейшую экономическую интеграцию». Эта все более тесная связь между ЕС и его восточными соседями основана на сближении стран-партнеров с экономическими и политическими нормами ЕС. В рамках Европейской политики соседства и программы Восточного партнерства ЕС пытается стимулировать проведение широкомасштабных реформ в странах-партнерах [1. С. 344]. В этой связи интересно сотрудничество ЕС с Грузией, где проведение реформ началось до того, как было запущено Восточное партнерство.

Для начала приведем небольшую справку о том, как развивались отношения Грузии и Европейского союза после распада Советского Союза. Двусторонние отношения между Европейским союзом и Грузией были установлены в 1992 г. сразу после восстановления Грузией своего суверенитета. Расширение ЕС в 2004 г. приблизило его границы к Южному Кавказу, поэтому Грузия была включена в Европейскую политику добрососедства [2]. В конце 2008 г. Европейская комиссия приняла решение по Восточному партнерству, которое было одобрено на заседании Европейского совета 19 марта 2009 г. Стоит отметить, что Восточное партнерство не является отдельным направлением внешней политики Европейского союза, а представляет собой особое измерение Европейской политики соседства. Как и для всех участников Восточного партнерства, для его инициации в Грузии изначально был проработан план действий, содержащий конкретные предложения по каждому из приоритетных направлений сотрудничества. В первоначальной его редакции ЕС приветствовал текущие реформы в стране, лишь предлагая свою техническую и материальную помощь. На сего-

дняшний день отношения между ЕС и Грузией регулируются Соглашением об ассоциации и Планом действий в рамках Европейской политики добрососедства.

Согласно Стратегии внешней политики Грузии, одной из приоритетных задач является евроинтеграция, поэтому Тбилиси не рассматривает вступившее в силу в 2016 г. Соглашение об Ассоциации как конечный результат отношений с Европейским союзом [3]. Необходимо обратить внимание и на то, какие цели преследует Европейский союз в сотрудничестве с Грузией. Одна из ключевых – энергетическая безопасность и роль Грузии как транзитной зоны в движении топливных продуктов из региона Каспийского моря. Также немаловажен тот факт, что после расширения ЕС на Восток, вместе с интеграцией Румынии и Болгарии, границы Европейского союза находятся в непосредственной близости с Грузией. Поэтому вполне логичным представляется заинтересованность ЕС в безопасности и стабильности на территории своего соседа.

Рассмотрим период реализации Восточного партнерства и реформы, проведенные за 2 года до его согласования Европейским советом (2007–2009), для того чтобы сравнить, как сильно изменился вектор развития Грузии. Уместным будет выделить еще один временной отрезок, начало которого приходится на вступление в силу Соглашения об ассоциации, – 2016 г. Предположение о том, что после подписания, а затем вступления в силу Соглашения влияние Европейского союза на процесс разработки и реализации реформ кажется обоснованным, так как текст Соглашения открывает новое окно возможностей для сотрудничества Грузии и ЕС [4].

В этой работе особое внимание хотелось бы уделить проведению конституционной реформы и тем поправкам, которые она сулит. В 2013 г. партия «Грузинская мечта» инициировала работу по изменению Конституции, интересно, что партия имела на тот момент большинство мест в парламенте и не сочла нужным согласовывать свои предложения с другими политическими силами. Как утверждают представители правящей партии, новая конституция приближает Грузию к Европе за счет превращения ее в парламентскую республику и введения пропорциональной избирательной системы взамен смешанной [5]. Процесс изменения Конституции нельзя назвать гладким.

Так, президент Грузии Георгий Маргвелашвили использовал право вето с целью доработки текста Конституции. Столкнувшись

также с негативным отзывом от Венецианской группы Совета Европы, конституционная группа сделала ряд уступок. Несмотря на пункт о том, что порог доли избирателей для политических партий будет составлять 5 %, на предстоящих парламентских выборах в 2020 г. его повышать не будут. Это решение было принято в противовес тому, что политическим партиям с момента подписания новой Конституции нельзя создавать блоки. Также особую озабоченность у ключевых организаций ЕС вызвала отсрочка ввода пропорциональной системы голосования на 2024 г. Но чтобы сгладить это противоречие, грузинским парламентом было принято решение об отмене бонусного распределения мандатов, не преодолевших 5 %-ный порог партий в пользу набравшей большее количество голосов партии. Именно эти поправки, по мнению экспертов, убедили Европейский союз в легитимности проводимых изменений [6]. Кажущиеся весомыми уступки, на которые пошел грузинский парламент, на самом деле имеют лишь временный характер, так как все предложенные им поправки так или иначе будут реализованы, однако не в 2020, а в 2024 г.

Несмотря на кажущееся большим влияние Европейского союза на внутренние изменения в Грузии, при более тщательном рассмотрении проводимых реформ можно заключить, что большее их количество инициировалось и предлагалось вне повестки о сближении с ЕС. Хотя и упоминания о том, что потенциальные изменения приближат Грузию к Европейскому союзу, находили больше поддержки в парламенте и у населения [7]. Поэтому не стоит недооценивать роль последнего на политические процессы в стране. Само по себе провозглашение курса на евроинтеграцию предполагает под собой ряд преобразований, которые проводятся под исключительным влиянием Европейского союза.

Литература

1. *Delcour L.* Meandering Europeanisation. EU policy instruments and policy convergence in Georgia under the Eastern Partnership // *East European Politics*. 2013. Vol. 29, № 3. P. 344–357. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/21599165.2013.807804>.
2. *The European Union and Georgia* portrait of a partnership, Delegation of the European Union to Georgia, 2012. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_georgia_en.pdf
3. *Foreign Policy Strategy*, Ministry of Foreign Affairs of Georgia. URL: <http://www.mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy/Introduction.aspx>
4. *Association Agreement between the European Union and the European Atomic Energy Community and their Member States, of the one part, and Georgia, of the other part*, Official Journal of the European Union, 2014. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/association_agreement.pdf

5. *Kobakhidze I.* / Constitutional reform aligns Georgia with Europe // Euobserver. 2017. URL: <https://euobserver.com/opinion/139633>.

6. *Десятков А.* Лидер на фоне остальных: Грузия как новая «история успеха» в точной политике ЕС, РСМД, 20.11.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/lider-na-fone-ostalnykh-gruziya-kak-novaya-istoriya-uspekha-v-vostochnoy-politike-es/>

7. *IRI* opinion poll on voting preferences, reforms, political direction in Georgia, International Republican Institute, 2017. URL: <http://www.tabula.ge/en/story/118997-iri-opinion-poll-on-voting-preferences-reforms-political-direction-in-georgia>

ТЕМАТИКА ЕС В ПРОЕКТНЫХ РАБОТАХ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ

Т.В. Зуева, О.Г. Лекаренко

В отличие от учебного плана для студентов, обучающихся по специальности «международные отношения», учебные планы бакалавриата и магистратуры по истории не включают специальные курсы, посвященные истории создания или функционирования Европейского союза (ЕС). В бакалавриате, как правило, отдельные темы, связанные с историей европейской интеграции, включаются в общий курс по истории стран Европы и Северной Америки. Однако объем аудиторных занятий, отведенный на изучение истории европейских стран, не позволяет осветить данные сюжеты достаточно глубоко.

В связи с этим нам хотелось бы поделиться опытом включения тематики ЕС в преподавание курсов в магистратуре по программе «Прикладная историческая аналитика». Данная магистерская программа преподается в Томском государственном университете начиная с 2015/16 учебного года. Программа нацелена на подготовку специалистов, способных оперативно анализировать большие объемы информации, готовить экспертные оценки по современным международно-политическим проблемам на основе открытых информационных источников, составлять информационные справки и аналитические записки, презентовать готовую аналитическую продукцию.

Программа содержит как дисциплины базовой части («Экспертная оценка: сбор и обработка информации», «Аналитические записки: технология и практика», «Управление международными проектами»), так и вариативной, которые разделены на четыре направления: внутренняя политика государств, проблемы регио-

нального развития, международные отношения, экономика. В учебном плане нет предметов, непосредственно посвященных изучению роли Европейского союза в современных международных отношениях. В то же время часть преподаваемых дисциплин предполагает достаточно широкое включение тематики ЕС.

Среди поступающих на данную программу большинство составляют студенты, имеющие образование бакалавра по направлению «История» и обладающие сравнительно небольшим багажом входных знаний об ЕС. В первом семестре 2017/18 учебного года в рамках курса «Анализ проблем безопасности» после небольшой вводной части лекционного характера студентам было предложено в качестве зачетной работы подготовить информационную записку, посвященную анализу одной из наиболее актуальных проблем евроатлантического сообщества безопасности. Студенты работали небольшими группами – по 2-3 человека. На итоговых занятиях лидеры групп представили результаты работы в виде презентаций. Темы подбирались путем просматривания заголовков публикаций новостных сайтов. В результате были сформулированы следующие темы для самостоятельных работ студентов:

1. Британия пытается выйти; Украина, Турция и мигранты – войти.
2. Д. Трамп намерен отказаться от плана «Чистой энергии» Б. Обамы.
3. ЕС создает агентство кибербезопасности.
4. Каталонский кризис для ЕС страшнее Брексита.
5. Президент Д. Трамп заявил, что вести переговоры с лидерами КНДР бессмысленно.
6. В Грузии стартовали учения с участием войск НАТО и Украины.

Как видно из приведенного списка, 50 % тем напрямую затрагивают актуальные проблемы Европейского союза. Далее приведем в качестве примера успешно защищенную проектную работу по теме «Каталонский кризис для ЕС страшнее Брексита».

Проект выполняла группа из трех человек. Срок работы над проектом составил две недели. Учитывая, что выбранная тема для каждого участника была лишь частично знакомой по новостным сводкам, группа начала работу с определения списка вопросов, которые предстояло раскрыть в ходе исследования. Было выделено три блока. Первый блок включал изучение основных вех в истории Кatalo-

нии (присоединение Каталонии к Испанскому королевству, Каталония в годы диктаторского режима Ф. Франко, Каталония в период перехода к демократии, рост протестных настроений в Каталонии в начале XXI в.) и анализ Конституции Испании 1978 г. с целью выявить, на каких принципах основывается единство Испанского государства и существует ли юридическая возможность для выхода отдельных исторических областей из состава королевства.

Было выявлено, что по конституции Каталония имеет статус автономной области, подкрепленный рядом позднее принятых законов и соглашений. После того как в 2010 г. Конституционный суд Испании отменил некоторые положения соглашения 2006 г. об административной и финансовой независимости Каталонии, в области начался быстрый рост протестных настроений.

Второй блок работы был направлен на исследование того, что представляет собой современная Каталония и в чём заключается её ценность для Испанского королевства. С этой целью были проанализированы основные экономические показатели автономной области: объём ВВП; доходные статьи бюджета; количество налогов, отдаваемых в бюджет Испании; объём трансфертов из бюджета Испании в Каталонию.

Было установлено, что по численности населения Каталония больше некоторых европейских стран. Она является самым развитым регионом Испании в силу высоких доходов от туризма и развития прибыльных отраслей промышленности (пластик, электроника, машиностроение, металлообработка, фармакология). Экономика Каталонии (ВВП области составляет около 212 млрд евро) превышает экономики Португалии, Чехии и Греции. Налоги Каталонии в бюджет Мадрида составляют 62 млрд евро в год, тогда как обратно из бюджета Испании Каталония получает 45 млрд евро [1]. Конечной точкой анализа стало событие, вызвавшее большой переполох в политических кругах как самой Испании, так и за её пределами: каталонский референдум о дальнейшей судьбе автономной области, согласно результатам которого 90 % населения высказалось за выход Каталонии из состава Испанского государства.

Третий блок был посвящён тому, как отреагировало международное сообщество в лице Европейского союза и отдельных его представителей на события в Испанском королевстве, являющемся членом ЕС. Суть проблемы заключается в том, что Каталония

хочет обрести независимость путем выхода из Испанского королевства, а потом вступить в ЕС как самостоятельное государство. Теперь уже бывший глава правительства Каталонии (президент Женералитета Каталонии) Карлос Пучдемон неоднократно заявлял, что независимую Каталонию он не мыслит себе без членства в ЕС [2]. В ЕС попытки Каталонии провозгласить свою независимость от Испании были расценены как её внутреннее дело, а прошедший референдум объявлен нелегитимным. Даже если бы Каталония смогла выйти из состава Испании, то ей пришлось бы подавать заявку на вступление по установленной процедуре [3] и с позиций, гораздо более худших, чем имеют Турция, Украина, Молдавия или Грузия.

Таким образом, был сделан вывод о том, что вне Испании у Каталонии нет пути в ЕС. Даже соглашение об ассоциации будет Каталонии недоступно, поскольку такое соглашение должно быть ратифицировано всеми странами-членами ЕС, а Испания его вряд ли ратифицирует. В свою очередь, без членства в ЕС Каталония лишится всех своих преимуществ в виде шенгенских виз для туристов, отсутствия тарифов и пошлин на товары, идущих на европейский рынок, а также получит новые проблемы в виде необходимости выплачивать часть испанского долга.

После работы над выделенными блоками вопросов участники группы смогли провести поиск ответа на главный вопрос, отражённый в теме проекта: почему каталонский кризис для ЕС страшнее Брексита. Сначала были выделены последствия выхода Великобритании для ЕС. Затем были определены возможные последствия выхода Каталонии из состава Испании для ЕС. После этого было проведено сравнение, в процессе которого были выделены три аспекта: правовой, экономический и общественно-политический.

В итоге работы над проектом группа пришла к следующим выводам. Во-первых, если выход Великобритании из ЕС регулируется нормативно-правовыми документами (п. 1 ст. 50 договора о Европейском союзе) и осуществляется на законных основаниях, то выход Каталонии из состава Испанского королевства не имеет под собой юридического обоснования и вступает в противоречие с Конституцией Испании 1978 г.

Во-вторых, как выход Великобритании из ЕС, так и возможный выход Каталонии из состава Испании могут иметь серьезные эконо-

мические последствия для ЕС. С одной стороны, в силу географического положения Великобритания меньше вовлечена в торгово-экономические связи в Европе, но Брексит сильно ударит по бюджету ЕС. В свою очередь Каталония является одной из самых богатых автономий Испании, которая отдаёт в бюджет государства больше, чем получает. Таким образом, выход Каталонии из Испанского королевства сначала сказался бы на экономике Испании, а позже и на Европейском союзе, которому пришлось бы выделять крупные суммы на поддержание испанской экономики. Выход Каталонии из Испании может негативно повлиять на курс единой европейской валюты и поставить под угрозу единство еврозоны. Поскольку у Каталонии появятся границы с Францией и Испанией, проблемы коснутся и Шенгенской зоны.

В-третьих, если выход Великобритании вызвал лишний повод для радости у евроскептиков, то каталонский кризис может способствовать усилению сепаратистских движений по всей Европе. И если в первом случае злая молва рано или поздно сойдёт на «нет», то во втором – одними словами дело не закончится. У ряда европейских стран существует ситуация, аналогичная каталонской проблеме (Страна басков, Шотландия, Фландрия). Если Каталонии удастся выйти из состава Испанского королевства, это может стимулировать маховик центробежных процессов во многих странах ЕС, что станет началом процесса самоопределения национальных меньшинств в составе более крупных европейских государств и поставит под угрозу существование самого Европейского союза.

При анализе Брексита и Каталексита учитывалось то обстоятельство, что в то время как решение о выходе Великобритании из ЕС уже принято, каталонский кризис находится в процессе своего развития. Таким образом, достаточно затруднительно предположить исход данного дела.

Подводя итоги, отметим, что в ходе выполнения проектных работ студенты самостоятельно получили приобретенные знания о Европейском союзе, навыки сбора и анализа информации, навыки работы в небольшом коллективе, умение синтезировать полученную информацию в виде информационной записки, умение презентовать результат своей работы. Приобретенные компетенции и знания о Европейском союзе будут полезными для выпускников данной программы – будущих молодых специалистов в их

профессиональной деятельности в экспертно-аналитических центрах, общественных и государственных организациях информационно-аналитического профиля, в средствах массовой информации, органах государственной власти и местного самоуправления, общеобразовательных организациях, научных и научно-исследовательских институтах, архивах и учреждениях культуры, туристическо-экскурсионных организациях.

Литература

1. *Противостояние* Мадрида и Барселоны // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/infografika/20170921/1505244319.html?injal=1> (дата обращения: 02.12.2017).
2. *Сейделин М.* У новых стран нет будущего вне ЕС // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/social/20171009/240465578.html> (дата обращения: 03.12.2017).
3. *Минеев А.* Каталонский референдум: победа или разочарование? // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/03/74050-katalonskiy-referendum-pobeda-ili-razocharovanie> (дата обращения: 02.12.2017).

**ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО
И ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ,
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И В ДРУГИХ РЕГИОНАХ¹**

Н.В. Лескина, К.Г. Муратишина

Сотрудничество с зарубежными партнерами в сфере образования – важная сфера политики Европейского союза на современном этапе. Во многом это связано с важностью использования образовательной сферы для укрепления «мягкой силы» в отношениях с самыми разными государствами и регионами. Свои задачи в этой сфере взаимодействия европейская сторона решает, прежде всего, благодаря распространению своей модели интеграции в высшем образовании, а также интернационализации своей образовательной сферы. Цель данной работы – выявление и анализ механизмов распространения европейской модели интеграции в высшем образовании в других региональных контекстах. Методологическим подходом является теория распространения идей. Применение ее к

¹ Работа выполнена при поддержке программы Европейского союза ERASMUS+ Jean Monnet, номер проекта 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR.

высшему образованию особенно уместно, поскольку речь идет в первую очередь об экспертном вкладе.

ЕС определяет внешнее измерение европейского образования как использование европейского опыта сотрудничества и инструментов в отношениях с остальным миром [1]. Европейское пространство высшего образования уже давно выходит за географические рамки европейского региона, оказывая влияние на формирование аналогичных пространств в других регионах мира, таких как Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия. Данное явление получило название «внешнее измерение», или «эхо Болонского процесса» [2].

Интернационализация представляла собой важную часть Болонского процесса с момента его создания. В Болонской декларации «продвижение европейской системы высшего образования по всему миру» признается одной из первоочередных целей наравне с созданием Европейского пространства высшего образования [3]. Одними из основных ее целей были развитие мобильности, совместимость и сопоставимость систем высшего образования. В России Болонский процесс рассматривается зачастую в контексте реформирования национальной системы высшего образования или опыта отдельных вузов по адаптации к «болонским реформам». За пределами ЕС в Болонском процессе участвуют более 20 государств, в том числе, помимо России, принимают участие и другие постсоветские страны (Казахстан, Киргизия), а в другом ближайшем к российским границам регионе – Восточной Азии – такие региональные лидеры, как Китай, Япония и Вьетнам [4].

Хотя Болонский процесс прочно ассоциируется в российском представлении с ЕС, в действительности он представляет собой международный режим сотрудничества, направленный на создание общего пространства высшего образования, в котором участвуют 48 стран, в том числе не входящих в ЕС, но объединенных тем, что все они подписали Европейскую культурную конвенцию. Европейское пространство высшего образования, в свою очередь, является целью не только Болонского процесса, но и Европейского союза. Эти два направления взаимосвязаны, и исследователи отмечают их растущую конвергенцию [5]. Европейская комиссия является одним из консультативных членов Болонского процесса наряду с Советом Европы и ассоциациями вузов. Предложенный в 2017 г. «Сорбоннский процесс» продолжает эту тенденцию и предлагает создание

европейского образовательного пространства к 2025 г. под руководством Европейской комиссии и только для стран ЕС [6]. Поскольку Болонский процесс, как считается, решил свои задачи и позволил достичь высокой степени гармонизации высшего образования в Европе и создания Общеευропейского пространства высшего образования, возможность адаптации европейского опыта к другим региональным контекстам стала привлекать внимание как политиков, так и исследователей во всем мире. Был сформирован специальный орган, получивший название Форума Болонского процесса и ставший площадкой для политического диалога и обсуждения реформ между странами-участницами и представителями всех заинтересованных сторон. Правда, Форум пока характеризуется ограниченным представительством: на заседания можно попасть только по приглашению, и диалог осуществляется на уровне министерств.

С 2000-х гг. образовательные программы ЕС стали все чаще включать региональные приоритеты, дополняя инструменты внешнего измерения Болонского процесса. Приоритеты сотрудничества обычно устанавливаются на основе контактов с представителями регионов на специальных саммитах, таких как саммит ЕС и стран Латинской Америки и Карибского бассейна, саммит ЕС – Китай или форум Азия – Европа. Последний особенно выделяется зарубежными исследователями [7], что можно объяснить его не совсем формальным характером и возможностью проводить консультации по самым различным темам. Далее, в сотрудничестве с регионами ЕС развивает поддержку согласно выбранным приоритетам отдельных институтов, формирование компетенций и образовательной мобильности. Межрегиональное сотрудничество в сфере высшего образования стало одним из важнейших направлений сотрудничества ЕС с Африканским союзом, АСЕАН, МЕРКОСУР. Например, диалог ЕС – Африка по вопросам образования стремится поддерживать академическую мобильность, распространять положительный опыт успешных совместных проектов, а также способствовать гармонизации высшего образования в африканских странах.

Основным институтом ЕС, реализующим программы сотрудничества с зарубежными партнерами в сфере образования, является Европейская комиссия. В ее составе действует ряд подразделений. Например, Генеральный директорат «Развитие» отвечает за отношения со странами Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, а Генеральный директорат «Внешние отношения» – за все

остальные страны. Еврокомиссия определяет стратегию сотрудничества и составляет его программу на несколько лет. Кроме того, при ней действует агентство EuropeAid. Его цель – реализация программ внешней помощи ЕК. EuropeAid работает с государствами, международными организациями, а также с гражданским обществом. Еще одна форма взаимодействия – поддержка ЕС интеграционных проектов в регионах-партнерах, например создания общего пространства высшего образования АСЕАН. Цель проекта «Поддержка Европейским союзом высшего образования в регионе АСЕАН» – поощрение регионального сотрудничества, улучшение качества, конкурентоспособности и интернационализация вузов АСЕАН [8]. Финансирует ЕС и программу региональной мобильности в высшем образовании МЕРКОСУР. Для создания Латиноамериканского общего пространства высшего образования запущен проект «Alfa PUENTES», который объединил ряд университетов Европы и Латинской Америки, разработал квалификационные правила, программу совместной аккредитации и стратегию мобильности [9].

Региональный аспект включен в уже существовавшие образовательные программы, такие как «Alfa», «Edu-link». Появилось поколение программ, направленных на поддержку региональной гармонизации высшего образования посредством распространения Болонского опыта. Например, проекты «Tuning», будучи одной из первых инициатив ЕС на региональном уровне, способствовали достижению сопоставимости учебных планов. Первый проект был запущен в Европе в 2000 г. как инструмент внедрения Болонского процесса. Положительный опыт данной программы в Европе был использован и в других регионах мира – Латинской Америке (2004–2007, 2011–2013), Африке (с 2012 г.) и Центральной Азии (с 2013 г.).

В 2011 г. Европейская комиссия выступила с инициативой создания программы, которая бы позволила максимально эффективно использовать имеющийся в ее распоряжении бюджет за счет синергии и выделения приоритетных сфер. Новая программа «ERASMUS+», созданная в 2013 г., объединила в себе «Tempus», «Erasmus Mundus», «Alfa», «Edu-link». Она активно реализуется в том числе на постсоветском пространстве и в Восточной Азии. И если богатый российский опыт участия в «ERASMUS+», в том числе в программе Жана Монне [10], практически у всех на слуху,

то применительно к ближайшим соседям РФ интересно посмотреть, например, насколько активно в этой инициативе принимает участие Китай: с 2009 г. к «Эразмусу» присоединились 12 китайских учреждений образования и науки, всего же зафиксировано 114 совместных проектов с китайской стороной. С 2010 г. было защищено 77 кандидатских диссертаций [11]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на свою известную настороженность по отношению к западным ценностям и гуманитарному взаимодействию и дискуссионный характер вопроса об имплементации многих норм и стандартов [12], КНР отчасти тоже заинтересована в развитии взаимодействия с ЕС, в том числе рассчитывая, надо думать, на интернационализацию собственного образования и частичное заимствование европейского опыта.

Таким образом, рассмотрение некоторых примеров и способов взаимодействия ЕС с его региональными партнерами позволяет сделать вывод о разнообразии инструментов, используемых европейской стороной, распространении ею своей модели интеграции и наличии целого ряда региональных приоритетов в ее политике. Результатом является интернационализация европейского образования и образовательной сферы межрегионального сотрудничества. Основным механизмом образовательных программ ЕС выступает социализация. Они направлены на установление диалога и обмен опытом. При этом диалог осуществляется на разных уровнях. Важная роль отводится транснациональному сообществу. И, несмотря на то, что в сотрудничестве каждая из сторон решает свои задачи, в целом создание сетей и поощрение мобильности являются важными каналами взаимодействия участников международного академического сообщества.

Литература

1. *Communication* from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions «European higher education in the world» [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52013DC0499> (accessed: 07.03.2017).
2. *Zgaga P.* Looking out: The Bologna Process in a global setting. On the «external dimension» of the Bologna Process. Oslo: Norwegian Ministry of Education and Research, 2006.
3. *Болонская декларация* [Электронный ресурс]. URL: http://www.msmsu.ru/userdata/manu_al/images/fac/ped_obr/Bolonskaja_deklaracija.pdf (accessed: 07.03.2017).
4. *The Bologna Process – reforming universities in the next decade* [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-615_en.htm (accessed: 07.04.2018).

5. *Ravinet P.* From voluntary participation to monitored coordination: Why European countries feel increasingly bound by their commitment to the Bologna Process // *Eur. J. Educ.* 2008. Vol. 43, № 3. P. 353–367.

6. *Towards a European Education Area by 2025* [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/commission/news/towards-european-education-area-2025-2017-nov-14_en (accessed: 07.03.2017).

7. *Dang Q.A.* ASEM – the Modern Silk Road: travelling ideas for education reforms and partnerships between Asia and Europe // *Comparative Education*. 2013. Vol. 49, Issue 1. P. 107–19.

8. *European Union Support to higher education in the ASEAN region* [Electronic resource]. URL: <http://www.share-asean.eu/> (accessed: 07.03.2017).

9. *Alfa Puentes* official website [Electronic resource]. URL: www.alfapuentes.org (accessed: 09.03.2017).

10. *Дериглазова Л.В.* Программа Жана Монне на развитие исследований Европейского союза: структура и основные элементы // *Дневник АШПИ*. 2012. № 28. С. 174–179.

11. *EU – China within Erasmus Mundus* [Electronic resource]. URL: <http://www.euchinadoc.com/wp-content/uploads/2013/11/Presentation-Erasmus+-EACEA.pdf> (accessed: 07.04.2018).

12. *Zeng Q., Adams J., Gibbs A.* Are China and the ASEAN ready for a Bologna Process? – Factors affecting the establishment of the China-ASEAN higher education area // *Educational Review*. 2013. Vol. 65, Issue 3. P. 321–341.

КОСМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЕС В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.С. Малышева

Европейская космическая политика представляет относительно новое направление деятельности объединенной Европы. До недавнего времени европейская космическая политика осуществлялась либо под эгидой Европейского космического агентства (ЕКА), учрежденного в 1975 г., либо на национальном уровне. Попытка перехода к общеевропейскому управлению деятельностью стран-участниц ЕС в сфере космоса была предпринята лишь в начале XXI в. Так, в 2003 г. началось сотрудничество Европейского союза и ЕКА на основе Рамочного соглашения, обеспечивающего научно-исследовательское, технологическое и навигационное направления. Одними из наиболее важных проектов, созданных в рамках этого сотрудничества, стали европейская навигационная система «Галилео», программа глобального мониторинга окружающей среды и безопасности «Коперник», а также геостационарная служба навигационного покрытия EGNOS.

Кроме того, было объявлено о совместной выработке ЕКА и Европейским союзом единой космической политики, которая бы определяла приоритетные направления в исследовании космоса. Космический сектор был обозначен как стратегический актив для обеспечения независимости, безопасности и процветания Европы, способствующий повышению ее конкурентоспособности [1]. При этом приоритетным направлением были объявлены космические исследования, которые содействуют развитию региональной системы безопасности ЕС. Стратегическая значимость космоса в сфере обеспечения безопасности неоднократно признавалась в официальных документах Евросоюза. В частности, указывалось на важность орбитальных станций в обеспечении функционирования финансово-экономических систем, необходимость создания систем зашифрованной связи, недопустимость размещения в космосе противоспутникового оружия. В октябре 2016 г. был опубликован доклад «Европейская космическая стратегия», в котором признавалась необходимость более тесного взаимодействия космических исследований с другими сферами деятельности ЕС. Особое внимание было уделено вопросу о космических технологиях и инфраструктуре «двойного назначения», использование которых возможно как в гражданских, так и в военных целях [2].

Европейский союз уже предпринимал попытку внести свой вклад в обеспечение глобальной безопасности путем разработки кодекса поведения в космическом пространстве [3]. Внесенный в 2016 г. на обсуждение в ООН проект кодекса был отклонен Китаем, Россией и другими странами. Несмотря на неудачу, ряд экспертов считают перспективным для объединенной Европы дальнейшее продвижение инициативы по ответственному поведению в космосе, что будет способствовать повышению международного авторитета ЕС [4].

Тем не менее реализации задач космической политики ЕС препятствуют несколько обстоятельств. Во-первых, в соответствии со ст. 4 Договора о функционировании ЕС космические исследования находятся в совместной компетенции Европейского союза и национальных правительств только в том случае, если это не препятствует странам-участницам в осуществлении их национальной компетенции [5]. В связи с этим несовпадение национальных интересов государств-членов Евросоюза способно серьезно осложнить выработку европейской космической политики.

Во-вторых, у Европейского союза по-прежнему отсутствует собственное космическое агентство. ЕКА, при помощи которого были запущены важнейшие исследовательские проекты, является не зависимой от ЕС международной организацией, в которую входит Канада. И хотя в последние годы между Союзом и ЕКА сотрудничество стало более интенсивным, автономия ЕС в космической отрасли могла бы способствовать большей мобильности в принятии решений и их выполнении. Это представляется особенно важным в свете заметного усиления конкуренции в космосе в последние годы.

Литература

1. *Resolution on The European Space Policy*. URL: http://esamulti-media.esa.int/docs/BR/ESA_BR_269_22-05-07.pdf
2. *Space Strategy for Europe*. URL: <http://ec.europa.eu/docsroom/documents/19442>.
3. *Draft International Code of Conduct for Outer Space Activities*. Version 31 March, 2014. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/space_code_conduct_draft_vers_31-march-2014_en.pdf
4. Пиндык П. Усиление позиций Европейского союза в космосе: комплексная концепция космической безопасности // Исследования космоса. 2017. № 1 (2). URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=39447.
5. *Consolidated Version of The Treaty on Functioning of The European Union*. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>.

«ТЕРМИДОР» ВОСТОЧНОГО РАСШИРЕНИЯ ЕС: РЕАЛЬНОСТЬ И ОЖИДАНИЯ

С.Н. Мирошников

Восточное расширение ЕС, в результате которого ряды интеграционного объединенияполнили 13 стран (последней стала Хорватия в 2013 г.) и десятилетие которого в 2014 г. было относительно незаметно отмечено [1. С. 34], оценивается в настоящее время неоднозначно. В данной работе автор предпринял попытку проанализировать процессы, происходящие в государствах, которые составляли «ядро» движения в ЕС, наиболее активных и далеко продвинувшихся по пути интеграции новых членах ЕС: Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, которые объединились в Вишеградскую группу.

Оценивая достижения данных стран в период вступления и в первые 13 лет пребывания в ЕС, необходимо отметить серьезные успехи, достигнутые этой группой стран. За относительно короткий исторический период этим странам удалось поднять доход на душу

населения более чем в два раза [2], произвести структурную перестройку своей экономики, увеличив количество высокотехнологичной продукции в ее общем объеме. Резко увеличился приток иностранных инвестиций, которые сыграли решающую роль в росте доходов населения и росте ВВП государств [3. С. 113]. Полностью трансформировалась политическая система. За период 1990–2000-х гг. сформировались правовые демократические основы, многопартийная система и гражданское общество. Произошел переход власти от одних политических сил к другим в результате демократичных парламентских и президентских выборов, что показывает устойчивость сложившейся системы. В государствах Вишеградской группы сформировалось уже целое поколение, которое выросло в условиях существования этих государств в рамках ЕС, и по большей части оно воспользовалось этим фактом. Так, среди 2 млн поляков, которые в настоящее время живут за пределами страны, большую часть составляют не «польские сантехники», которых так боялись в странах Западной Европы накануне расширения, а высококвалифицированные молодые люди с прекрасным образованием [4. С. 55].

С другой стороны, уже на этапе вступления обнаружили некоторые моменты, которые настораживали исследователей, а после вступления они стали проявляться все более отчетливо. В первую очередь, речь идет о неравномерном распределении выгод от интеграции. В самих присоединившихся странах большую выгоду получили города и регионы, которые смогли аккумулировать приток иностранного капитала и перестроить свою промышленность, финансовый сектор и сферу услуг и за счет более дешевой и квалифицированной рабочей силы встроиться в европейское разделение труда, получив свою долю (в Чехии прирост высокотехнологичного экспорта составил 20 %, а в Венгрии – 13 % [3. С. 113]). Конечно, такая перестройка тоже прошла небезболезненно, однако результаты того стоили. Поэтому жители городов и наиболее продвинутых регионов были удовлетворены ходом и темпами интеграции и выступали сторонниками продолжения такого процесса. В то же время их политическая активность постоянно снижалась, так как их удовлетворяло текущее состояние дел и основное свое внимание они направляли на реализацию своих неполитических замыслов. Особенно показательными в этом плане были местные выборы в Польше в 2015 г. и парламентские и президентские в 2016 г. По мнению ведущего научного сотрудника Института социологии РАН И.С. Яж-

боровской, на местных выборах 2015 г. происходила смена поколений в политической элите на местном уровне, и молодые политики, вооруженные новыми технологиями и подходами, своим совершенно отличным от старшего поколения видением того, что нужно делать и как в современный момент, смогли оттеснить старшее поколение и прийти к власти. Такая ситуация стала возможной во многом потому, что то, что происходит на местном уровне, их интересовало значительно больше, так как напрямую затрагивало их интересы. Причем в большинстве воеводств к власти пришли представители партии «Гражданская инициатива», выступающей за большую интеграцию в Европу. А вот на парламентских выборах 2016 г., несмотря на выдвинутый лозунг фаворита президентской гонки Б. Комаровского «Хороший старт для молодых», пассивность и полная уверенность в своей победе привели к тому, что оппозиционный кандидат от консервативной традиционалистской партии «Порядок и справедливость» Анджей Дуда смог консолидировать свой электорат, играя на чувствах тех, кто проиграл от вступления в ЕС или не получил ожидаемых результатов в полном объеме, и выиграл с разницей в 3 %. Такую пассивность избирателей городов можно объяснить только тем, что они не представляли всей полноты картины и не могли предположить, что кто-то может быть недовольным существующим ходом дел [4. С. 51–52].

Наиболее проигравшими в процессе вступления и адаптации стали сельскохозяйственные районы и регионы с большой концентрацией неэффективной тяжелой промышленности – так называемые регионы «ржавого полиса». Проблема сельского хозяйства является вообще одной из самых трудных проблем функционирования всего ЕС. Вступление же центральноевропейских стран с большим и неконкурентным на западноевропейском рынке сельскохозяйственным сектором уже на начальном этапе вызывало широкие опасения у «старых членов», так как предполагало как выделение значительных сумм на модернизацию этого сектора, так и необходимость реформировать подход к сельскохозяйственному сектору в самом Европейском союзе. Реформы в странах Центральной Европы в сельскохозяйственном секторе в период вступления в ЕС и после него, приход крупных сельскохозяйственных компаний из стран Западной Европы и ужесточение конкуренции привели к разорению многих сельскохозяйственных производителей. Так, в Венгрии за первые годы пребывания в ЕС количество сельхозпроизводителей

с площадью более 1 000 га снизилось с 967 до 715 [5]. После пяти лет пребывания в ЕС уровень жизни в сельскохозяйственных районах снизился в среднем на 12,1 %, а в Венгрии и Чехии, где адаптация сельского хозяйства проходила наиболее трудно, уровень доходов на одного труженика упал на 35 и 24 % соответственно [1. С. 26]. В то же время за счет роста цен на сельскохозяйственные продукты доходы части сельскохозяйственных производителей значительно выросли, что вело к существенному расслоению внутри населения, занятого в сельском хозяйстве [6. С. 246]. Необходимо отметить еще один факт. В первое десятилетие существования государств Восточной Европы в ЕС происходили процессы «привыкания» как государственных структур, так и жителей этих стран к жизни в новых условиях. Не всегда этот процесс был положительным, особенно в сельском хозяйстве, которое отличается изрядной долей консервативности. Так, например, после вступления Венгрии в ЕС страна в первый год своего пребывания в Союзе получила значительно меньше субсидий на поддержку сельхозпроизводителей, чем другие страны Восточной Европы, потому что чиновники Министерства сельского хозяйства и Министерства регионального развития страны не смогли вовремя довести до фермеров информацию о новом механизме получения субсидий через гранты [1. С. 10]. Разразившийся экономический кризис 2008 г. еще более усугубил ситуацию. Неудивительно, что в сельскохозяйственных регионах уровень удовлетворенности вступлением в ЕС был значительно ниже, чем на остальной территории.

Регионы, которые по уровню жизни значительно отставали не только от средних показателей регионов «старой Европы», но и от наиболее продвинутых регионов собственной страны, нуждались к адаптации к новым условиям и, следовательно, к серьёзному реформатированию. Для этого нужна была разработка программ вывода данных регионов из депрессивного состояния и выделения значительного количества финансовых средств. Однако ввиду различных причин средства на поддержку регионов Восточной Европы из структурных фондов ЕС стали выделяться в объеме, превышающем подобные затраты на эти же цели стран Западной Европы, только начиная с 2010 г. [7]. Подобная задержка в решении проблем отсталых регионов также сказалась на отношении их жителей к вступлению в ЕС, в котором они видели если не все, то очень многие возникшие у них проблемы.

На этом фоне (проблемы с перестройкой сельского хозяйства, «переформатированием» отсталых регионов, адаптацией государственного аппарата к жизни по новым правилам внутри ЕС и значительным различием в возможностях адаптации к новым условиям среди населения новых стран) в обществах стран Центральной Европы стали расти патерналистские и националистические настроения, которые являлись реакцией значительной части населения на происходящие постоянные изменения, усиленные экономическим и миграционным кризисом. Жители регионов обращались к государству, в котором они на протяжении последних 50 лет видели единственный институт, способный позаботиться о них, дать им стабильность и достаток и оградить их от внешнего воздействия. Причем, апеллируя к истории, эта функция государства представлялась многим как главная. Кроме того, в странах Центральной Европы после их вступления в ЕС стали четко проявляться новые интересы государств вместо единого для всех – вступления в Союз. И эти интересы часто не совпадали как с интересами «старых» государств-членов, так и с соседями. Стала оформляться новая национальная идея, где государству и его лидеру в новых условиях отводилась более существенная роль, чем это было принято в «старом» ЕС. Такая новая роль государства и ее лидера вела к изменению взаимоотношений государства и средств массовой информации, подрыву независимости судебной системы и в конечном итоге к изменению модели взаимоотношений внутри ЕС: к уменьшению влияния наднациональных органов, прежде всего Комиссии ЕС, и усилению роли государств в Союзе. Наиболее ярко эти процессы происходят в Венгрии, где партия «Фидес» во главе с В. Орбаном после прихода к власти в 2010 г. начала постепенно пересматривать те законы, которые были приняты в процессе вступления страны в ЕС. Эту же линию стало проводить и новое правительство Польши после прихода к власти партии «Порядок и справедливость» в 2016 г. [4. С. 61–62].

Такой откат всегда наблюдается в обществах, которые начинают серьезные внутренние преобразования. Своеобразный «термидор» является закономерным этапом любых реформ. Однако в странах Центральной Европы этот поворот наложился на экономический кризис 2009 г., «долговой» кризис 2010–2013 гг. и миграционный кризис, которые резко ухудшили как экономическое положение стран, так и обозначили невозможность на данном историческом этапе говорить о единых европейских ценностях. ЕС оказался перед новым серьез-

ным вызовом. 14 лет существования в ЕС – это короткий срок для полной адаптации как государственного аппарата, так и населения стран Центральной Европы к новым ценностям и реалиям. После рывка всегда следует пауза. Пауза, которая даст время либо принять существующие реалии большинству населения стран Центральной Европы и адаптировать свои ценности к общеевропейским, либо усилит трения и проблемы, которые обнажились в последние годы. Как будут развиваться события в ЕС в ближайшее время, во многом зависит от умения и способности современных европейских политиков отойти от стереотипов, в том числе и идеологических, и найти новые подходы к решению стоящих перед ЕС серьезных вызовов.

Литература

1. *Вишеградская четвёрка* в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М., 2017.
2. <https://data.worldbank.org/indicator>
3. *Страны* Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: проблемы адаптации. М., 2016.
4. *Язборовская И.С.* Польша 2015–2016 гг. Хроника неавторитарного реванша // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 49–65.
5. <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
6. *Европейский союз* и новые страны-члены: проблемы адаптации. М., 2008.
7. *Europe Daily Bulletin*. 2009. 28 февр. № 9850.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ПРОБЛЕМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Ю.А. Неупокоева

Конфликт в Нагорном Карабахе зрел годами, но толчком к развитию открытой конфронтации послужили перемены в политической и социально-экономической жизни Советского Союза во второй половине 1980-х гг. Стихийные митинги, на которых звучали обвинения в экономической отсталости, ущемлении прав, требования присоединить Нагорно-Карабахскую автономную область к Армении, прошли и в Армении, и в Нагорном Карабахе [1. С. 110–111].

С февраля 1988 г., когда произошли события в Сумгаите, противостояние приобретает вооруженный характер. Вывод советских вооруженных сил в декабре 1991 г. усугубил положение, поскольку контролировать ситуацию стало некому. В начале 1992 г. между

Арменией и Азербайджаном развернулись полномасштабные военные действия. Добиться прекращения огня удалось лишь к маю 1994 г., когда всеми конфликтующими сторонами было подписано Соглашение о прекращении огня.

В 1992 г. бывшие союзные республики, в том числе Армения и Азербайджан, вошли в Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе [2. Р. 2], тем самым урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе приобрело международное значение. Поиском решений занялась Минская группа (МГ) СБСЕ / ОБСЕ. За время своей работы она предлагала несколько путей выхода из кризиса, каждый из которых отвергался одной из сторон.

В 2006–2009 гг. были разработаны Мадридские принципы урегулирования конфликта, среди которых:

- возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана;
- предоставление Нагорному Карабаху переходного статуса, обеспечение его безопасности и самоуправления;
- создание коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом;
- определение окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления;
- право всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возврат в места своего прежнего проживания;
- международные гарантии безопасности, включающие миротворческую операцию [3].

На сегодняшний день данные положения являются основой для поиска путей выхода из кризиса.

Начало сотрудничеству Европейского союза и стран Южного Кавказа положило принятое в 1996 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, направленное на взаимодействие в политической, экономической и других сферах. Важность этого региона для Европы сложно переоценить. Это и альтернативный путь энергообеспечения, и доступ к природным ресурсам Прикаспия, и транзитный путь в Азию, и желание ограничить присутствие, а лучше вовсе вытеснить Россию из Закавказья [4. С. 31–32].

Европейский союз неоднократно заявлял, что нагорно-карабахский конфликт является препятствием к укреплению стабильности и благосостоянию в регионе. Официальная позиция ЕС

базируется на безоговорочной поддержке, во-первых, четырех резолюций Совета Безопасности ООН, которые призывают:

- к мирному урегулированию конфликта;
- прекращению насилия;
- выводу войск с оккупированных территорий,

а также подтверждают суверенитет и территориальную целостность Азербайджана и всех других государств в регионе [5. С. 338–344].

Во-вторых, на деятельности Минской группы ОБСЕ и выработанных сопредседателями Основных принципов, представленных в Мадриде в 2007 г.

С 2003 г. на Южном Кавказе работает специальный представитель ЕС, который призван способствовать диалогу между ЕС и странами региона, а также разработке всесторонней политики ЕС в отношении закавказских государств [6. С. 2].

Европейский союз финансирует Европейское партнерство для мирного разрешения конфликта в Нагорном Карабахе, которое состоит из пяти организаций Великобритании, Швеции и Финляндии, имеющих опыт миротворчества и нацеленных на преодоление различий в подходах урегулирования и развитие диалога между конфликтующими сторонами, акцентируя внимание на гражданские общества и их самое активное участие.

Но приверженность принципам решения конфликта не соотносится с действительностью.

Еще с 2009 г. велась работа по разработке Восточного партнерства ЕС с восточноевропейскими странами, в том числе Азербайджаном и Арменией, которое должно было прийти на смену СПС 1996 г. В мае 2010 г. Европарламент принял резолюцию, которая содержала призыв «к выводу армянских войск с оккупированных территорий Азербайджана» [7]. Но игнорирование этого факта со стороны Армении существенно не сказалось на дальнейшем сотрудничестве. Даже эскалация конфликта в апреле 2016 г. не стала причиной более решительных мер по отношению к участникам конфликта. Более того, в рамках Восточного партнерства планы совместной деятельности с Азербайджаном и Арменией предполагали «индивидуальный» подход. Для первого предусматривался учет положений резолюций Совета Безопасности ООН относительно нагорно-карабахского конфликта между Арменией и Азербайджаном, а также решений и документов, принятых ОБСЕ. Для второго – учет

международных принципов и норм, в том числе принципа самоопределения народов [8].

Стоит также обратить внимание на отдельные факторы, которые играют положительную или отрицательную роль для Азербайджана и Армении.

В пользу Азербайджана говорит следующее. Во-первых, отсутствие ярко выраженной пророссийской ориентации. Россия и Азербайджан сотрудничают в сфере экономики, и здесь немаловажную роль играет азербайджанская диаспора. Также Азербайджан закупает вооружение у российской стороны, что, в свою очередь, ведет к сотрудничеству в рамках технического обеспечения.

Во-вторых, транспортировка газа и нефти, а также участие в строительстве нефтепроводов, например Баку – Тбилиси – Джейхан. Это укрепляет позиции Азербайджана в регионе и имеет значительный финансовый бонус.

В-третьих, Азербайджан активно поддерживает Турция, которая, не являясь членом ЕС, все равно имеет возможность отстаивать азербайджанскую сторону в конфликте, будучи участником НАТО, а также посредством турецких диаспор в Европе, самая многочисленная из которых проживает в Германии [9. С. 149].

Минусом же в данном случае является независимость в отношении Евросоюза. Президент Ильхам Алиев говорит о том, что Азербайджан – самодостаточная страна, которая стремится не к любым формам взаимодействия с Евросоюзом, а только к тем, что смогут дать дополнительные преференции [10].

Для Армении эти факторы заключаются, во-первых, во влиянии на политику армянской диаспоры, особенно во Франции, при этом это влияние не всегда расценивается как положительное, поскольку оно может носить деструктивный характер в поиске компромиссов в проблеме Нагорного Карабаха [11. С. 180]. Во-вторых, использование республики как противовеса новой региональной политике Турции. Европа вынуждена оказывать поддержку Армении как наиболее слабому государству региона с целью сохранения баланса.

С другой стороны, зависимость Армении как в политическом, экономическом, так и в военном плане от России. Как правило, этот фактор способствует либо попыткам перетянуть Армению без какой-либо реальной альтернативы места России, либо является причиной безоговорочной поддержки Азербайджана.

Не в пользу Армении также критика европейских организаций относительно несоблюдения демократических прав и свобод в Республике [11. С. 181].

Таким образом, несмотря на наличие основных принципов выхода из сложившейся ситуации вокруг Нагорного Карабаха и желание сторон найти компромисс как можно скорее, важность геополитического положения Южного Кавказа и борьба за влияние на регион не позволяют решить конфликт в скором времени.

Литература

1. *Юматов К.В.* Армяно-азербайджанский конфликт в отражении общесоюзной периодической печати ВЛКСМ в период перестройки (на материалах газеты «Комсомольская правда» и еженедельника «Собеседник») // История. 2011.
2. *Prague Meeting of the CSCE Council*, 30–31 January 1992.
3. *Мадридские принципы* / International News Agency / <https://www.fmgnews.info/47286-madridskie-principyu-polnyu-tekst.html> (дата обращения: 8.04.2018).
4. *Прокопенко Е.* Кавказ в современном геополитическом измерении // Кавказ и глобализация. 2010. № 3–4.
5. *Казимиров В.Н.* Мир Карабаху. Посредничество России в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. М.: Международные отношения, 2009.
6. *Отношения ЕС – Армения.* Брюссель, 2017. 27 февр.
7. *Резолюция Европарламента по Южному Кавказу – «кикс» бюрократического механизма?* // ИА REGNUM. 2010. 24 мая // <https://regnum.ru/news/1286730.html> (дата обращения: 8.04.2018).
8. *Демоян Г.* Турция и карабахский конфликт в конце XX – начала XXI века. Ереван, 2006.
9. *Гусейнова С.* Позиция Евросоюза и перспективы его участия в справедливом урегулировании армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта // Стратегический анализ. 2016 // <http://www.stj.sam.az> (дата обращения: 8.04.2018).
10. *Азербайджан не собирается в ассоциацию с ЕС, заявил Алиев* // РИА «Новости». 23.01 // <https://ria.ru/world/20140123/990931780.html> (дата обращения: 8.04.2018).
11. *Юматов К.В.* Армения в контексте внешней политики Турции, России и стран Европейского союза // Вестник КемГУ. 2013.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС И КИТАЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»

В.С. Пакулин

В статье предпринята попытка ответить на вопрос: «Как Китай реализует сотрудничество с Европейским союзом в рамках инициативы “Один пояс – один путь”?».

Концепция «Нового Шёлкового пути», представленная председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., на сегодняшний день является крупнейшим геэкономическим проектом КНР, который определяет курс внешней политики Китая на ближайшие десятилетия. Будучи проектом торгово-транспортных коммуникаций по суше и морю, данный путь географически охватывает страны Евразийского континента, а также Африку. Успешная реализация данного проекта позволит испытывающему экономический спад Китаю не только ускорить темпы экономического роста, но и заполнить вакуум лидерства на мировой арене, который был вызван изоляционистской политикой президента США Дональда Трампа и сосредоточенностью Европы на собственных внутренних проблемах. Даже если допустить, что за свой четырехлетний президентский срок (в перспективе восьмилетний) Трампу удастся сделать «Америку снова великой», а внутренние проблемы Европы будут решены (хотя в настоящий момент это кажется маловероятным), Китай не упустит возможности воспользоваться сложившейся ситуацией и укрепить свои позиции на мировой арене.

Европейское направление является ключевым звеном данного проекта: все транзитные маршруты Шелкового пути вне зависимости от протяженности и типа перевозок ведут в страны Европейского союза. Поэтому несомненным является тот факт, что Китай заинтересован в укреплении и расширении партнерства с ЕС.

В июне 2015 г. министр иностранных дел Китая Ван И посетил Венгрию с официальным визитом, в ходе которого обе страны подписали меморандум о взаимопонимании по продвижению проекта «Один пояс – один путь» [1]. Данный меморандум стал первым соглашением, заключенным Китаем со страной ЕС в рамках данной инициативы.

Во время встречи на высшем уровне между Китаем и ЕС, состоявшейся в июле 2015 г., премьер Ли Кэцян поддержал сотрудничество со странами-членами ЕС и подписал соглашение с Францией о развитии сторонних рынков, а также поддержал создание совместного инвестиционного фонда Китая и Франции [2]. В октябре 2015 г. президент Си Цзиньпин посетил Великобританию и упомянул о «золотой эре» отношений между двумя странами [3]. Во время визита обе страны не только подтвердили стремление укреплять сотрудничество в области финансов, но и договорились об инвестициях Китая в строительство АЭС в Хинкли-Пойнте в западной части Велико-

британии, а также установке китайского ядерного реактора Hualong One рядом с Брэдвиллем в восточной части Великобритании.

Среди стран ЕС наибольшего прогресса в двусторонних отношениях Китай достиг с Германией. Германия является крупнейшим европейским торговым партнером Китая, и отношения между двумя странами становятся все ближе. Между Китаем и Германией подписаны соглашения о сотрудничестве в области финансов, энергетики, промышленности и сельского хозяйства, а также образования. Помимо Германии, Великобритании и Франции, другие страны, такие как Нидерланды и Бельгия, также заявили о своей заинтересованности в участии в проекте «Пояса и пути».

Сотрудничество между Китаем и странами ЦВЕ было налажено во время совместных саммитов. Была начата работа над проектом железной дороги, которая должна связать Сербию и Венгрию. Эта железная дорога должна стать частью трансбалканской магистральной линии от порта Пирей в Греции до дельты Дуная и является вторым по величине инвестиционным проектом Китая в Европе после проекта строительства моста через р. Дунай в Белграде. Проект был предложен премьер-министром Ли Кэцяном во время третьего саммита Китай – ЦВЕ, который состоялся в Белграде в декабре 2014 г. [4], и был подписан на 4-м саммите Китай – ЦВЕ, который состоялся в Сучжоу в ноябре 2015 г. [5]. Премьер Ли Кэцян также предложил построить порты в Аравийском, Балтийском, Черном морях. Кроме того, Китай заинтересован в строительных и железнодорожных проектах в порту Копер в Словении, а китайские компании стремятся участвовать в приватизации национальных компаний в странах ЦВЕ.

В марте 2015 г. Великобритания, Германия, Франция и Италия согласились присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – главному многостороннему банку под руководством Пекина, с уставным капиталом в 100 млрд долл., который был создан для поддержки «Пояса и пути» [6]. Этот шаг характеризует возросшее доверие европейских держав к вкладу Китая в мировой порядок и развитие [7. С. 5]. В свою очередь, в декабре 2015 г. Совет управляющих Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР) одобрил заявку Китая на получение членства в банке, что сделало Китай 65-м государством-членом ЕБРР [8]. Таким образом, появилась возможность координации действий между Китаем и ЕС по реализации проекта «Один пояс – один путь».

Результаты сотрудничества ЕС и Китая в рамках Пути нашли свое отражение в многократном увеличении числа контейнерных перевозок по маршруту Китай – Европа. Начиная с 2011 г. общее количество товарных поездов, отправленных в рамках проекта международных перевозок Китай – Европа, превысило отметку в шесть тысяч [9]. Из них 3 673 поезда были отправлены только в 2017 г. [10]. По состоянию на апрель 2018 г. по межконтинентальному маршруту Китай – Европа было отправлено уже 1 000 товарных составов. Этот показатель на 75 % выше показателя аналогичного периода прошлого года [11].

Говоря об отношениях Китая и ЕС в контексте проекта «Один пояс – один путь», нельзя не упомянуть позицию России. РФ непосредственно заинтересована в участии в данном проекте, что нашло отражение в подписании соглашения между Владимиром Путиным и Си Цзиньпином о сотрудничестве России и Китая в рамках Евразийского экономического союза и трансевразийского торгово-инфраструктурного проекта экономического пояса «Шёлковый путь» [12]. Однако на фоне ухудшения отношений между РФ и Европой Европейский союз может расценивать этот шаг как попытку России втянуть Китай в формирование антизападной коалиции [13. С. 63]. В сложившейся ситуации ЕС старается ускорить работу над унификацией таможенных процедур и преодолением торговых барьеров с Китаем, который больше заинтересован в сотрудничестве с Западом, в том числе в рамках финансово-экономических организаций, чем в выстраивании антизападной коалиции вместе с Россией.

Таким образом, в ближайшие несколько лет инициатива «Один пояс – один путь» и роль в ней Европы могут вступить в новую эру. По мнению экспертов Валдайского клуба, во время первого мандата Си Цзиньпина «Один пояс – один путь» ещё не набрала силу и не вышла за рамки внутривосточной логики, являясь преимущественно сильным маркетинговым инструментом для повышения международной репутации китайского главы и расширения его внутреннего электората в преддверии съезда КПК. Однако во время его второго мандата, благодаря итогам осеннего съезда КПК, данный проект может восстановить поступательную инерцию и ознаменовать новый этап в отношениях Китая с Европой [7. С. 5].

Литература

1. Prime Minister Viktor Orban of Hungary Meets with Wang Yi [Electronic resource] // Official website of Ministry of Foreign affairs of the People's republic of China. Electronic data.

2015. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1272108.shtml (access date: 08.04.2018).

2. 17th EU-China summit in Brussels [Electronic resource] // Official website of European Commission. Electronic data. 2015. URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1339> (access date: 08.04.2018).

3. Xi Jinping visit: UK-China ties 'will be lifted to new height' [Electronic resource] // BBC News. Electronic data. 2015. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-34571436> (access date: 08.04.2018).

4. 3rd Meeting of Heads of Government of China and Central and Eastern European Countries [Electronic resource] // Official website of China-CEEC Summits. Electronic data. 2015. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/2014bergld/hdxw/t1410498.htm (access date: 08.04.2018).

5. The 4th Summit of China and Central and Eastern European Countries [Electronic resource] // Official website of China-CEEC Summits. Electronic data. 2016. URL: http://www.china-ceec.org/eng/ldrhw_1/sz2015/hdxw/t1411473.htm

6. СМШ: Франция, ФРГ, Италия хотят вступить в АПВ [Электронный ресурс] // РИА «Новости». Электрон. дан. [Б. м.], 2015. URL: <https://ria.ru/economy/20150317/1052916818.html> (дата обращения: 08.04.2018).

7. Проди Дж., Фарделла Э. «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайская записка. № 82. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2018. 12 с.

8. Китай стал членом Европейского банка реконструкции и развития [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. Электрон. дан. [Б. м.], 2015. URL: <https://vk.cc/7VHojv> (дата обращения: 08.04.2018).

9. Количество товарных поездов, отправленных в рамках маршрута Китай – Европа, превысило отметку в шесть тысяч [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/18/c_136762664.htm (дата обращения: 08.04.2018).

10. В 2017 году по маршрутам Китай – Европа было отправлено более 3 600 товарных поездов [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://russian.news.cn/2018-01/22/c_136915552.htm (дата обращения: 08.04.2018).

11. С начала этого года по маршруту Китай – Европа было отправлено 1000 грузовых поездов [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: http://russian.news.cn/2018-03/31/c_137078664.htm (дата обращения: 08.04.2018).

12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. Электрон. дан. [Б. м.], 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 08.04.2018).

13. Tony van der Togt, Francesco S. Montesano. From Competition to Compatibility Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations: Clingendael report. Netherlands institute of international relations, 2015. 77 p.

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ИТАЛИИ НА ФОНЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

П.А. Попанов

В статье предпринята попытка ответить на вопрос: «Насколько отношения России и Италии соответствуют общему вектору связей России и ЕС на фоне Украинского кризиса?». Россия и Италия име-

ют длительную, более чем полутысячелетнюю историю двусторонних отношений. Первые связи между Россией и государствами Апеннинского полуострова были установлены ещё в начале XVI в. [1. С. 329–330]. Как российские [2. С. 120], так и итальянские [3] эксперты характеризуют российско-итальянские отношения как «привилегированные», которые находятся в благожелательном, умеренно дружественном состоянии и сильно не изменились под воздействием охлаждения связей России и Запада, антироссийских санкций и международных конфликтов. Как пишет Т.В. Зонова, Россия и Италия «слишком удалены друг от друга и несхожи, чтобы поддерживать интенсивно сердечные или, напротив, чрезвычайно враждебные отношения». Тем не менее Италия и Россия, как утверждал историк и бывший посол Италии в Москве Серджи Романо, всегда могли «пригодиться друг другу», или, другими словами, поочередно извлекать пользу из положения друг друга в качестве «опоры», периодически «играя в союзников» [4. С. 4].

Основные принципы двусторонних отношений России и Италии отражены в Договоре о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой от 14 октября 1994 г., а также в «Плане действий в отношениях между Российской Федерацией и Итальянской Республикой» от 10 февраля 1998 г. Стороны не являются союзниками, но в Договоре определяется дружественный характер отношений [5. Ст. 1. С. 2]. В ст. 6 содержатся положения об обязательстве в случае угрозы миру или международной безопасности информировать друг друга и незамедлительно вступить в контакт с целью согласования необходимых инициатив [Там же. Ст. 6. С. 3]. Несмотря на то, что Договор 1994 г. был заключён на 20 лет и срок его изначального действия закончился, он автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды [Там же. Ст. 27. С. 12]. До настоящего момента ни одна из сторон не высказывала желания прекратить его действие, а переговоры о новом базовом договоре не ведутся.

На разных уровнях функционирует механизм двусторонних контактов. Существует практика проведения в рамках встреч на высшем уровне расширенных межгосударственных консультаций. Поддерживаются связи по линии министерств и ведомств двух стран (встречи различных министров: иностранных дел, экономического развития, юстиции, сельского хозяйства и т.д.). В рамках межправительственных комиссий основные вопросы двустороннего торго-

экономического сотрудничества рассматривает Российско-Итальянский совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. На межпарламентском уровне действует Большая российско-итальянская межпарламентская комиссия, а российско-итальянский форум межрегионального сотрудничества осуществляет региональное взаимодействие. Для решения как государственных, так и негосударственных вопросов создан ряд ассоциаций, форумов и центров в экономической, культурной и других областях.

Между Россией и Италией нет либерального режима торговли. До Украинского кризиса велись двусторонние и многосторонние (Россия – ЕС) переговоры о создании общего Европейского экономического пространства (ОЕЭП), автором концепции которого выступил бывший премьер-министр Италии и председатель Комиссии ЕС Романо Проди [6. С. 54]. Однако в последние годы интенсивность переговоров на данную тему значительно снизилась.

Торговля между нашими странами сократилась после Украинского кризиса. Так, в 2013 г. (перед введением санкций против России) общий объем торговли России и Италии составил около 54 млрд долл. США. К 2017 г. он упал почти до 24 млрд долл. США (для России – 5-е место). Сильнее всего пострадал экспорт. В 2013 г. экспорт в Италию насчитывал 39,3 млрд долл. США, а импорт из Италии – 14,5 млрд долл. [7]. В 2017 г. эти показатели опустились до 13,8 млрд долл. (для России – 6-е место) и 10,1 млрд долл. (для России – 5-е место) соответственно [8]. До сих пор уровень торговли продолжает падать (почти 30 млрд долл. в 2016 г. – около 24 млрд долл. в 2017 г.).

Экономика Италии переживает не лучшие времена. Итальянская экономика примерно в 10 раз больше греческой и занимает третье место по объему во всей еврозоне. Несмотря на в целом успешные реформы Маттео Ренци и небольшой рост экономики, в стране довольно высокий уровень безработицы (прогнозируется снижение до 10,9 % в 2018 г.), госдолга (по последним данным, на конец 2016 г. – 132 % от ВВП) [9], устойчивая инфляция и недостаток экспорта [10]. В связи с этим Италия заинтересована в экономическом сотрудничестве с Россией. Благодаря наличию контактов на всех уровнях и разработке ряда совместных проектов представляется, что двусторонняя торговля в ближайшее время пойдет на подъём.

По итогам Второй мировой войны было заключено действующее по сей день Соглашение между СССР и Итальянской Республикой о выплате Советскому Союзу репараций в размере 100 млн долл. [11]. По мнению экспертов, Италия до конца не погасила свой долг [12]. Но после распада СССР Россия взяла на себя кредитные обязательства республик Советского Союза и при этом сама значительно увеличила иностранные займы. По двусторонним соглашениям 1997 и 2000 гг. Италия предоставила России кредиты, а 10 ноября 2004 г. итальянские власти провели реструктуризацию долга, передав €1 млрд российского долга экспортному кредитному агентству SACE SpA [13]. О выплатах долга России данному агентству практически ничего не известно.

В силу значительной удалённости друг от друга и отсутствия нерешённых вопросов о территориальной принадлежности Россия и Италия не имеют взаимных территориальных претензий, что создаёт очень благоприятную атмосферу для развития отношений.

Позиции России и Италии близки по целому ряду международных проблем, в частности, отношений с Ираном, противоборствующих сил в Сирии, а также по ближневосточному урегулированию, Северной Корее и реформе ООН. Особое внимание уделяется взаимодействию в рамках «Группы двадцати». До 2014 г. сотрудничество также осуществлялось в формате «Группы восьми», однако в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации лидеры G8 заявили о переходе к формату G7, без России [14]. Тем не менее Италия выступает за возобновление формата G8, считая, что невозможно решить ключевые вопросы мировой политики без участия России [15. С. 5].

Итальянская Республика поддерживает курс ЕС на изоляцию Северной Кореи. 1 октября 2017 г. Италия заявила о высылке северокорейского дипломата из-за проводимых Пхеньяном ядерных тестов, но при этом не стала разрывать дипломатические отношения, оставив открытый канал связи [16].

В 2014 г. Италия присоединилась к военной операции против «Исламского государства» под эгидой США в Сирии и Ираке [17]. По заявлениям главы МИД Италии Анджелино Альфано, Италия признаёт большую роль России и других игроков в урегулировании сирийского конфликта для установления «более эффективного режима прекращения огня», поддерживает дипломатическое урегули-

рование конфликта и считает необходимым проведение свободных выборов для завершения переходного процесса в Сирии [18].

Италия в духе большинства стран в ЕС осудила войну на Украине, являясь приверженцем мирного решения конфликта в Донбассе. Высказывания официальных лиц Италии по данному вопросу очень сдержанны, их отличает отсутствие обвинений России или Украины в развязывании кризиса. В то же время Италия не оказывает военной помощи украинскому правительству и не рассматривает возможность присоединения Украины к НАТО. Антироссийские настроения, вызванные Украинским кризисом, практически не коснулись Италии [2. С. 125–127].

По последним данным, 12 марта 2018 г. ЕС принял решение о продлении антироссийских индивидуальных санкций на шесть месяцев, до 15 сентября 2018 г. [19], а 14 декабря 2017 г. – о продлении экономических санкций на полгода [20]. Официальная внешнеполитическая позиция Рима по антироссийским санкциям расходится с фактическим отношением Италии к этому вопросу. В ходе интервью корреспонденту РИА «Новости» глава МИД Италии Анджелино Альфано заявил: «...санкции представляют собой инструмент, а не самоцель. Это означает, что их применение обусловлено одной целью – восстановить позитивный диалог с Москвой, некоторые политические решения которой мы не разделяем» [21]. Однако несмотря на присоединение Италии к введённым Европейским союзом в июле 2014 г. антироссийским санкциям, Италия благосклонно относится к России и желает пересмотра ограничений [22].

Формально позиция Италии относительно Крыма остаётся неизменной: «Итальянское государство ни в какой форме не признает вхождение Крыма в состав России» [23]. Эта позиция прослеживается и в поддержке Италией осуждающих присоединение Крыма к РФ резолюции СБ ООН от 27 марта 2014 г., резолюций ГА ООН от 19 декабря 2016 г. и от 14 декабря 2017 г.

В последнем остром дипломатическом конфликте вокруг «дела Скрипаля» Италия поддержала позицию большинства стран ЕС и выслала двух российских дипломатов [24]. Однако, очевидно, не стоит воспринимать этот шаг как однозначно негативный. Скорее, он является проявлением общей позиции ЕС, а не отдельных стран.

Не стоит забывать, что Италия широко представлена в институтах ЕС. Так, например, гражданка Италии Федерика Могерини является Верховным представителем ЕС по иностранным делам и поли-

тике безопасности. Она следует общему курсу ЕС по России, осуждающего «аннексию» Крыма и вероятное участие России в войне на юго-востоке Украины. Однако Могерини, как и большинство европейских политиков, признаёт стратегический характер российско-европейских отношений, подчёркивает важность торговых, образовательных и культурных контактов и считает, что без России невысказано строительство международной и европейской безопасности [25].

Подводя итог, стоит отметить, что в целом отношения России и Италии являются партнёрскими. Их фундаментальные принципы закреплены Договором 1994 г., который служит прочной основой для их сотрудничества. Вопреки отсутствию союзнических обязательств, двустороннего и многостороннего либерального режима торговли, стороны сближают тесные экономические связи, культурное и образовательное сотрудничество, близкий подход ко многим международным вопросам и взаимная симпатия, а также практически полное отсутствие политических проблем. Италия остаётся одной из немногих стран ЕС, сохраняющих стабильную благожелательность в отношении России, несмотря на Украинский кризис.

На всех уровнях налажена работа двусторонних органов, институтов и механизмов сотрудничества, что обеспечивает тесную координацию позиций по разным вопросам. Расхождение некоторых приоритетов России и Италии, а также тренд на антироссийскую политику на Западе практически не отразились на политическом направлении их отношений. Однако экономические контакты значительно пострадали после Украинского кризиса. При благоприятном исходе потребуется несколько лет, чтобы вернуться на уровень торговли 2013 г. Тем не менее у наших стран присутствуют все необходимые механизмы и политическая воля для восстановления последствий охладевших отношений России и Евросоюза.

Литература

1. *Италия и новая Россия: вектор сотрудничества* // На перекрёстке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / под ред. Т.В. Зоной. Российская академия наук. Институт Европы. М.: Весь мир, 2011. 456 с.

2. *Арбатова Н.К.* Российско-итальянские отношения в контексте внешней политики Италии в начале XXI века [Электронный ресурс] // Италия в начале XXI века: сб. ст. по итогам конф. / отв. ред. А.В. Авилова, Ю.Д. Квашиин. Электрон. дан. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 154 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2015/2015_005.pdf (дата обращения: 05.04.2018).

3. *I nuovi rapporti tra Italia e Russia* // Farnesina. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. URL: http://www.esteri.it/MAE/IT/Politica_Estera/Aree_Geografiche/Europa/I_nuovi_rapporti.htm (дата доступа: 05.04.2018).

4. *Зонова Т.В.* Россия и Италия: история дипломатических отношений: учеб. пособие (ч. I) / Т.В. Зонова. М.: МГИМО (У), 1998. 64 с.

5. *Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Итальянской Республикой* [Электронный ресурс]: подписан 14 октября 1994 г., вступил в силу 22 мая 1997 г. / МИД: официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Электрон. дан. М., [б. г.]. URL: <http://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=c5dba7c8-a3d9-4bb9-a814-801a72d54db5> (дата обращения: 05.04.2018).

6. *Зонова Т.В.* Российско-итальянские отношения: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 51–57.

7. *Внешняя торговля России с Италией* [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. Электрон. дан. М., 2017. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/6fa06467-db6e-4d20-a088-6c0ca4404944/22.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=6fa06467-db6e-4d20-a088-6c0ca4404944> (дата обращения: 05.04.2018).

8. *Внешняя торговля России в 2015–2017 гг. (по данным ФТС России)* [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития Российской Федерации: Портал внешнеэкономической информации. Электрон. дан. М., [б. г.]. URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/countries_breakdown (дата обращения: 05.04.2018).

9. *Notification of general government deficit and debt according to the excessive deficit procedure* [Electronic resource] // Istat. Electronic data. Rome, 2017. URL: <https://www.istat.it/en/archive/204814> (access date: 05.04.2018).

10. *Italy's Economic Outlook* [Electronic resource] // Istat. Electronic data. Rome, 2017. URL: <http://www.istat.it/en/archive/205889> (access date: 05.04.2018).

11. *Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой о выплате Советскому Союзу репараций: двусторонние договоры* [Электронный ресурс] / МИД: официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Электрон. дан. М., [б. г.]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-1/49802?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D0%98%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата обращения: 05.04.2018).

12. *Катасонов В.* Репарации по итогам Второй мировой войны: вопрос окончательно не закрыт [Электронный ресурс] / Фонд стратегической культуры. Электрон. дан. [Б. м.], 2015. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/05/08/reparacii-po-itogam-vtoroj-mirovoj-vojni-vopros-okonchatelno-ne-zakryt-33235.html> (дата обращения: 05.04.2018).

13. *Италия избавилась от российского долга* [Электронный ресурс] // Коммерсант. Электрон. дан. [Б. м.], 2004. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/523852> (дата обращения: 05.04.2018).

14. *The Hague Declaration following the G7 meeting on 24 March* [Electronic resource]. Statement, The Hague, 24 March 2014 // European Commission. Press Release Database. Electronic data. [S. I], 2014. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_STATEMENT-14-82_en.htm (access date: 05.04.2018).

15. *Зонова Т.В.* Россия и Италия: предложения по развитию партнёрства // Аналитическая записка / Т.В. Зонова. М.: РСМД, Российский совет по международным делам, 2014. 22 с.

16. *Italy to expel North Korean ambassador over nuclear tests* [Electronic resource] // Politico. Electronic data. [S. I], 2017. URL: <https://www.politico.eu/article/italy-to-expel-north-korean-ambassador-over-nuclear-tests> (access date: 05.04.2018).

17. *U.S. Forms Anti-ISIS Coalition at NATO Summit sanctions* [Electronic resource] // Financial Times. Electronic data. [S. l], 2016. URL: <http://time.com/3273185/isis-us-nato> (access date: 05.04.2018).

18. *Глава МИД Италии: действия России в Сирии способствовали режиму перемирия* [Электронный ресурс] // РИА «Новости». Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <https://ria.ru/syria/20171013/1506775599.html> (дата обращения: 05.04.2018).

19. *EU prolongs sanctions over actions against Ukraine's territorial integrity until 15 September 2018* [Electronic resource] // The official website of the Council of the EU and the European Council. Electronic data. Brussels, 2018. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/03/12/eu-prolongs-sanctions-over-actions-against-ukraine-s-territorial-integrity-until-15-september-2018> (access date: 05.04.2018).

20. *EU agrees to extend economic sanctions on Russia until mid-2018* [Electronic resource] // Thomson Reuters Foundation News. Electronic data. England and Wales, 2017. URL: <http://news.trust.org/item/20171214194828-gn8uu> (access date: 05.04.2018).

21. *Анджелино Альфано: нет кризиса, по которому не нужен диалог с Россией, признаём* [Электронный ресурс] // РИА «Новости». Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <https://ria.ru/interview/20170326/1490835435.html> (дата обращения: 05.04.2018).

22. *Russia faces another 6 month of EU sanctions* [Electronic resource] // Time. Electronic data. [S. l], 2014. URL: <https://www.ft.com/content/fb0d69ae-2e2d-11e6-bf8d-26294ad519fc> (access date: 05.04.2018).

23. *Глава МИД Италии: Крым в составе России не признаём* [Электронный ресурс] // Regnum: информационное агентство. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <https://regnum.ru/news/2293454.html> (дата обращения: 05.04.2018).

24. *Западные страны выслали 140 российских дипломатов. Но у России их тысячи* [Электронный ресурс] // BBC: Русская служба. Электрон. дан. [Б. м.], 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43595299> (дата обращения: 05.04.2018).

25. *Федерика Мозерини: возврат к хорошим отношениям с РФ связан с разрешением конфликта на востоке Украины* [Электронный ресурс] // Интерфакс. Электрон. дан. [Б. м.], 2017. URL: <http://www.interfax.ru/world/559711> (дата обращения: 05.04.2018).

ПРОБЛЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕХАНИЗМА ЧЕТВЕРНОЙ СПИРАЛИ В РЕСУРСНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ¹

К.С. Саблин

В настоящее время в основе социально-экономического развития России находится модель, характеризующаяся активной добычей и экспортом на мировые рынки природно-минеральных ресурсов. Данный факт препятствует удлинению горизонта инновационного развития, создает барьеры для проведения модернизации обрабатывающих и добывающих отраслей экономики, сужает возможности

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Erasmus+ Programme, Jean Monnet Chairs 575545-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR «Quadruple Helix in the Context of the Russian Regions Development: EU Experience Implementation».

«самостоятельного» развития субъектов Федерации. В этом контексте ключевую роль играют регионы, богатые минерально-сырьевыми ресурсами (природный газ, нефть, уголь, черные и цветные металлы), поскольку именно они определяют место и конкурентные преимущества российской экономики в глобальном масштабе и от них, в первую очередь, зависит степень наполняемости бюджетов всех уровней в России. Данные регионы мы определяем как ресурсные регионы. В современных условиях, связанных с падением цен на многие экспортно-сырьевые товары, ограничением доступа добывающих компаний к финансовым ресурсам и технологиям в рамках введенных западных санкций, особое значение приобретает проблема поиска вариантов «перестройки» модели экстенсивной добычи и экспорта сырьевых товаров по пути ее трансформации в модель целостного развития на основе комплексного освоения недр, ведущего к возникновению положительных внешних эффектов в экономике на национальном и региональном уровнях.

Актуальность данной проблеме придает тот факт, что, как показывает анализ [1], регионы ресурсного типа РФ характеризуются развитием по пути анклавной двойственной экономики. Анклавная двойственная экономика базируется на предоставлении приближенным к власти определенным группам предпринимателей особых привилегий со стороны региональных властей. Этот вариант связан с формированием изолированного от остальной экономики высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора (анклава богатства), представленного предприятиями добывающих и промежуточных отраслей. Развитие данного сектора не дает существенных стимулов для модернизации региональной экономики, ее интеграции в общероссийское экономическое пространство, не создает достаточных стимулов для развития обрабатывающей промышленности, инновационного сектора. Более того, закрепление привилегий за представителями анклавов богатства служит источником отрицательных внешних эффектов, связанных с деформацией стимулов у предпринимателей из других секторов экономики, которые переориентируются с создания новой добавленной стоимости на рентоориентированное поведение, связанное с участием в перераспределении стоимости в высокопроизводительном экспортно-ориентированном секторе региональной экономики.

Наличие сравнительных преимуществ у предпринимателей, ориентированных на ренто-ориентированное поведение, порождает от-

рицательные внешние эффекты, снижающие стимулы к производительной деятельности у других предпринимателей, представляющих иные, нересурсные, секторы региональной экономики. Это ведет к тому, что стимулы к занятию производительным предпринимательством существенно снижаются. Оценивая целесообразность приложения своих усилий, предприниматели делают выбор между производительной и непроизводительной видами деятельности, при этом некоторые предприниматели разными способами активно участвуют в изменении правил игры в своих интересах [2]. С другой стороны, производительная деятельность предпринимателей влечет за собой значительные положительные внешние эффекты, т.е. выгоды, получаемые другими акторами региональной экономики. Под воздействием положительных внешних эффектов возможно увеличение количества предпринимателей, способных к реализации производительной деятельности, что в свою очередь ведет к повышению уровня образования и положительно воздействует на рост производительности труда [3. С. 192]. Иными словами, производительный предприниматель выступает опорой роста и источником шумпетерианских инноваций в экономике, а положительные внешние эффекты, связанные с его деятельностью, являются основой для проведения широкой модернизации региональной экономики и удлинения горизонтальных цепочек создания добавленной стоимости.

Пример отдельных стран и регионов в Европейском союзе показывает, что обращение к теме специализации в проведении НИОКР и осуществлении инноваций выступает ключевым фактором, даже если они не являются лидерами в научной и / или технологической области. В состав ЕС входят самые разные страны и регионы, каждый из которых обладает специфической экосистемой науки и инноваций, уникальным экономическим контекстом и индустриальной инфраструктурой. Для того чтобы стимулировать развитие регионов, ЕС активно поощряет разработку региональных стратегий «умной специализации», при этом такие стратегии должны быть индивидуальными, их нельзя разрабатывать исключительно на национальном уровне [4. С. 32]. В данном случае, полезным видится опыт ЕС в поиске и имплементации инструментов запуска инновационного развития в тех регионах, которые не преуспели в создании и распространении базовых изобретений и / или инноваций.

Для разработки региональных стратегий «умной специализации» используется модель четверной спирали, которая определяет взаи-

действие четырех стейкхолдеров (заинтересованных сторон) с целью обеспечения процесса генерации инноваций и экономического роста («умного», устойчивого и инклюзивного). Данными стейкхолдерами являются региональные органы власти, частные компании, академические / образовательные институты и гражданское общество. Ядром модели четверной спирали выступают пользователи инноваций, представленные гражданским обществом, и именно они определяют инновационный процесс и являются его движущей силой. Четверная спираль предполагает наличие связей между всеми стейкхолдерами, что способствует поддержанию инновационной деятельности граждан посредством предоставления необходимых инструментов, информации, платформ для разработок и навыков, необходимых для создания инноваций. Частные компании и государственный сектор могут в дальнейшем выгодно использовать созданные гражданами инновации. С другой стороны, применение модели четверной спирали дает возможность региональным органам власти запустить локально ориентированный предпринимательский процесс исследований, активного экспериментирования и изобретательства.

Предпринимательский процесс открытия позволяет выявить то, что регион делает лучше всего в терминах науки и технологий. В данном познавательном процессе предпринимательские акторы играют лидирующую роль в открытии потенциальных областей будущей специализации региона. Необходимо отметить, что предпринимательские акторы понимаются в широком смысле слова и представлены как фирмами, так и вузами, исследовательскими институтами, независимыми инноваторами. Все они обладают «рассеянным» знанием, необходимым для выявления потенциальных возможностей того или иного региона добиться успеха в инвестировании ресурсов в специфические приложения базовых изобретений. В этом контексте возникает проблема имплементации государственной политики на региональном уровне с точки зрения создания условий для предпринимательских акторов по поиску и открытию новых областей приложения своих усилий. Вместо бюрократически организуемого отбора «фаворитов» и предоставления привилегированного статуса отдельным предпринимателям и фирмам предполагается, что региональные органы власти будут стремиться [5. Р. 4]:

- создавать и поддерживать благоприятные институциональные условия для вовлечения предпринимателей и других акторов (вузы,

исследовательские лаборатории / институты) в открытие перспективных специализаций региона;

- проводить оценку эффективности использования ресурсов таким образом, чтобы не поддерживать малоперспективные сферы приложения открытий и инноваций и «впустую» не расходовать субсидии на поддержку неэффективных предприятий. Необходимо отметить, что в данном случае возникает вызов, представленный необходимостью защитить процесс оценивания от воздействия групп интересов, которые являются бенефициарами уже реализуемых программ поддержки тех или иных предприятий, или от «конкурентов», которые желали бы вовсе прекратить данный процесс;

- определять комплементарные инвестиции, связанные с возникающими специализациями в случае, если регион инвестирует в различные приложения использования технологий общего назначения.

Предпринимательским акторам приходится принимать во внимание положение акторов в других регионах, поскольку ключевая роль принадлежит региональному бизнесу, встроенному в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и способному «уловить» перспективные сферы приложения накопленных знаний [б. Р. 19]. Предприниматели лучше знают о тех сферах, где регион обладает преимуществами по ресурсам и видам деятельности, и данное знание «рассеяно» по всей региональной экономике. Собираение «рассеянного» знания связано с «эффектом перетекания», означающим, что общедоступная информация об открытиях и инновациях, которая обладает социально значимой ценностью, используется предпринимательскими акторами для имплементации продуктивных решений.

В рамках данной работы ставилась цель рассмотрения возможности использования опыта регионов ЕС в сфере имплементации механизма четверной спирали для поиска приложений, позволяющих запустить предпринимательский процесс открытия в ресурсных регионах РФ. Проведенные ранее исследования показали, что в настоящее время пока невозможно имплементировать механизм четверной спирали в ресурсных регионах, поскольку для этого существует ряд ограничений. В частности, ключевыми стейкхолдерами в подобных регионах являются крупные ресурсодобывающие компании, которые блокируют появление независимых компаний, чья активность направлена на формирование горизонтальных цепочек

создания добавленной стоимости посредством генерирования различных инноваций.

Позиция региональных властей характеризуется существованием «серой зоны» их взаимодействия с бизнесом [7]. Отношения «серой зоны» основаны на интересе выполнения властью своих публичных функций и на взаимной заинтересованности сторон в выживании территории. Власть предъявляет бизнесу требования по определенному объему квазифискальных платежей. Бизнес, в свою очередь, просчитывая выгоды от установления благоприятных для них отношений с региональной властью, идет на соответствующие расходы. В целом слабость третьего стейкхолдера (вузы, исследовательские институты) и несформированность четвертого стейкхолдера (гражданское общество) приводят к устойчивому существованию проблемы имплементации механизма четверной спирали в ресурсных регионах России.

Литература

1. Левин С.Н., Казан Е.С., Саблин К.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // *Journal of Institutional Studies*. 2015. Vol. 7, № 3.
2. Daokui Li. D., Feng J., Jiang H. Institutional Entrepreneurs // *The American Economic Review*. 2006. Vol. 96, № 2.
3. Баумоль У. Микротеория инновационного предпринимательства. М., 2013.
4. Караяннис Э., Григорудис Э. Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность // *Форсайт*. 2016. Т. 10, № 1.
5. Foray D., David P., Hall B. Smart Specialization – The Concept // *Knowledge Economists Policy Brief*. 2009. № 9.
6. Foray D. et al. Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specializations (RIS 3). Luxembourg, 2012.
7. Курбатова М.В., Левин С.Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // *Terra Economicus*. 2010. Т. 8, № 1.

ГОЛЛАНДСКИЙ ОПЫТ МИРОТВОРЧЕСТВА В РАМКАХ МИССИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 1998–2017 гг.

О.Ю. Смоленчук

В работе рассматриваются факторы, которые являлись определяющими для участия Королевства Нидерландов в миссиях, проводимых под эгидой Европейского союза с 1998 по 2017 г. За это вре-

мя произошли кардинальные изменения не только на международной арене (операция НАТО в Югославии в 1999 г., конфликты в Ираке и Афганистане, Сирии, связанные с ними вопросы миграции и глобального терроризма и т.д.). На этот период также пришлось пересмотр внешней и оборонной политики, принятие новых доктрин и редакция Конституции Королевства Нидерландов.

Франко-английская встреча в Мале в 1998 г. определила новое развитие в сфере формирования военных средств Европейского союза для урегулирования конфликтов и значительный сдвиг в голландской внешней политике в сторону общей политики и политики безопасности ЕС. В самих Нидерландах происходит переоценка внешней политики и участия в миротворческой деятельности, вызванная трагедией в Сребренице (1995 г.) и последующими за ней событиями. Активизацию Нидерландов в области европейского миротворчества можно также объяснить тем, что сам Европейский союз постепенно стал выступать как глобальный фактор конфликтного урегулирования, несмотря на свой субрегиональный международный статус. Таким образом, можно выделить две причины, почему Королевство Нидерландов перестало активно участвовать в миротворческих операциях ООН (начиная с вывода войск из миссии Эфиопии и Эритреи летом 2001 г.): во-первых, это потеря веры в ООН как организацию, способную осуществлять успешную миротворческую деятельность; во-вторых, рост операций по урегулированию кризисами под контролем НАТО, ЕС и другими *ad hoc* коалициями [1. Р. 707]. Среди причин внутренней политики неактивного участия нидерландцев в миротворческих миссиях нужно назвать, в целом, нестабильность правящих кабинетов с 2002 по 2007 г., отставка правительства Вима Кока в связи с публикацией Доклада о Сребренице Нидерландским институтом военной документации, рост праворадикальных настроений в голландском обществе, связанных с вопросами миграции, и т.д.

В обозначенный период произошли изменения в документах, формирующих и относящихся к выработке внешнеполитического курса и политике обороны Нидерландов. Быстроизменяющаяся международная и внутренняя обстановка требовала таких законодательных преобразований. С 1998 по 2017 г. были разработаны и приняты основополагающие документы в сфере голландской внешней политики и международной безопасности: Белая книга по обороне 2000 г. [2], Доктрина по обороне 2010 г. [3], Стратегия в облас-

ти международной безопасности 2013 г. [4], Белая книга по обороне 2013 г. [5] и Концептуальная записка стратегии в области международной безопасности 2014 г. [6]. Согласно принятой Конституции 2008 г. правительство должно было заранее информировать парламент при размещении или предоставлении военных соединений для поддержания международного правопорядка [7. Р. 24].

В Стратегии 2013 г., а затем и в других документах был подчеркнут круг вопросов, на которые нужно обратить внимание. Они касались функционирующего международного правопорядка, защиты своих национальных интересов и экономической безопасности [4. Р. 6]. Отмечалось, что характер конфликтов в странах Ближнего Востока, Северной Африки и странах Африки к югу от Сахары требует определенного комплексного типа миссий, и их необходимо выполнять в рамках интегрированного и эффективного подхода [8]. Но Европейский союз, в том числе и Нидерланды, имеет зону особой ответственности, потому что, например, такие страны, как Мали, Нигер, стали главными «перевалочными базами» для миграционных потоков беженцев и вынужденных переселенцев с африканского на европейский континент [6. Р.12].

Как отмечает А.И. Никитин, в настоящее время ЕС участвует в четырех типах миссий: военных, пограничных, полицейских и консультативных [9. С. 181]. Для Королевства Нидерландов актуальными являются пять миссий, и почти все они носят гибридный характер, т.е. имеют совместное управление с другими организациями, например с ООН и т.д. (Миссия ЕС по приграничной помощи в Секторе Газа, Миссия ЕС по приграничной помощи в Рафахе, Миссия учебной подготовки в Сомали, Миссия учебной подготовки в Мали, миссии ЕС по верховенству закона в Косово). При этом Европейский союз выступает против легитимизации собственного вмешательства через ООН. Всего за 1998–2017 гг. Нидерланды принимали участие в 11 операциях различного вида под эгидой Европейского союза.

Еще одним внутренним фактором является высокая политическая ответственность голландского правительства перед гражданами страны в своих действиях при реализации внешней политики. Несчастный случай в Мали в июне 2016 г., когда на mine подорвались трое голландских военнослужащих (двое погибли и один получил ранения), привел к добровольной отставке министра обороны Янине Хеннис-Плассарт и командующего Вооруженными силами Нидер-

ландов Тома Миддендорпа. Данный эпизод еще раз доказал незыблемость «концессуальной демократии» в голландском обществе и готовность правительства на открытый диалог и принятие ответственности.

Таким образом, говоря о факторах, определивших развитие голландского миротворчества в рамках миссиях ЕС, можно выделить следующее. Во-первых, Королевство Нидерландов потеряло образ идеалистически настроенного «отца-основателя» Европейского союза [10. Р. 397]. Во-вторых, голландское правительство стало подходить более прагматично к урегулированию конфликтов в рамках Европейского союза, учитывая свой «негативный» опыт в 1990-е гг. и возрастающие угрозы внутри страны. Третьим фактором является переход к операциям, где встает необходимость выполнения одной-двух приоритетных задач в рамках одной миротворческой миссии. 28 марта 2018 г. премьер-министр Нидерландов Марк Рютте на заседании Совета Безопасности ООН еще раз подтвердил это, отмечая «важность четких и ясных мандатов для оказания давления на стороны в конфликтах и нахождения политического решения» конфликта [11].

Литература

1. *Willigen N.A. van Dutch return to UN peacekeeping?* // *International Peacekeeping*, 2016. Vol. 23, No. 5.
2. *Summary of the Defense White Paper* / Netherlands Ministry of Defense. The Hague, 2010.
3. *The Defense Doctrine* / Netherlands Ministry of Defense. The Hague, 2010.
4. *International Security Strategy: A Secure Netherlands in a Secure World* / Netherlands Ministry of Foreign Affairs. The Hague, 2013. URL: <https://www.government.nl/binaries/.../international-security-strategy/ivs-engels.pdf>
5. *The White Paper «In the interest of the Netherlands»* / Netherlands Ministry of Defense. The Hague, 2013. URL: <https://www.defensie.nl/.../2013/...netherlands/in-the-interest-of-the-netherlands>
6. *Beleidsbrief Internationale Veiligheid – Turbulente Tijden in een Instabiele Omgeving* = [Policy Letter «International Security – Turbulent Times in an Unstable Environment»] / Ministerie van Buitenlandse Zaken. Den Haag, 2014. URL: <http://beleidsbrief-internationale-veiligheid-turbulente-tijden-in-een-instabiele-omgeving.pdf>
7. *The Constitution of the Kingdom of the Netherlands 2008* / Ministry of the Interior and Kingdom Relations, Constitutional Affairs and Legislation Division in Collaboration; Translation Department of the Ministry of Foreign Affairs. Den Haag, 2009.
8. *Brief van de ministers van buitenlandse zaken, van defensie, voor buitenlandse handel en ontwikkelingssamenwerking en van veiligheid en justitie* = [Letter from the Ministers of Foreign Affairs, Defense, Foreign Trade and Development Cooperation, and Security and Justice] // Tweede Kamer der Staten-Generaal. Vergaderjaar 2016–2017. 2017. 33694, № 11. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/kst-33694-11.html>

9. Никитин А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: учебник для студентов вузов по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение». М., 2017.

10. *Hellema Duco A. Dutch Foreign Policy: The Role of the Netherlands in World Politics.* Dordrecht: Republic of Letters Publishing, 2009.

11. *Statement by His Excellency Mr. Mark Rutte, Prime Minister of the Kingdom of the Netherlands.* New York, 28 March 2018. URL: <https://www.permanent-representations.nl/latest/news/2018/03/28/security-council-open-debate-collective-action-to-improve-un-peacekeeping-operations>

ПОЛИТИКА СПЛОЧЕНИЯ ЕС: ОТ РЕФОРМЫ 2013 г. К РЕФОРМЕ 2020 г.

Е.Ф. Троицкий

Политика сплочения Европейского союза, являющаяся ключевым и финансово наиболее «весомым» инструментом смягчения социально-экономических диспропорций в ЕС, модифицируется каждый раз, когда подходит к концу срок действия очередного многолетнего финансового плана Евросоюза. Реформы политики сплочения проводились в 1988, 1993, 1999, 2006 и 2013 гг.; при этом четыре принципа политики сплочения, заложенные реформой 1988 г. (концентрация, программирование, дополнительность и партнерство), оставались неизменными, но содержательные и территориальные приоритеты, инструменты и механизмы реализации политики сплочения подвергались корректировке, а иногда и существенно пересмотру [1. С. 120–126; 2].

Реформа политики сплочения 2013 г. впервые проводилась в условиях финансового кризиса еврозоны и политики жесткой экономии. Переговоры о бюджетных и содержательных характеристиках политики сплочения носили беспрецедентно сложный и затяжной характер. Среди стран ЕС выделились две неформальные группы: «Друзья сплочения» (все страны, вступившие в ЕС в 2000-е гг., Греция, Испания и Португалия) и «Друзья эффективных расходов» (Австрия, Великобритания, Германия, Италия, Нидерланды, Финляндия, Франция Швеция) [3. Р. 52]. Компромисс был достигнут в феврале 2013 г., но Европейский парламент, согласие которого на принятие многолетнего финансового плана ЕС стало необходимым согласно Лиссабонскому договору, отклонил проект этого документа, заявив

о необходимости более гибкого подхода к распределению бюджетных расходов [4]. Это потребовало переговоров между Советом и Парламентом. Только в декабре 2013 г. согласие было достигнуто, и Совет и Парламент приняли новые регламенты о политике сплочения и европейских структурных и инвестиционных фондах (Европейском фонде регионального развития – ЕФРР, Европейском социальном фонде – ЕСФ, Фонде сплочения, Европейском сельскохозяйственном фонде развития села, Европейском морском и рыболовном фонде) [5].

Бюджет ЕС на 2014–2020 гг. был впервые в истории европейской интеграции сокращен в абсолютном выражении. На политику сплочения на семь лет было выделено 351,8 млрд евро (32,5 % от общей расходной части бюджета ЕС). Стержневой идеей реформы стало обеспечение тесной связи политики сплочения со стратегией «Европа 2020» – концепцией экономического развития ЕС на 2010–2020 гг., принятой в июне 2010 г. Стратегия «Европа 2020», пришедшая на смену потерпевшей неудачу Лиссабонской стратегии, направлена на обеспечение «разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста» экономики ЕС, сочетающего инновационное, экологическое, социальное и территориальное измерения [6]. Ее задачи состоят в повышении уровня занятости; сокращении бедности; повышении доступности образования; увеличении инвестиций в науку и технологическое развитие; повышении энергоэффективности и содействии применению технологий, обеспечивающих сокращение выбросов углекислого газа.

Реформа 2013 г. установила две рамочные цели политики сплочения: «Инвестиции для роста и занятости» и «Европейское территориальное сотрудничество». Была существенно пересмотрена территориальная структура политики сплочения. В рамках цели «Инвестиции для роста и занятости» была введена трехъярусная классификация регионов: менее развитые регионы, где ВВП на душу населения составляет менее 75 % среднего для ЕС показателя; переходные регионы с ВВП на душу населения от 75 до 90 % средневропейского и более развитые регионы, где этот показатель превосходит 90 %. Распределение регионов по категориям было возложено на Еврокомиссию, использовавшую для этого данные 2007–2009 гг. и соответствующий средний показатель для ЕС [5. Р. 347]. Для различных категорий регионов были

установлены разные уровни финансирования из фондов ЕС: до 85 % для менее развитых регионов, до 60 % для переходных регионов и до 50 % для более развитых регионов.

Для сокращения расходов и более эффективного использования ресурсов реформа 2013 г. понизила предельный объем средств, которые страна может получить в рамках политики сплочения, с 4 до 2,35 % ВВП страны-реципиента (до 2,59 % для стран, чей средний реальный рост ВВП в 2008–2010 гг. составил менее –1 %) [8. Р. 18]. Был восстановлен «резерв эффективности», существовавший в 2000–2006 гг., но упраздненный реформой 2006 г. В «резерв» отошли 6 % ассигнований фондов, выделенных каждой стране в рамках цели «Инвестиции для роста и занятости» [5. Р. 347–349]. В 2019 г. Еврокомиссия на основании предложений национальных правительств проведет распределение резерва в пользу программ, показавших наибольшую эффективность.

Главным бенефициаром политики сплочения на 2014–2020 гг. осталась Польша, чья доля бюджетного «пирога» увеличилась почти на 10 млрд евро. Только для четырех стран – Польши, Болгарии, Румынии и Словакии – ассигнования в рамках политики сплочения возросли в абсолютном выражении.

Важнейшим нововведением стало принятие множества условий выделения средств фондов. Был утвержден ряд условий *ex ante* (предварительных условий), связанных с наличием в странах ЕС тщательно проработанных стратегических и политических документов, раскрывающих принятые в ЕС положения и ориентиры, регламентов, обеспечивающих реализацию операционных программ в соответствии с законодательством ЕС, а также призванных гарантировать обеспеченность центральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления, реализующих программы, адекватными административными и институциональными ресурсами. Под условиями *ex post* понимались «рубежные показатели», связанные со стратегией «Европа 2020», зафиксированные в Соглашениях о партнерстве, заключенных между каждой из стран ЕС и Еврокомиссией. Проверка их выполнения была намечена на 2019 г., и отрицательный результат может привести к приостановке или прекращению ассигнований [Ibid. Р. 438–456].

Кроме того, политика сплочения была впервые увязана с макроэкономическими условиями (ранее положение о возможности приостановки финансирования из-за невыполнения макроэкономических показателей фигурировало только в регламенте Фонда сплочения). Невыполнение странами рекомендаций Совета, касающихся исправления макроэкономических дисбалансов (например, сокращения бюджетного дефицита или уровня государственного долга), может послужить основанием для приостановки выплат. Решение о приостановке должно приниматься Советом на основании предложения Еврокомиссии [5. Р. 349–352]. Эта новация была негативно воспринята Комитетом регионов ЕС, региональными ассоциациями и рядом национальных правительств.

Таким образом, основным содержанием реформы 2013 г. стало введение системы условий выделения странам и регионам средств структурных и инвестиционных фондов ЕС и ужесточение финансовой дисциплины. Контекст для обсуждения параметров новой реформы европейской финансовой системы в целом и политики сплочения в частности задал миграционный кризис, поразивший Евросоюз в 2015–2016 гг., начавшийся процесс выхода Великобритании из ЕС и конфликт между правительством Польши и Еврокомиссией, констатировавшей нарушение Варшавой принципа верховенства права и предложившей Совету ЕС принять соответствующие меры [6]. В связи с предстоящим сокращением бюджета ЕС после выхода Великобритании из Союза (по экспертным оценкам, на 10,2 млрд евро в год [7. Р. 7]) и явным недовольством стран Западной и Южной Европы отказом стран Центральной Европы внести вклад в разрешение миграционного кризиса зазвучали предложения о сокращении бюджета политики сплочения, увязке выделения средств с политикой стран в отношении мигрантов и беженцев и отходе от традиционного принятия уровня ВВП на душу населения за основной критерий, определяющий распределение средств [8. Р. 5–7].

Еврокомиссия, обычно выступающая главным «адвокатом» политики сплочения, намекнула, что частью расходов на последнюю, возможно, придется пожертвовать. Еврокомиссар Г. Эттингер, известный тесными связями с руководством Германии, предложил обсудить возможность введения «политических» условий выделения странам ЕС средств структурных и инвестиционных

фондов [9], что дало бы Брюсселю мощный рычаг воздействия на Варшаву и Будапешт. Польские официальные лица, со своей стороны, стали делать заявления, приравнивающие платежи из фондов ЕС едва ли не к возмещению ущерба за потери страны во Второй мировой войне [10]. Очевиден «кризис доверия» между странами-донорами, считающими, что страны-бенефициары не проявляют должного уровня европейской солидарности, и странами-бенефициарами, полагающими, что на них пытаются оказать политическое давление, используя зависимость от структурных и инвестиционных фондов, тогда как их права на получение соответствующих выплат безусловны и зафиксированы в основополагающих документах ЕС. В этой связи можно прогнозировать, что переговоры о параметрах политики сплочения на первую половину 2020-х гг. будут сопровождаться беспрецедентной политизацией проблематики, публичностью и эмоциональной окрашенностью, а наметившаяся в 2013 г. тенденция к сокращению ассигнований, ужесточению финансовой дисциплины, умножению количества условий выделения помощи и расширению контролирующих полномочий Еврокомиссии усилится.

Литература

1. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб.: Норма, 2007.
2. Baun M., Marek D. Cohesion Policy in the European Union. L., N.Y.: Palgrave, 2014.
3. European Policy Center. The State of Play on the EU Multiannual Financial Framework (MFF) 2014 – 2020 Interinstitutional Negotiations. URL: <https://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/state-of-play-on-the-eu-mff-2014-2020-interinstitutional-negotiations.pdf>
4. European Parliament. Resolution of 13 March 2013 on the European Council Conclusions of 7/8 February 2013 concerning the Multiannual Financial Framework. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2013-0078+0+DOC+XML+V0//EN>.
5. Regulation (EU) № 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) № 1083/2006. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R1303&from=EN>.
6. European Commission. Press Release. Rule of Law: European Commission Acts to Defend Judicial Independence in Poland. Brussels, 20 December 2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-5367_en.htm

7. *European Parliament*. Possible Impact of Brexit on the EU Budget and, in particular, CAP Funding. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU\(2017\)602007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU(2017)602007_EN.pdf)

8. *European Regional Policy Research Consortium*. Reshaping the EU Budget and Cohesion Policy: carrying on, doing less, doing more, or radical redesign? Glasgow: University of Strathclyde, 2017.

9. *EUobserver*. Political Conditions for EU Funds Prompt Debate. URL: <https://euobserver.com/institutional/138354>.

10. *The Economist*. Poland's Ruling Party Picks a Fight with Germany. URL: <https://www.economist.com/news/europe/21726708-raising-question-reparations-may-not-be-sensible-move-polands-ruling-party-picks-fight>

ПРОГРАММА «ТЕМПУС» В РОССИИ (1994–2013): ИСТОРИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ

А.Е. Фоминых

Процесс интернационализации российских университетов в новейший период имеет свою историю, в которой наблюдаются определенные закономерности. Полноценное развитие международных связей учреждений высшей школы не только в пределах «социалистического лагеря», но и всего мира, стало возможным после окончания «холодной войны» и устранения «железного занавеса» между СССР и странами Запада в результате политики перестройки и провозглашенного советским руководством «нового политического мышления». Деидеологизация высшей школы открывала для отечественных университетов ранее неизвестные преимущества сотрудничества с западным академическим сообществом и включения в глобальную академическую среду. Поэтому период перестройки характеризовался резкой сменой интересов вузовской общественности в пользу сотрудничества с Западом, развитием, а во многих местах появлением ранее не существовавших международных связей. Складывалась и правовая база для сотрудничества – как на межгосударственном, так и на региональном и локальном (межвузовском) уровнях.

Распад Советского Союза и связанные с этим процессы становления новой государственности и рыночной экономики поставили высшую школу России и других постсоветских государств в кризисное положение. В новых условиях сотрудничество с зарубежными странами стало восприниматься прежде всего как источник донорской помощи. Важнейшим партнером Российской Федерации

в постсоветский период становится Европейский союз. В самом ЕС оказание технического содействия странам с переходной экономикой считалось задачей политического уровня. Брюссель рассматривал задачу структурной перестройки российского высшего образования и привития новой, приближенной к европейскому пониманию академической культуры в контексте развития демократических институтов и рыночной экономики, что обеспечило бы долгосрочные добрососедские отношения. Для Прибалтийских республик бывшего СССР – Латвии, Литвы и Эстонии – участие в программах технического содействия Евросоюза стало также важным этапом на пути к их последующей интеграции в ЕС.

Важнейшим инструментом реформирования российского образования и его интеграции в Европейское образовательное пространство стала программа «Темпус». Отчасти история программы отражена в ее названии: TEMPUS (Trans-European Mobility Programme for University Studies) была изначально ориентирована на содействие реформированию университетов в странах Центральной и Восточной Европы – кандидатах на вступление в ЕС. В дальнейшем «Темпус» стало именем собственным для обозначения Программы трансевропейского сотрудничества в сфере высшего образования (Tempus, Trans-European Cooperation Scheme for Higher Education), действие которой было распространено и на «новые независимые государства».

Программа «Темпус» была учреждена в 1990 г. В зависимости от положения государств-получателей содействия программа «Темпус» являлась компонентом более масштабных программ оказания содействия реформам: FARE (для Центральной и Восточной Европы), CARDS (для Балкан) и MEDA (Средиземноморский регион). Страны бывшего СССР, а также Монголия были отнесены к ареалу программы «Тасис» (Tacis, или TACIS: Technical Assistance for Commonwealth of Independent States and Mongolia). Наряду с образованием, приоритетными областями сотрудничества в рамках «Тасис» были реформа системы государственного управления, реорганизация госпредприятий и развитие частного сектора, инфраструктура транспорта и связи, энергетика, ядерная безопасность и окружающая среда, сфера социальной защиты.

В 1993 г. решением Совета ЕС была распространена на Российскую Федерацию, Беларусь и Украину, а в 1996 г. – на остальные республики бывшего СССР и Монголию. На этом пространстве в сферу действия программы «Темпус Тасис» были вовлечены более

1 700 университетов, в которых обучалось более 5 млн студентов [1]. Исторически это были вторая (Tempus II (1994–1996), и «вторая дополненная» (Tempus II bis, 1996–1998) стадии программы. На этом этапе происходили и важные институциональные изменения: администрирование программы было передано от Брюсселя Европейскому фонду образования (European Training Foundation) в Турине. По сравнению с программой «Темпус ФАРЕ» для стран Центральной и Восточной Европы, в программе «Темпус Тасис» был очевиден акцент на связь с политическими и экономическими преобразованиями в странах-партнерах, в которых университетам отводилась роль «агентов общественных перемен». Как отмечал руководитель Генерального директората Европейской комиссии по образованию и культуре Отто Дибелиус, «университеты являются ключом к реформе в области образования, а образование – ключом к всеобъемлющей реформе» [2].

Сотрудничество концентрировалось в сфере развития и пересмотра учебных планов университетов в приоритетных отраслях (curriculum development), реструктуризации системы управления вузами, сотрудничества с реальным сектором экономики и развития предпринимательства, содействия академической мобильности и приобретения нового оборудования. В качестве основной формы работы были предложены хорошо зарекомендовавшие себя в Центральной и Восточной Европе совместные Европейские проекты (Joint European Project, JEP) продолжительностью до трех лет. Именно в этот период формируются те модели сотрудничества, которые с незначительными вариациями дошли до сегодняшнего дня (в формате проектов Capacity Building программы Erasmus+).

Третья фаза программы «Темпус» была рассчитана на период с 2000 по 2006 г. и в целом повторяла набор приоритетов «Темпус II». Для России ключевым событием этого периода стало присоединение 19 сентября 2003 г. к Болонской декларации, ориентированной на формирование единого Европейского пространства высшего образования. Этот шаг кардинальным образом изменил российскую университетскую среду и, как любая радикальная реформа, расколол академическое сообщество. Но в тот момент Россия продемонстрировала, что придерживается именно европейского вектора в реформировании системы высшего образования и отказывается от части локальных традиций в пользу включенности в глобальное пространство науки и образования.

Завершающая фаза – «Темпус IV» (2007–2013) – разворачивалась уже в новых условиях, когда мотивом к сотрудничеству становилась не

только университетская «инициатива снизу», но и все более отчетливые сигналы со стороны руководства страны. Российские университеты – в большинстве своем бюджетные учреждения – не могут быть полностью автономными и следуют государственному политическому курсу. В 2008–2012 гг. (в президентский срок Д.А. Медведева) этот курс формулировался достаточно четко как ориентация на комплексную модернизацию. Движущей силой международного академического сотрудничества становился не только академический интерес и инициатива «снизу» (bottom-up approach), но и побуждение «сверху». Модернизация как «догоняющее развитие» для университетов означала ориентацию на рост потоков международной мобильности, вовлечение в международные исследовательские проекты с перспективой разработки и последующей коммерциализации реальных технологий и продуктов, инфраструктурные и институциональные изменения – с оглядкой на наиболее успешные зарубежные примеры. Вводились и иные международные практики оценки эффективности работы вузов – через позиционирование в национальных и международных рейтингах, внедрение наукометрических показателей и др.

В этих условиях университеты, обладающие опытом реализации проектов «Темпус», получили очевидные конкурентные преимущества. Они знали, чего ожидать от проводимых властями реформ, или, по крайней мере, лучше представляли себе, на какие именно результаты следует ориентироваться. Показательно, что все наиболее успешные российские вузы имеют достаточно солидный «послужной список» реализованных проектов «Темпус». В стране сформировался пусть и небольшой, но достаточно влиятельный слой (или академическая субкультура) международно-ориентированных профессоров и администраторов, обладающих опытом сотрудничества с иностранными партнерами. Многие факультеты и направления подготовки были созданы практически «с нуля» исключительно благодаря проектам «Темпус». Европейские проекты прививали россиянам новый, сетевой принцип совместной работы – то, что сейчас является нормой, а в 1990-х воспринималось как инновация. Связи между российскими и европейскими партнерами, установленные в рамках проектов «Темпус», как правило, не обрывались по их завершении, а развивались в новых форматах. Для многих небольших региональных вузов участие в программе стало настоящим прорывом во внешний мир и помогло преодолеть «трудности переходного периода».

Несмотря на ухудшение общего фона отношений с Евросоюзом и рост «охранительных» тенденций внутри российской высшей школы после 2014 г., откат университетов к архаике времен «холодной войны» сегодня вряд ли возможен. Это подтверждается устойчивым ростом студенческой и преподавательской мобильности в страны ЕС уже в рамках программы Erasmus+ (с 2013 г.). В обозримой перспективе Европейский союз остается важнейшим внешним стратегическим партнером Российской Федерации, а значит, и взаимное притяжение российских и европейских университетов сохранится.

Литература

1. *Tempus Tacis Compedium* 96/97 (Part I), Draft 21/03/97 / Working Document/. 63 p.
2. *Перспективы сотрудничества в области высшего образования на 2000–2006 годы при содействии Европейского союза* // Темпус: матер. конф. Киев, 1999. С. 165.

ПРОБЛЕМА ИСЛАМОФОБИИ В ГЕРМАНИИ, 2015–2016 гг.

И.В. Цибизова

На 2016 г. в Германии проживало 4,9 млн мусульман, что составляет 6,1 % от всего населения страны [1]. Эти незначительные цифры вызывают все большее беспокойство со стороны немцев и доставляют неудобства мусульманам. В январе 2015 г. американский фонд Бертельсмана провел исследование, выявившее, что 61 % немецкого населения верит, что ислам не совместим с западным обществом [2], а опрос общественного мнения в 2016 г. показал, что примерно 40 % населения поддержали запрет на иммиграцию мусульман в Германию [3]. Согласно данным Федерального ведомства уголовной полиции ФРГ (ВКА), по сравнению с 2014 г. наблюдается резкий рост числа нападений на пункты размещения беженцев и мечети [4. P. 5].

Растет популярность правых движений и партий, таких как «Пегиды» (Pegida) и «Альтернатива для Германии» (АдГ). В головную организацию «Пегиды» в 2015 г. входило 25 тыс. человек. Опрос общественного мнения в конце 2016 г. показал, что 20 % респондентов были готовы проголосовать за АдГ на выборах в бундестаг [Ibid. P. 19, 26–27]. Учащаются случаи дискриминации по религиозному и этническому принципу в области трудовых отношений. В 2016 г. университет Бонна провел эксперимент. По его результатам девушка с ту-

рецким именем без хиджаба получила на 5–6 % меньше приглашений на собеседование, чем девушка с немецким именем, а девушка в хиджабе – на 15 % меньше. Существуют формальные ограничения на ношения хиджабов на государственной службе или в образовательном учреждении [4. Р. 22]. Сфера образования также оказалась подвержена дискриминации. Анализ содержания учебных программ показал, что немецкие школьные учебники преимущественно содержат негативные изображения мусульман с такими атрибутами, как «странные», «архаичные», а ислам изображается как проблема европейского общества [7. Р. 12].

СМИ не обошли стороной данный вопрос. Наиболее ярким примером является освещение событий в Кёльне в канун 2016 г., когда на девушек были совершены множественные нападения. Некоторые печатные издания (*Focus*, *Süddeutsche Zeitung*) при критическом анализе ситуации использовали антииммигрантские обложки [4. Р. 22].

Однако в Германии проявляются и обратные настроения. Согласно исследованиям *Pew Research Center*, в 2016 г. 59 % опрошенных немцев уверены, что этническая и религиозная принадлежность не влияет на склонность к правонарушениям, а 85 % высказали мнение, что лишь небольшое число немецких мусульман исповедует радикальный ислам [1]. Противодействие как со стороны простого населения, так и в лице высших должностных лиц встречают действия и идеология «Пегиды» и «Альтернативы для Германии» [6].

Правительство и неправительственные организации имеют богатый опыт борьбы с ксенофобией. На национальном уровне с 2006 г. действует антидискриминационный закон и функционирует Федеральное бюро по борьбе с дискриминацией (ADS). Каждые несколько лет правительство принимает стратегии по профилактике экстремизма и развитию демократии. В 2016 г. была принята новая стратегия «Demokratie leben!», действующая до 2019 г. и затрагивающая работу всех ведомств и министерств. Кроме того, происходит активное сотрудничество с национальными и религиозными союзами, например с Исламской конференцией Германии [8].

СМИ являются едва ли не важнейшим компонентом борьбы со стереотипами и религиозным расизмом. Наиболее активную работу в этой области проводят Ассоциация издателей журналов Германии, медиакомпания *ARD*, *ZDF*, *DeutscheWelle* [9. С. 182].

Все вышеперечисленное – лишь «капля в море» из того, что делает государство и негосударственные акторы для нормализации жиз-

ни общества, но результаты этих действий можно будет оценить лишь по прошествии времени. Нельзя не отметить рост религиозной и этнической дискриминации, однако он не является общенациональным трендом, и важно учитывать действия государства и общества по активному противодействию исламофобии.

Литература

1. *The Growth of Germany's Muslim Population*. 2016 [Электронный ресурс]. Pew Research Center – URL: <http://www.pewglobal.org/2016/07/11/negative-views-of-minorities-refugees-common-in-eu/> (9.03.18).
2. *Enes Bayrakli, Farid Hafez, EUROPEAN ISLAMOPHOBIA REPORT 2015*. Germany [Электронный ресурс]. URL: http://www.islamophobiaeurope.com/reports/2015/en/EIR_2015_GERMANY.pdf (9.03.18).
3. *Islam does not belong in Germany, 60% agree with AfD*, RT, 5 May 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rt.com/news/341888-islam-germany-poll-afd/> (9.03.18).
4. *Enes Bayrakli, Farid Hafez, EUROPEAN ISLAMOPHOBIA REPORT 2016*. Germany [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamophobiaeurope.com/wp-content/uploads/2017/03/GERMANY.pdf> (9.03.18).
5. *Alexander Klose, Doris Liebscher, Antidiskriminierungspolitik in der deutschen Einwanderungsgesellschaft*. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/Projekte/28_Einwanderung_und_Vielfalt/Studie_IB_Antidiskriminierungspolitik_in_der_deutschen_Einwanderungsgesellschaft_2015.pdf (9.03.18).
6. *В Германии около 100 тысяч человек приняли участие в демонстрациях против исламофобии* [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1693139> (9.03.18).
7. *Nina Mühe. Managing the Stigma: Islamophobia in German Schools*, 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://file.insightturkey.com/Files/Pdf/muhe_5.pdf (9.03.18).
8. *Strategie der Bundesregierung zur Extremismusprävention und Demokratieförderung*. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2016/strategie-extremismuspraevention-und-demokratieforderung.pdf?__blob=publicationFile&v=3 (9.03.18).
9. *Ферри Пауи. Образ мигрантов в общественном сознании и СМИ в Германии // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России*. СПб., 2016.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ БРЕТОНСКОЙ ПАРТИИ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО БРЕТОНСКОГО СОЮЗА

Н.Е. Чугунова

Бретонская партийная жизнь зарождается с конца XIX в. Начиная с деятельности первой партии Бретани «Союз бретонских регионалистов» [1], прослеживаются регионалистские и сепаратист-

ские настроения бретонцев. На протяжении XX в. Бретань пережила значительные политические потрясения, в ходе которых появились многие политические партии и движения, такие как «Социалистическая федерация Бретани», Бретонская националистическая партия, партия «Бретань навсегда», партия «Друзья Мерлина», «Партия бретонских автономистов» [2]. Эти организации в качестве своих основных задач рассматривали независимость от основной части Франции. Идея единства кельтских наций занимает важное место в политической линии бретонских партий. Но с течением времени партийная повестка трансформируется. Однако регионалистский, сепаратистский и националистический окрас остается неизменным в публичном дискурсе бретонских партий.

Для рассмотрения были выбраны две современные политические партии Бретани с ярко выраженной регионалистской направленностью: Бретонская партия [3] и Демократический бретонский союз [4]. Бретонская партия представляет собой политическое движение, созданное в 2000 г. По положению в рамках политического спектра партия является центристской, но ее основные политические черты квалифицируют ее как регионалистскую партию. Основные программные подходы партии направлены на то, чтобы наделить историческую область Бретань (4 региона, а также спорный регион Атлантическая Луара) необходимыми институтами для ее экономического, социального, культурного, экологического и политического развития по образу других европейских регионов со значительной автономией, таких как Северная Ирландия, Шотландия или Каталония. Бретонская партия призывает к созданию бретонского государства, которое должно стать полноправным членом Европейского союза со своей конституцией [5].

Партия настаивает на особом статусе для полуострова и праве на самоуправление в таких областях, как образование, язык, налоги, решение местных вопросов. Отдельным и болезненным вопросом для каждого бретонца является бретонский язык, его дальнейшее развитие. На сегодняшний день на нем говорят почти 300 000 чел. Язык, в понимании партии, – это ценное наследие, центральная часть бретонской культуры и гордость региона. Однако, начиная с Французской революции, Франция проводит языковую политику, направленную на ущемление бретонского языка и навязывание французского [5]. В отличие от многих европейских языков, бретонский язык не имеет статуса официального языка Европейского сою-

за, как, например, другие языки национальных меньшинств (баскский, каталонский, галисийский или ирландский), и не имеет официального статуса на национальном уровне [6].

По мнению сторонников Бретонской партии, Франция является весьма централизованным государством, в котором роль местных властей принижается, умножаются административные структуры без реальной необходимости в их существовании. Таким образом, французское государство использует хорошо известный древнеримский принцип: «divide et impera». Такая система обеспечивает полное доминирование центральной власти над регионами, что способствует административному беспределу [5].

Экономика Бретани ориентирована на сельское хозяйство, агропродовольственную промышленность, но партийное руководство настроено развивать другие сферы экономики для того, чтобы вывести полуостров на европейский уровень. Учитывая полуостровное положение Бретани, партия настроена развивать морские пути и порты, туризм, чтобы в будущем играть роль морского перекрестка Европы.

Бретонская партия обвиняет французское государство в историческом давлении на Бретань – вместо того чтобы развиваться, регион вынужден выживать. Из-за централизованной экономики Бретань не может развиваться по «своему» пути. Мировой экономической кризис, поразивший Францию в 2008 г., и неспособность правительств решить проблемы массовой безработицы, нестабильности и дефицита государственных финансов вызвали недовольство и значительную усталость в бретонском обществе и в регионах Западной Франции [Ibid.]. Партия считает Французскую республику неспособной укрепить свои регионы, так как ее экономический курс показал свою несостоятельность.

В своих интервью президент Бретонской партии Оливье Бертело старается избегать словосочетания «Европейский союз», предпочитая более общее слово «Европа». Однако риторика противоречива. С одной стороны, политическому, наднациональному союзу президент партии скорее предпочитает союз наций. С другой стороны, для облегчения совместного общеевропейского принятия решений, повышения прозрачности действий необходимо, чтобы Европа ускорила свою политическую, экономическую и социальную интеграцию. Но для создания сильной Европы необходимы регионы с сильной экономикой. Таким образом, развитие сильного региона Бретань пар-

тия планирует отдать в руки сильной Европы, которая благодаря своей региональной и экономической политике уже показала свою мощь.

В современном мире прозрачных и размытых границ Европа должна продолжать продвигать свою социальную модель и идеи свободы. Лозунг «Европа – гарант свобод» более актуален, в то время как Французская республика является «централизованным, безответственным и дорогостоящим государством» [7].

Бретонская партия участвовала в выборах нескольких уровней. На парламентских выборах 2007 г. партия выдвинула четырех кандидатов, каждый из которых набрал не более 1,5 %. На европейских выборах 2009 г. Бретонская партия представила независимый список в Западном избирательном округе, но проводила кампанию только в пяти регионах Бретани и получила 2,45 % голосов [8]. В целом избирательные кампании даются Бретонской партии с большим трудом. Процент голосов избирателей мал как на местных выборах, так и на национальных и европейских.

В отличие от Бретонской партии, Демократический бретонский союз – более опытный и более влиятельный региональный игрок на политическом пространстве Франции.

В 1964 г. шестнадцать молодых людей организовали партию «Демократический бретонский союз», бретонскую автономистскую партию с явными левыми взглядами [1]. На сегодняшний день партия является одной из важнейших региональных партий Бретани, ее члены присутствуют как в локальных администрациях, так и в Национальном собрании Франции [9]. Эта организация является левой, экологической, присутствующей не только в Бретани, но и во всей Франции через федерацию «Регионы и солидарность народов» [10]. Федерация является коалицией сторонников автономии, регионализма и независимости на территории Французской Республики. На европейском уровне партия представлена в качестве члена Европейского свободного альянса – европейской политической партии, представленной в Европарламенте.

Партийные лидеры выступают за демократизацию Республики, так как считают, что Франция имеет слишком централизованную политическую систему. С момента своего создания партия работает над строительством такого государства, в котором Бретань будет наделена особым статусом и своими институтами. Активисты выступают за общество, ставящее экономику на службу человеку, развивающее экологически безопасную промышленность, а также рабо-

тающее над изменением формы государственного устройства – вместо Французской Республики предполагается создание Французской Федерации [11].

В партийном дискурсе звучит поддержка сильной, демократической Европы, способной защитить себя на международной арене. Поддерживая европейскую социальную политику, партийные деятели утверждают, что именно эта сфера поможет сплотить европейцев. Вместо «Европы государств» предлагается создать федеративную «Европу народов», которая позволила бы выйти за пределы национальных государств без создания наднациональной Европы. В дискурсе партии просматривается нежелание признавать Европейский союз в качестве наднационального образования. Одним из центральных вопросов в политической риторике партии является экологическая составляющая [12].

Стоит отметить, что данная партия имеет свое молодежное отделение [13]. Молодые участники отделения деятельно лоббируют интересы головной партии. Сторонники партии, однако, гораздо активнее представляют себя на различного рода манифестациях, маршах, митингах, чем на политической арене [14]. Ряд представителей партии являются членами местных администраций.

При сравнении бретонских политических партий стоит отметить несколько общих черт. Главное сходство заключается в том, что в программных документах партий присутствует явная регионалистская повестка: независимость и автономия Бретани для обеих партий – обязательное условие исполнения их политических требований. Обе партии являются сторонниками идеи «Европы регионов». Будучи еврооптимистами, партийные лидеры все же не рассматривают Европейский союз в качестве мощного политического игрока. Сильные регионы – залог сильной Европы. Еще одним сходством является одинаковое отношение к французскому государству как к уже изжившему себя политическому организму. Франция, в соответствии с дискурсом обеих партий, должна реализовать значительные реформы в области государственного управления для того, чтобы выйти из политического, экономического, социального застоя.

Литература

1. *Pasquier R.* L'Union Démocratique Bretonne ou les limites de l'expression partisane autonomiste en Bretagne / R. Pasquier // Pôle Sud. 2004/1 (№ 20). P. 113–132.
2. *Fournis Y.* Les régionalismes en Bretagne: la région et l'État (1950–2000). Bruxelles, 2006. P. 55–59.

3. *Parti breton* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://partibreton.bzh> (mode of access: 15.03.2018).
4. *L'Union Democratique Breton* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://www.udb.bzh> (mode of access: 15.03.2018).
5. *Parti breton, programme officiel* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://partibreton.bzh/index.php/programme> (mode of access: 15.03.2018).
6. Коадик Р.Л. Бретонские контрасты / Р.Л. Коадик // Этнографическое обозрение. 2003. С. 78–93.
7. *Parti breton, Alain Malardé candidat dans la 2e circonscription* [Resource électronique] // Le Telegramme : site. URL: <http://www.letelegramme.fr/morbihan/port-louis/parti-breton-alain-malarde-candidat-dans-la-2e-circonscription-14-04-2017-11475529.php> (mode of access: 15.03.2018).
8. *Parti breton, les elections* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://partibreton.bzh/index.php/elections> (mode of access: 15.03.2018).
9. *Assemblée national* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/> (mode of access: 15.03.2018).
10. *Regions et peuples solidaires* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <https://www.federation-rps.org/> (mode of access: 15.03.2018).
11. *L'Union Democratique Breton, Nos objectifs* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://www.udb.bzh/nos-objectifs> (mode of access: 15.03.2018).
12. *L'Union Democratique Breton, Qui somme nous* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <http://www.udb.bzh/nous-decouvrir/qui-sommes-nous> (mode of access: 15.03.2018).
13. *UDB Jeunes* [Resource électronique] // Site officiel. URL: <https://udbjeunes.com/> (mode of access: 15.03.2018).
14. *L'UDB Jeunes en marche pour le train* [Resource électronique] // Le Peuple Breton: site. URL: <http://lepeuplebreton.bzh/2016/06/18/udb-jeunes-en-marche-pour-le-train> (mode of access: 15.03.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Надежда Вячеславовна, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: nvvasileva_2@edu.hse.ru

Вольфсон Савелий Вольфович, к.и.н., доцент, кафедра новой и новейшей истории и международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: volfson@dir.tsu.ru

Вишкова Анастасия Александровна, магистрант, кафедра экономической теории и государственного управления, институт экономики и управления, Кемеровский государственный университет.

E-mail: a.vschivkova@yandex.ru

Губарева Илона Владимировна, ассистент Центра превосходства им. Жана Монне, Томский государственный университет.

E-mail: pripevoch_ka@mail.ru

Дериглазова Лариса Валериевна, д.и.н., профессор, кафедра мировой политики, исторический факультет, директор Центра превосходства им. Жана Монне, профессор им. Жана Монне, Томский государственный университет.

E-mail: dlarisa@inbox.ru

Дмитриенко Алексей Алексеевич, магистрант, Томский государственный университет.

E-mail: crysis.ru.95@mail.ru

Злобина Елизавета Олеговна, студентка, отделение международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: liza_zlob@mail.ru

Зуева Татьяна Владимировна, магистрант, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Томский государственный университет.

E-mail: tatianazuevank@mail.ru

Катаман Дмитрий Олегович, аспирант, кафедра всеобщей истории, исторический факультет, Омский государственный университет.

E-mail: katamandmitry@gmail.com

Крупец Яна Николаевна, к.с.н., доцент, заместитель директора ЦМИ, НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург.

E-mail: krupets@gmail.com

Кузнецова Мария Александровна, магистрант, отделение международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.
E-mail: 79528818483@yandex.ru

Лекаренко Оксана Геннадьевна, д.и.н., профессор, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Томский государственный университет.
E-mail: olekarenko@gmail.com

Лескина Наталья Владимировна, ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет.
E-mail: nathalieleskina@gmail.com

Малышева Нина Сергеевна, к.и.н., доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет.
E-mail: nimmer@rambler.ru

Матвеева Елизавета Аркадьевна, к.и.н., доцент, кафедра мировой истории и международных отношений, Иркутский государственный университет.
E-mail: elizmatv@yandex.ru

Мирошников Сергей Николаевич, к.и.н., доцент, профессор им. Жана Монне, директор Центра исследований международных организаций и сетевых структур, Томский государственный университет.
E-mail: smiroshnikov64@mail.ru

Морозова Анна Евгеньевна, к.и.н., доцент, отделение международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.
E-mail: ann.morozo@yandex.ru

Муратишина Ксения Геннадьевна, к.и.н., доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет.
E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Неупокоева Юлия Александровна, магистрант, кафедра всеобщей истории и социально-политических наук, институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет.
E-mail: yulia.neupokoewa@yandex.ru

Олейников Илья Васильевич, к.и.н., доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет.
E-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Омельченко Елена Леонидовна, д.с.н., профессор, директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.
E-mail: eomelchenko@hse.ru

Пакулин Виталий Сергеевич, магистрант, отделение международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: truehickey@gmail.com

Погорельская Анастасия Михайловна, к.и.н., старший преподаватель, заместитель директора Центра международного научного сотрудничества, Томский государственный университет.

E-mail: lisbonne@rambler.ru

Потапов Павел Александрович, магистрант, отделение международных отношений, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: potapovpaul09@gmail.com

Роже Лола, магистрант, юридический факультет, Томский государственный университет – Университет Люмьер Лион 2, Франция.

E-mail: lola.rouze@gmail.com

Саблин Кирилл Сергеевич, к.э.н., доцент, кафедра экономической теории и государственного управления, институт экономики и управления, Кемеровский государственный университет.

E-mail: sablin_ks@mail.ru

Саблина Анастасия Андреевна, стажер-исследователь Центра молодежных исследований, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

E-mail: asablina@hse.ru

Самутина Ольга Сергеевна, соискатель, Кемеровский государственный университет.

E-mail: olga_samutina@mail.ru

Смоленчук Ольга Юрьевна, к.и.н., Международный ресурсный центр, Научная библиотека, Томский государственный университет.

E-mail: smolenchuk@gmail.com

Супрыгина Галина Гавриловна, к.и.н., доцент, кафедра мировой политики, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: askis@ngs.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич, д.и.н., профессор, кафедра мировой политики, Томский государственный университет.

E-mail: eft@rambler.ru

Ульянов Павел Владимирович, аспирант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Алтайский государственный университет.

E-mail: imperialnext@mail.ru

Фоминых Алексей Евгеньевич, начальник отдела международных программ и проектов, научный сотрудник Центра совершенства им. Жана Монне, Поволжский государственный технологический университет.

E-mail: alexfom@volgatech.net

Фоменко Светлана Владимировна, д.и.н., профессор, исторический факультет, Омский государственный университет.

E-mail: fomenk@gmail.com

Франсберг Малин София, д.с.н., Университет Тампере, Финляндия.

E-mail: malin.fransberg@uta.fi

Халхалкина Елена Владимировна, д.и.н., профессор, исторический факультет, Томский государственный университет.

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Цибизова Ирина Владимировна – студентка, исторический факультет, отделение международных отношений, Томский государственный университет.

E-mail: irka_656@hotmail.com

Чернышов Юрий Георгиевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, директор Алтайской школы политических исследований, председатель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки, Алтайский государственный университет.

E-mail: ashpi@ya.ru

Чугунова Надежда Евгеньевна, аспирант, Иркутский государственный университет.

E-mail: chugunova38@yandex.ru

Юматов Константин Владимирович, к.и.н., доцент, Кемеровский государственный университет.

E-mail: yumatov@list.ru

AUTHOR INFORMATION

Deriglazova Larisa V., Professor, Doctor of Science in History, Jean Monnet Chair, Director of Jean Monnet Centre of Excellence, Tomsk State University.
E-mail: dlarisa@inbox.ru

Dmitrienko Aleksey. A., Master's Degree student, Tomsk State University.
E-mail: crysis.ru.95@mail.ru

Fominykh Aleksey E., Head of International programmes and Projects Department, researcher Jean Monnet Centre of Excellence, Volga State University of Technology.
E-mail: alexfom@volgatech.net

Fomenko Svetlana V., doctor of science in history, professor, faculty of history, Omsk state university.
E-mail: fomenk@gmail.com

Fransberg Malin Sofia, Doctor of Sociological Sciences, University of Tampere, Finland.
E-mail: malin.fransberg@uta.fi

Gubareva Ilona V., Assistant of Jean Monnet Centre of Excellence, Tomsk State University.
E-mail: pripevoch_ka@mail.ru

Chernyshov Yury G., Professor, Doctor of Science in History, Chair of Department of World History and International Relations, Director of Altai School of Political Studies, Head of Altai Branch of Russian Association of Political Science, Altai State University.
E-mail: ashpi@ya.ru

Chugunova Nadezhda E., PhD student, Irkutsk State University.
E-mail: chugunova38@yandex.ru

Kataman Dmitriy O., PhD student, Omsk State University.
E-mail: katamandmitry@gmail.com

Khakhalkina Elena V., Professor, Doctor of Science in History, Faculty of History, Tomsk State University. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Krupets Yana N., Candidate of Sciences, (PhD) in Social Science, National Research University "Higher School of Economics", St. Petersburg.
E-mail: krupets@gmail.com

Kuznetsova Maria A., Master's Degree student, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Faculty of History, Tomsk State University.

E-mail: 79528818483@yandex.ru

Lekarenko Oksana G., Doctor of Science in History, Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Tomsk State University.

Email: olekarenko@gmail.com

Leskina Natalia V., Candidate of Science (PhD) in History, Assistant lecturer, Department of International Theory and History, Ural Federal University.

E-mail: nathalieleskina@gmail.com

Malysheva Nina S., Candidate in Science (PhD) in History, Associate Professor, Department of History and International Relations, Altai State University.

E-mail: nimmer@rambler.ru

Matveeva Elizaveta A. Candidate of Science (PhD) in History, Associate Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University.

E-mail: elizmatv@yandex.ru

Miroshnikov Sergey N., Associate professor, Jean Monnet Chair, Director of the Research Centre for International Organizations and Network Structures, Department of World Politics, Tomsk State University.

E-mail: smiroshnikov64@mail.ru

Morozova Anna E., Candidate of Science (PhD) in History, Associate Professor, Tomsk State University,

E-mail: ann.morozo@yandex.ru

Muratshina Ksenia G., PhD in History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, Ural Federal University.

E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru.

Neupokoeva Julia A., Master's Degree student, Department of History and Political Sciences, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University.

E-mail: yulia.neupokoewa@yandex.ru

Oleynikov Ilya V., PhD in History, Associate Professor, Department of Political Science, history and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University.

E-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Omelchenko Elena L., Professor, Doctor of Science in Sociology, Professor, Director of Centre for Youth Studies, Higher School of Economics, St. Petersburg.
E-mail: eomelchenko@hse.ru

Pakulin Vitaly S., Master's Degree student, Faculty of History, Tomsk State University.
E-mail: truehickey@gmail.com

Pogorelskaya Anastasia M., Candidate of Science (PhD) in History, Senior lecturer, Deputy director at Excellence Support Unit, Tomsk State University.
E-mail: lisbonne@rambler.ru

Potapov Pavel A., Master's Degree student, Department of International Relations, Faculty of History, Tomsk State University.
E-mail: potapovpaul09@gmail.com

Rouze Lola, Master's Degree student, Law Faculty, University Lumière Lyon 2, France, exchange student at Tomsk State University.
E-mail: lola.rouze@gmail.com

Sablin Kirill S., Candidate of Science (PhD) in Economics, Associate Professor, Department of Economics and Public Administration, Institute of Economics and Management, Kemerovo State University.
E-mail: sablin_ks@mail.ru

Sablina Anastasia A., Research assistant, Centre for Youth Studies, Higher School of Economics, St. Petersburg.
E-mail: asablina@hse.ru

Samutina Olga S., PhD student, Kemerovo State University.
E-mail: olga_samutina@mail.ru

Smolenchuk Olga Y., Candidate of Science (PhD) in History, International Resource Centre, Scientific Library, Tomsk State University.
E-mail: smolenchuk@gmail.com

Suprygina Galina G., Candidate of Science (PhD) in History, Associate Professor, Department of World Politics, Faculty of History, Tomsk State University.
E-mail: askis@ngs.ru

Troitsky Evgeny F., Doctor of Science in History, Professor, Jean Monnet Chair, Department of World Politics, Tomsk State University.
E-mail: eft@rambler.ru

Tsibizova Irina V. – student, faculty of history, department of international relations, Tomsk State University.
E-mail: irka_656@hotmail.com

Ulyanov Pavel V., PhD student, Department of World History and International Relations, Altai State University.

E-mail: imperialnext@mail.ru

Vasileva Nadezhda V., research assistant at Centre for Youth Studies, Higher School of Economics, St. Petersburg.

E-mail: nvvasileva_2@edu.hse.ru

Vshivkova Anastasia A., Master's Degree student, Department of Economic Theory and Public Administration, Institute of Economic and Management, Kemerovo State University.

E-mail: a.vschivkova@yandex.ru

Wolfson Savely V., Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Faculty of History, Tomsk State University.

E-mail: volfson@dir.tsu.ru

Yumatov Konstantin V., Candidate of Science in History, Associate Professor, Kemerovo State University.

E-mail: yumatov@list.ru

Zlobina Elizaveta O., Bachelor student, Department of International Relations, Faculty of History, Tomsk State University.

E-mail: liza_zlob@mail.ru

Zueva Tatiana V., Master's Degree student, Faculty of History, Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Tomsk State University.

E-mail: tatianazuevank@mail.ru

Научное издание

МОЛОДЕЖЬ ЕВРОПЫ И РОССИИ.
ЕВРОПА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ
ГЛАЗАМИ УЧЕНЫХ

Материалы международной научной
конференции

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 10.05.2018.

Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 10,1; усл. печ. л. 9,3; уч.-изд. л. 9,0. Тираж 500. Заказ 411

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1